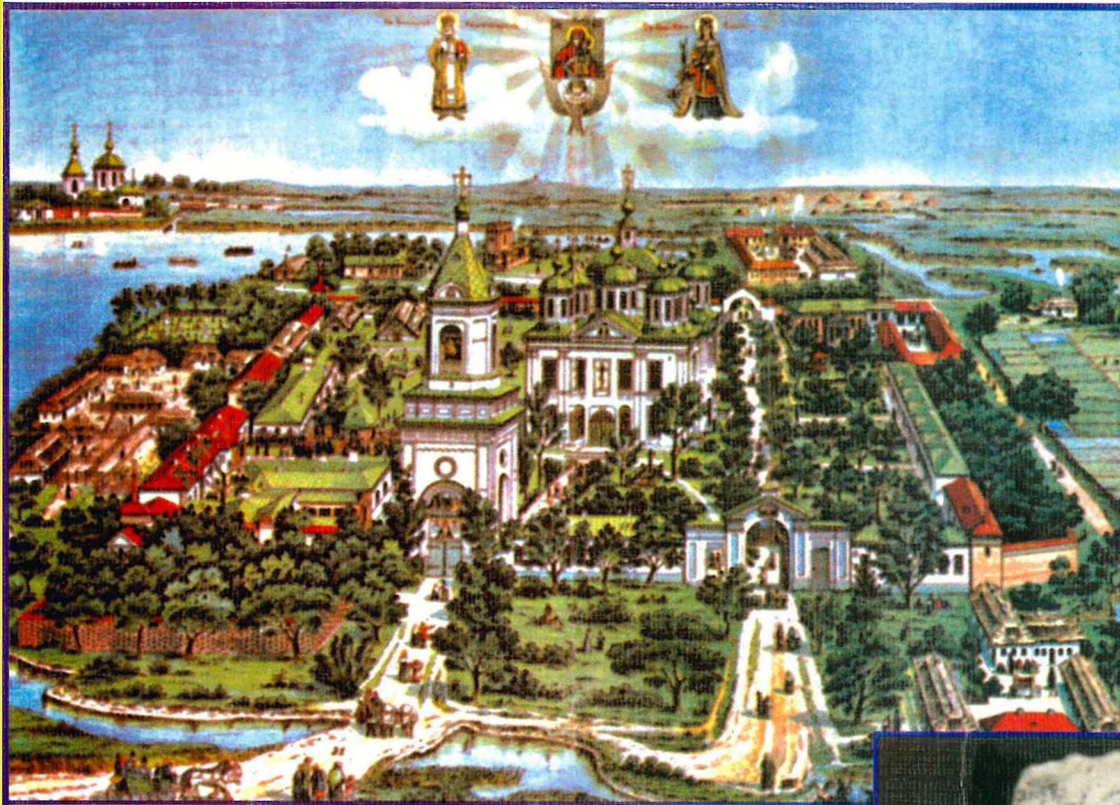

СТАНИЦА

общеказачья газета

издается в России с января 1992 г.

№ 1 (44) март 2005 г.

**“Легенды
Лебяжьего
острова”**

история
самого
известного
на Кубани
монастыря
стр. 13 - 15

**“Ай да
Донцы -
молодцы!..”**

из
воспоминаний
С. Жарова
стр. 31 - 33

*Лебяжья пустынь на Кубани
От традиций Сечи до уничтожения советами*

В номере:

- * **Зачем Святослав Хазарию разрушил?..**
Кто и как изучает сегодня историю казачества
- * **Тамань аммиачная**
Жемчужина Кубани на грани экологической катастрофы
- * **Запорожец за Кубанью**
Материалы по истории переселения запорожцев
- * **Станица Черноярская**
Продолжаем знакомить с историей станиц Терского казачьего войска
- * **Юдзятуньский кавалерийский бой**
Неизвестная страница забытой войны
- * **Отзвук Крюкова**
О влиянии Федора Крюкова на творчество Шолохова
- * **О героях и шакалах**
“Патриоты” на службе необольшевизма

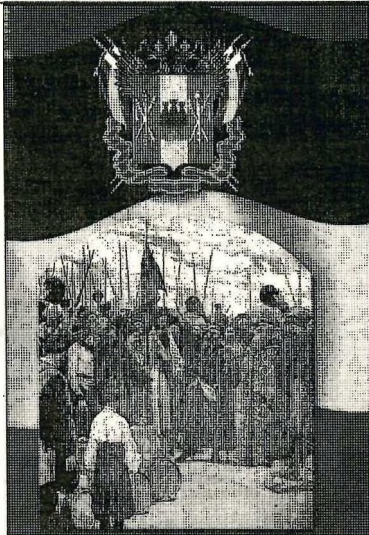
Сергей Александрович Жаров
- бессменный руководитель
самого известного в мире
казачьего хора

В защиту народоправства

В декабре 2004 года в музее современной истории Ростова на Дону прошла выставка "Демократические традиции донского казачества", представившая экспонаты собрания областного музея краеведения - от античной эпохи и до наших дней.

На Дону на протяжении многих веков смешивались культуры, создавая разнообразные самобытные формы народного правления. Выставка наглядно показала древние корни казачьей демократии.

Казачье самоуправление - это уникальное явление всемирной истории. И тем более важно, чтобы современное казачество стало полноправным достойным восприимчивым демократических традиций предков - и играло столь же заметную роль в общественно-политической жизни страны.

Демократические традиции донского казачества

Уже 15 лет живет и действует казачество, обретшее такую возможность после свержения в 91-м году советской власти. Тогда начала становиться новая форма правления, похожая на демократию, особенно в первые ее годы. Демократический облик ей придавали, хоть и ограниченные, но все же явные свобода слова (печати) и выборов. Именно в этих условиях бурно развивалось движение потомков казаков. По стране почти одновременно возникли сотни казачьих общин, землячеств, началось возрождение традиционных казачьих Войск. Если бы не сопротивление властных российских структур, сделано было бы, конечно, еще больше.

Однако до сих пор нет достоверной информации о числе казачьих потомков, считающих себя казаками. Согласно официальным данным, на 2004 год в реестре - более 660 тысяч казаков, в более чем 600 общественных организаций - свыше 100 тысяч человек. Вместе с тем, по данным последней Всероссийской переписи населения, только 140 тысяч граждан в опросном листе в графе "национальность" записали - "казак".

По тем же официальным данным, реестровые казаки проходят службу по призыву и контракту в 13 воинских частях и 42 погранзаставах, некоторым из них присвоены традиционные казачьи именованья. Но цифирь эта явно от лукавого - во многих т.н. "казачьих" частях служат лишь единицы казаков, командиры сплошь армейские, а содержание службы далеко от казачьей.

Уже ясно - благие надежды казаков на Указ Президента N 563 от 16.04.1996 г. "О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе" не оправдались. К госслужбе не привлекли, а служба "иная" оказалась преимущественно охранной, что никак не согласуется с вековыми казачьими традициями. Более того - после упразднения Главного управления казачьих войск никто исполнением того указа, по существу, и не занимается.

Несомненное достижение - создание более 20 казачьих кадетских корпусов; более чем в трех сотнях школ России действуют казачьи классы. Конечно, это мало для всего казачества, но для начала совсем не плохо. К сожалению, и тут особых перспектив не видно. Наш президент, не питая чрезмерной любви к казакам, дал своему советнику по делам казачества указание, чтобы впредь не было специальных казачьих кадетских корпусов, а только армейские. Да и вряд ли выпускники казачьих корпусов смогут продолжить именно казачью службу, ведь реальных шагов по со-

зданию отдельных казачьих частей не предпринимается.

Народ давно приметил: если наш всенародный избранный публично что-то обещает, то сделано будет как раз наоборот. В подтверждение этой приметы недавно "Новая газета" в материале "Президент простой и ложный. Десять мгновений государственного вранья" описала 10 президентских обещаний, "исполненных" таким образом. Для иллюстрации - два примера.

В. Путин, 6 мая 2000 г.: "Отбирать у людей право выбирать себе руководителей в регионах было бы неправильным и стало бы элементом неуважения к избирателям. Избрание руководителей субъектов Федерации повлечет ответственность руководителей за результаты их труда". С февраля 2000 по декабрь 2002 года Президент 6 раз уверял, что не будет отменять прямые выборы глав регионов. Результат известен...

В. Путин, 24 сентября 2004 г.: "Свобода прессы - это одна из опор нашего демократического фундамента, гарантия независимости демократического развития, необратимости этих процессов". Замечательные слова! А дела? Центральные телеканалы страны - под контролем администрации президента и зомбируют население в духе преданности режиму. Акции ОРТ и НТВ перешли к бизнес-структурам, подконтрольным кремлевской верхушке, независимых газет в стране остались единицы. Власть еще не додумала свободу слова, но все идет к тому, что додумит.

В свете сказанного интересно прошлогоднее заявление нашего генерал-советника Г. Трошева: "Президент РФ обещает внести в Госдуму многострадальный проект закона (о казачестве - В.Ш.). Есть надежда, что он будет принят уже в этом году. Путин В.В. дважды публично заявлял об этом, а своему слову, как мы убедились за прошедшие четыре года, он хозяин". Какая наивность! Видимо, Геннадий Иванович не верит народным приметам - а зря!

А многие казаки далеко не так простодушны. В "Станицу" приходят примечательные в этом плане письма. Вот обращения казаков Торгашинской станицы Енисейского войска (атаман станицы есаул Л.П. Данилов) и из Екатеринбург (есаул Е.А. Кукурузенко). Авторы единодушны: президент и Дума казакам не помогут, надо рассчитывать только на свои силы!

Е.К.: "В ноябре 2003 года нынешний Президент, выступая по телевидению, обещал, что будет принят закон о казачестве, но воз и ныне там... Власть не слышит нас, значит, нам самим нужно становиться частью этой власти". Л.Д.: "На примере многолетней эпопеи с законом о казачестве видно, что для неких сил казаки - это кость в горле... Создание нашей партии будет актуально именно сейчас... Вот тогда наши депутаты не только примут закон о казачестве, но смогут много полезного и для казачества, и для России".

На местах порой видят решение казачьих проблем в создании своей общероссийской партии. Как пишут торгашинские казаки - "российский народ давно ждет ту силу, вокруг которой можно сплотиться и которая его не обманет, как это делали многие партии". Е. Кукурузенко предлагает "координационный центр Казачьей партии создать в Екатеринбурге, как наиболее удобном месте".

Подобные инициативы заслуживает обстоятельного обсуждения - тем более, что после принятия новых требований к партиям создать их без огромных денежных вливаний и мощной рекламной кампании невозможно. Есть и накопленный опыт неудач создания "казачьих" политических структур - упомянем хотя бы НППКС "Казаки России", созданную пару лет назад в Самаре Б. Гусевым.

Для создания партии нужна, прежде всего, серьезно проработанная, прописанная до мелочей во всех ее разделах, с конкретными реальными предложениями по обустройству России и казачьих областей программа. Кто ее подготавливает - и именно такую, чтобы была принята большинством казаков? К великому сожалению, единства в казачьем движении нет и не предвидится.

Нет и явных лидеров, чей авторитет в казачьем движении был бы непрерываемо, с необходимым интеллектуальным уровнем, связями в бизнесе и властных структурах.

Очевидно также: казачья партия, ее программа должны быть близки и понятны не только собственно родовым ка-

закам, но и большому числу соседей-иногородних, жителям деревень и больших городов. Даже если создать 50-тысячную партию, с необходимым числом региональных отделений - как выиграть выборы в округах, где нет казачьего большинства (даже на Дону и Кубани)?

И, наконец - можно ли в нынешних условиях ("не важно, как выбирают, а важно, кто считает") надеяться на честные выборы? Дума и Совет Федерации давно уже не являются традиционным парламентом - это одна кремлевская машина для голосования. Все президентские законопроекты пролетают через нее со свистом. И, похоже, дальше этот свист будет еще более пронзительным, а малочисленные оппозиционные думские фракции останутся абсолютно беспомощными.

Социологические исследования РОМИР-Мониторинг в конце прошлого года показали: более половины опрошенных считают, что в своем развитии Россия зашла в тупик. По мнению социолога Н. Попова, "это ощущение несправедливости, несправедливости, расхождения между реляциями официальных властей, что экономика растет, и отсутствием реального улучшения уровня жизни. За год эти ощущения выросли почти вдвое - с 29% до 48%". После т.н. монетизации (правильнее - мошенизации) эти ощущения только растут. Наконец-то хотя бы половина народа начинает понимать, что путинское руководство идет к саморазрушению: и самого себя, и государства.

Превращение Думы в машину для голосования, фактиче-

ское уничтожение верхней палаты, тотальное подчинение судебной власти исполнительной - это на самом деле отмена важнейшего положения Конституции о разделении властей и возврат к классическому советизму. Удушение оппозиции путем увеличения минимальной численности партий, отмена выборов по одномандатным округам и прямых выборов глав субъектов федерации ясно показывают - идет тотальное наступление на сам институт выборов.

В ежегодном "списке свободы" американской независимой организации Freedom House Россия опустилась с позиции "частично свободных" стран в яму "полностью несвободных". По оценкам правозащитников, мир в целом стал за минувший год демократичнее: из 192 государств сегодня "полностью свободны" 46%. Россия приближается к таким странам, как Куба, Ливия, Северная Корея, Туркмения. Руководство Ф.Н. прямо связывает падение рейтинга России с политикой президента: "Шаг назад в категорию "несвободных" - это кульминация усиливающейся тенденции при Путине к концентрации политической власти, нажиму на СМИ и их запугиванию, политизации правоохранной системы страны".

В этих условиях у казачества, как традиционного носителя и поборника народоправства (т.е. демократии), нет более значимой задачи, как защита свободы и гражданских прав, в первую очередь - свободы слова и выборов. И собственных, и в масштабе всей страны.

В. Шукров

И з - п о д о л ы б п а м я т н и к и и п а м я т ь

В новой России пока еще много, очень много памятников большевизмическим палачам. Еще очень много улиц и площадей носят имена воров и изменников родины. Но, тем не менее, пусть чрезвычайно медленно, но все же неодолимо появляются на ее карте и памятники героям Белой Борьбы.

Первым, кажется, стал мемориал памяти генерала Л.Г. Корнилова и его соратникам. Памятник с трехметровым мраморным крестом в середине был сооружен в сентябре 1992 года на окраине Екатеринодара - там, где весной 1918 года цепи корниловцев наступали на город. Архитектурный ансамбль на берегу Кубани создан стараниями и средствами Кубанского Казачьего Союза США. У памятника нелегкая судьба. Он находится несколько в стороне от людных мест, поэтому просто вандалы и последователи "единственно верного" учения не раз совершали на него набег, разбивая плиты и воруя металлические детали. Кроме того, мы помним - первым всегда приходится несладко!.

В декабре 2003 года в Сальске Ростовской области был открыт второй в России памятник белому генералу - С.Л. Маркову. Автор скульптуры - заслуженный художник России В. Суровцев. Про установку этого памятника "Станица" рассказывала не так давно, так что нет смысла повторяться. Заметим лишь, что он установлен в центре города и с одобрения местных властей, а посему покушений на него пока не отмечено. Хотя, конечно, недовольных, особенно из числа коммунистов, хватает.

Наконец, в прошлом году в Иркутске был установлен памятник Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку. В отличие от двух первых, это событие довольно широко освещалось прессой и по ТВ, подаваясь в рамках кампании по "национальному примирению". Собственно говоря, сам памятник этот так и был задуман своим создателем - скульптором В. Клыковым, известным своими попытками "соединить" несоединимое - "скрестить ужа с лягушкой". На постаменте памятника изображены два бойца - бело- и красногвардеец.

Освещая открытие монумента, пресса и ТВ старались делать упор на научных заслугах адмирала. А, если уж приходилось касаться периода гражданской войны, немедленно затаскивала в сюжет какого-нибудь красное-

вою - "для равновесия", так сказать.

Не думаю, правда, что сам Колчак был бы рад попыткам "посмертно" примирить его с красной сволочью - которая мало того, что убила его самого и разграбила страну, так еще 80 лет спустя отказывается реабилитировать тех, с кем, вроде бы, "примиряется" для вида! А уж строй из солдат в советской форме, красный флаг и гимн СССР на открытии памятника белому вождю - это, простите, вообще полный идиотизм!

Кстати, эту же, с позволения сказать, музыку играли и на церемонии в Сальске. Потом, в прошлом же году, подобная история приключилась и в Севастополе. Во время торжественного перезахоронения праха павших при обороне города во время Крымской войны русских воинов - солдат императорской армии, присягавших царю! - снова звучал гимн СССР. Хотя, разумеется, куда уместнее здесь было бы исполнить "Боже, Царя храни!" или, на худой конец, "Патриотическую песнь" Глинки. Не говоря уже о том, что прежде в России для таких случаев был и особый таурный гимн - "Коль славен...!"

Тенденция, однако! А если еще вспомнить вновь установленные там и сям по всей Руси великой памятники Ленину и даже Сталину...

Примеры тому и в наших казачьих краях сыщутся. Не так давно вдруг возник истукан на площади посреди города Темрюка. Никаких разумных тому объяснений у властей не сыскалось - мол, лежал оный "лукич" где-то на складе; не пропадать же добру - вот и решили установить. Да мало ли что у кого там валяется - что, всю дрянь на показ волочь срочно?..

Или еще пример, тоже относительно недавний. В станице Староцербиновской (откуда 200 лет назад начиналось освоение Кубани запорожцами) установили лет десять назад станичники памятнику казаку. Небольшой, чуть больше человеческого роста. Ох и долго же, видать, терпели местные власти это безобразие! Терпели, терпели - и не вытерпели! "Для равновесия", опять же, поставили прямо напротив здорового такого бронзового Ленина. "Примирили", не иначе! И смотрит теперь "вождь мирового пролетариата" - эдак сурово, сверху вниз! - на казака. А тот стоит, грустный такой...

В общем - полная путинская каша в голове. "Примирение" - на грани оскорбления!

Г. Кокунько

“Зачем Святослав Хазарию разрушил?..”

Статья М. Кутузова “Мир знает о казаках, про казаков что-то слышал...” в прошлом номере “Станицы” меня насторожила. В нашем терском роду в жены часто брали украинок - и моя бабушка, и мама, и жена - украинки. Вообще у терцев перед лицом общей угрозы никогда не было деления на “холов” и “кацапов” - в наших станицах они были примерно поровну представлены. И в архивах о растерзанных ингушами и чеченцами в 18-20-х годах прошлого века терских станицах - среди убитых казаков фамилии на “-о” чередуются с фамилиями на “-ов”. Так что совершенная дикость - сообщения об участии неких “украинских националистов” в последних чеченских войнах на стороне наших вековых врагов.

В совковой армии у меня лучшие друзья были из киевлян. С Е. Диденко до сих пор общаемся. В станице Змейской, воевавшей с красными - рядом Диденки и Кирилловы. А теперь, оказывается, на Украине задумываются (при турецком вспомоществовании!): “Зачем донцы взяли Азов, вместо того, чтобы торговать?..”

Да затем, что крымцы с турками терзали русскую “украину”! Как торговать с тем, кто постоянно грабит вас, угоняя в полон детей и женщин? На Дону тогда хлеб сеяли мало - опасались. Промышляли охотой, рыбной ловлей, скотоводством и “молодечеством” - то бишь отечая тем же по тому же месту басурманам.

Это ж надо: “Донцов-де подкупили австрийцы на Азов”! Удогову бы в голову не пришло! Как подкупить на смертельно опасное дело? Не иначе, уважаемый знаток козачества по себе мерит, отработывая турецкие лиры.

А если и помогли австрийцы - так Слава Богу! Да и германским племенам известны эти места куда ранее турок: еще в 4 веке нашей эры они вклинились в Причерноморье с северо-запада, отбросив пришедших с востока ираноязычных кочевников, тиранивших греческие причерноморские колонии и подчинивших поднепровских скифов-пархарей. Не было еще и в помине ни турок, ни татар, ни ислама. И только гуннская орда вместе с сарматами опрокинула остготов, докатившись до Каталунских полей.

Вероятно, и остготы Германариха вернулись на еще ранее им известные места вместе с нашими общими арийскими предками (см., например, работы Асова на основе рунических древнеславянских письменных памятников). И Хейердал не случайно искал под Азовом мифический Асгард скандинавских и древнегерманских саг! Так что у славян прав на земли древнего Тьмутараканского княжества побольше, чем у татар и турок, пришедших туда много позже.

Немцы не случайно верой и правдой служили на Кавказе России. И Россия, в свою очередь, не случайно селила их на Кавказе. Как говорится в Библии: “Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот, это новое”, но это было уже в веках, бывших прежде нас”.

Антирусская пропаганда из Турции сеет вражду, чтобы потом властвовать над всеми. Турки уже немцам на голову сели; скоро “войдут в Европу”, и “новая Европа” станет со временем турецко-арабской колонией. Там “толерантность” в законе уже до того дошла, что разведенная английская принцесса, любимица толпы, проводила время с арабом на две головы себя ниже. Можно ли что придумать более унижительное для бывшей Великой Британии?

Это в Австрии, помятая турок-завоевателей, правые пытаются хоть как-то ограничить поток мигрантов. А вот на Украине, с еще большей памятью турецких набегов, память притупилась. Или турчина батькой признали? Почему украинская певица едет в Турцию задницей крутить перед потомками янычар, за волосы ее пра-прабабка туда тащивших, а пра-прадедов на галеры-кагорги сажавших?

И во Владикавказе нередки теперь случаи принятия ислама славянами - но и тут среди них в основном одни украинцы, из позднепришедших...

Как продали своего гетмана Петлюру, думая от большевиков в Самостийной отсидеться - вспоминать неприятно! Зато любят на майдане поминать обиды от “москалей” (в

коих зачислят скопом и тех, кто ими никогда не был, а пострадал от большевиков не меньше, чем на Украине). И вот результат: из-за бесплодного острова казаки и козаки смотрят друг на друга в полевые бинокли. А в Крыму мечети, как грибы, растут. Да и на Кубани немногим лучше в этом плане...

Ой, не прогадайте, хлопцы - того и гляди, станет Крым татарско-турецким. Украина ще не вмэрла - покида Россия дышит! Не будет этого буфера - российского Кавказа - азиатцы живо о себе напомним. Пока же все идет к тому, что ослабленная Россия становится “украиной” для бывшей Малороссии, с трудом охраняя некогда общие наши восточные и южные рубежи...

Осталось добавить: я вполне разделяю мнение М. Кутузова - нынешнее “государство” на месте России не помогает казакам. Так хоть бы не мешало!..

Газеты вроде “Станицы” нужны, и совсем другими тиражами; но пока государство не профинансировало даже переиздание классических трудов по истории казачьих войск, не говоря уже о периодике! А то, что есть у реестровиков, поразительным образом вместо живого слова вырождается в бюрократические отписки. Все движение держится на инициативе сподвижников.

То, что пережила Украина при Сталине, терцы и кубанцы пережили еще при Ленине и Троцком. Не раскрыв всей правды о большевизме, о терроре против казаков, против всего русского народа - правды, которая остается еще неизвестной на Украине, особенно в ее западной части - можно ли рассчитывать на симпатии украинских националистов к нынешней России?

В. Кириллов

P.S. Цена основателя современного евразийства Льва Гумилева, его энциклопедичность, применение параллельных источников в исследованиях, заметим - теории его часто субъективны, продикуваны детскими комплексами. Его отец - последний русский поэт, рыцарь, монархист (“я - конквистадор в панцире железном...”), мать - шалая, неустойчивая татарка (“ах, зачем я крещена...”). Слова отца: “Из города Киева, из логова змиева, я взял не жену, а колдунью...” - во многом говорят о мучительном характере их союза.

Желание сына “примирить лес со степью” - сублимированная мечта видеть отца и мать вместе, и в то же время - преобладать, разделяя сторону матери, как сказал бы психоаналитик-фрейдист. А от притягивания “фактов” к гипотезе - порой лишь шаг до притворкизма.

Во всяком случае, желание видеть в терских и донских казаках этаких эндемиков, оставшихся от Хазарии, противоречит их собственному мироощущению и преданиям (по крайней мере - первых) и может быть объяснено лишь недавним запретом на историческую память. Следы хазар у донцов сохранялись весьма смешанные. У тех же осетин (называемых в грузинских летописях “потомками хазарского царя Уобоса”) их куда больше, не говоря уж о других ираноязычных народах.

У тех же терско-гребенских казаков прекрасно отличали казаков из татар - окоченов - от коренных. Корни первой волны терцев - гребенцов - даже не донские, а более северные. В 19 веке терцы пели - “С краев полуночи на полдню далеко могучий державный орел прилетал...”, подчеркивая свое этническое мироощущение; у них бытовало предание о сродстве с новгородцами-ушкуйниками. И жалованные одной из императриц знамена с новгородскими и псковскими гербами, видимо, не случайны. Как и схожесть былин, записанных только на русском севере и у казаков.

Следование “гумилевщине” (имея в виду сына, а не отца) оправдывает процесс, обратный распространению казачества и Российской империи. Наш ли это путь? Во всяком случае, не терцев, всегда преданных России, а потом и белому движению в последней русской смуте...

Тенденции современной казачьей историографии - подчинить казачью историю то тюрской, то татарской, то польской, соответственно вывернув наизнанку казачью душу - опасны. Как бы в другой раз не услышать рассуждение вроде - “А на кой ляд Святослав разрушил Хазарию? Так хорошо под каганом было!..”

Памятник кошевому атаману

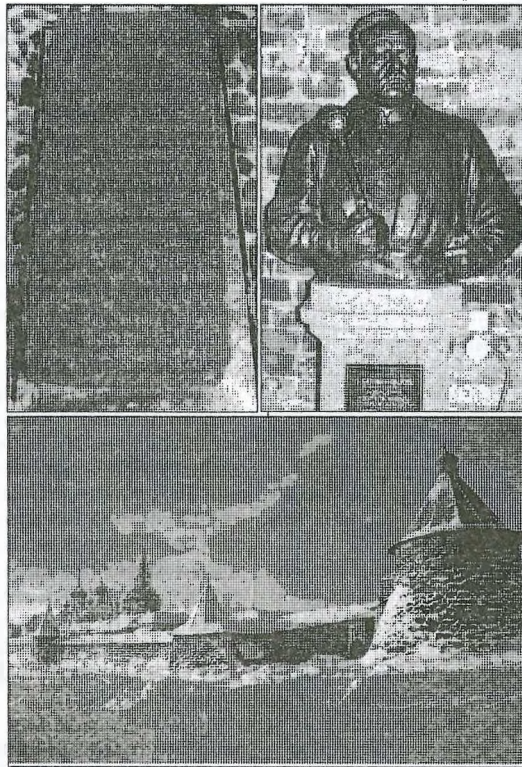
Делегация Украины, в составе которой были известные общественные деятели и депутаты Верховной рады, участвовала в открытии памятника последнему кошевому атаману Запорожской Сечи. Установлен он в Соловецком монастыре, где Петр Калнышевский провел в заточении 27 лет, дожив до 112 лет.

Из Запорожья привезли метровый бюст атамана, сделанный по редкой архивной линогравюре, и установили на постаменте из серо-голубого запорожского гранита под северной папертью Преображенского собора. В монастырь Екатерина II послала его по совету своего фаворита - князя Григория Потемкина, который называл прежде Калнышевского приятелем.

Запорожцы во главе со своим атаманом помогли светлейшему победить турок в войне 1769-74 гг. Тогда же Екатерина II наградила кошевого за храбрость золотой медалью с бриллиантами. Но границы России отодвинулись от Запорожской Сечи далеко на юг, и "гнездо бунтовщиков" стало раздражать Императрицу. В 1775 году она издала Манифест о ликвидации Сечи и Запорожского казачества.

Кошевого сослали в Сибирь, а в 1776 году 85-летнего Петра Калнышевского перевезли на Соловки, велев содержать "без выпуска из монастыря и удалять не только от переписок, но и от всякого с посторонними лицами обращения за неослабным караулом находящихся в монастыре солдат".

"Порционных денег" выдавали один рубль в день (примерно в 40 раз больше, чем другим заключенным). На них Калнышевский отремонтировал свой каземат, а в

конце жизни купил за 2435 рублей Евангелие, передав его в качестве вклада в монастырь.

В 1801 году Император Александр Павлович разрешил ему покинуть Соловки, но Калнышевский был уже глубоким стариком и предпочел остаться в монастыре. Через два года он умер и был похоронен на монастырском кладбище. Сохранилась надгробная плита с надписью: "Здесь погребено тело в Бозе почившего кошевого некогда Запорожской грозной Сечи казаков атамана Петра Калнышевского, сосланного в сию обитель по Высочайшему повелению в 1776 году на смирение. Он в 1801 году по Высочайшему повелению снова был освобожден, но уже сам не пожелал оставить обитель, в коей обрел душевное спокойствие смиренного христианина, искренно познавшего свои вины. Скончался в 1803 году, октября 31 дня, в субботу 112 лет от роду смертию благочестивою, доброю".

- Хотим восстановить также камеру, в которой содержали Калнышевского, и помогать Соловецкому музею, - сказал генеральный директор ОАО "Мотор-Сич" (главный спонсор акции) Вячеслав Богуслаев. - Это не политическая акция. К сожалению, наши страны разделили. Но Украина - это часть прежней Великой России. Если не развивать уважение к нашим предкам, то нельзя попасть в будущее. Можно построить только кривое зеркало!..

Н. Мирошниченко ("Русский курьер")

На фото - надгробная плита и бюст последнего кошевого Запорожской Сечи; вид Соловецкого монастыря.

"И Париж выдали мы..."

- и захватчика - француза хорошо бивали мы!.."

Эти слова башкирской песни "Любезинский любизар" появились в память о похвале М.И.Кутузовым башкирских полков в 1812 году: "Любезные вы мои башкиры, хорошо деретесь. Молодцы!" В одном из писем губернатору Г.С. Волконскому фельдмаршал писал: "...Вы не можете представить... с

какой храбростью наши воины, в том числе казаки и некоторые башкирские полки, поражают их (французов)".

Башкирские конники привлекались на иррегулярную российскую службу с 1613 года. В войне с Фридрихом II они дошли до Берлина, где были прозваны "северными амурами" за свои колчаны со стрелами.

В первые месяцы войны с Наполеоном, кроме уже находившихся на службе, были сформированы еще три башкирских полка. Всего за время кампании башкирские кантоны направили в армию почти 17 тысяч воинов - 32 казачьих полка: по 2 мешарских и тептярских и 28 башкирских. Каждый полк состоял из 500 рядовых и 30 офицеров. В Бородинской битве 1-й башкирский полк действовал в составе конницы Платова.

В воспоминаниях Дениса Давыдова есть строки, посвященные башкирским "ягуирам" ("воинам"), одними из первых вошедших в Париж. Многие башкирские казаки получили тогда свои первые офицерские чины, были награждены медалями и орденами. Одним указом Императора "За доблесть и героизм, проявленный в сражениях", были награждены генерал-майор Д.Давыдов и командир 1-го казачьего тептярского полка Кутлугильда Темиров.

В составе иррегулярных войск башкирские казаки несли службу до 1882 года. В 1865 году их передали в ведение

МВД: два полка - на охрану побережья Финского залива, остальные - в крупные города для несения конно-городовой службы.

В 1878 году численность Башкирского войска была снижена до одного полка, а в 1882 году был упразднен и он.

В 2001 году на территории Башкортостана как общественное объединение было зарегистрировано Бельское казачье войско, названное по главной реке республики - Белой. Отделы организации действуют в различных районах республики, ее атаман - В.П. Гулай.

Одно из главных направлений деятельности организации - участие в восстановлении храмов, разрушенных при советской власти. Так, на колокольне Свято-Никольского храма села Булгаково под Уфой установлен пожертвованный казаками колокол; оказывают они помощь и в ремонте храма Табынской иконы Божией Матери (с. Табынское).

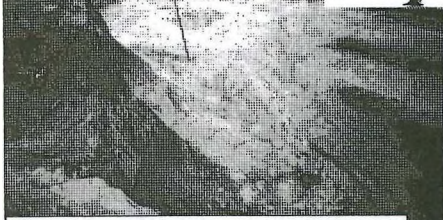
10 сентября 2004 года в парковом ансамбле кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы в Уфе при активном участии казаков был открыт памятник Денису Васильевичу Давыдову, в отрядах которого некогда сражались башкирские казаки. На открытии присутствовали представители казачьих организаций, ветеранов, правительства и силовых ведомств Башкортостана. Чин освящения памятника совершил Архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон.

Бюст героя 1812 года создан местным скульптором А.В.Васильченко. В основание памятника была заложена капсула с землей с места захоронения Дениса Давыдова на московском Новодевичьем кладбище.

Б. Малородов

Угроза жемчужине Кубани

Так выглядят сегодня таманские пляжи в районе строительства...

Больше 10 лет казаки Таманского отдела борются с размещением на полуострове объектов перевалки опасных грузов с использованием открытой части

предприливного пространства Черного моря.

По заключению лаборатории шельфа и морских берегов РАН, размещать такие объекты в районе мыса Железный Рог недопустимо. Он отнесен к категории девятибальной сейсмичности. На материковой части отсутствуют коренные породы, на побережье идет оползневый процесс; часты извержения грязевых вулканов. Море в районе мысов Панагия и Железный Рог опасно для судоходства - много отмелей и рифовых гряд, преобладают неустойчивые, с переменным режимом течения. Нередки опасные атмосферные явления (смерчи, шквалы, туман) - в среднем 146 дней в году неблагоприятны для погрузочных работ. И никакие проектные варианты не исключают аварии с выбросом в море и атмосферу вредных и отравляющих веществ! Рядом с аммиачными терминалами расположены населенные пункты, государственный заказник, детский курорт Анапа. Здесь же - самая продуктивная часть Черного моря, где обитают и нерестятся ценные породы рыб, в том числе кефалевые и занесенные в Красную книгу калкан и осетровые, проходят главные миграционные пути хамсы и сельди, производится основной промысел шленгаса.

Недопустимо нарушать установившийся за тысячелетия природный баланс. Большое строительство у побережья нарушит природный баланс и приведет к непредсказуемым последствиям, нанесет огромный урон рыбозооценозу и Тамань-Запорожскому заказнику; нависнет угроза над самим существованием анапских пляжей.

Особо опасна перевалка жидкого аммиака и сжиженного углеводородного газа. Это ядовитые, взрывоопасные вещества, и может возникнуть необходимость (как это сделано у порта Южный на Украине) отселения жителей ряда населенных пунктов. Доставка ядовитых веществ железной дорогой создаст опасность возможных экологических катастроф для многих районов края. Только аммиака намечается доставлять более 6 тысяч тонн в сутки!

России, безусловно, нужны транспортные развязки на юге страны. Но вполне решило бы проблему дальнейшее развитие уже существующих в районе или заложенных портов. Однако еще недавно громко рекламируемый Азово-Черноморский порт канул в Лету, а порты Темрюк и Кавказ не находят дальнейшего развития.

Особо отметим, что толстосумы из "Тольяттиазота" разрабатывают наиболее дешевые проекты, пренебрегая предостережениями о возможных катастрофических последствиях. Сначала, как бы прислушиваясь к требованиям ученых, они заявляли о прокладке продуктопровода к пункту загрузки судов по дну моря - в реальности же сооружается эстакада. Или - в заключении экспертной комиссии указано, что "для сооружения ж/д полотна местные строительные и глинистые грунты по своим физико-механическим свойствам непригодны". Но дорога до п. Волна уложена на подсыпку из местных грунтов...

В протоколе экспертного совета от 23.07.1998 г. указано: "...транспортировка аммиака железнодорожным транспортом требует комплексного подхода к развитию ж/д путей и строительству новых станций, в том числе сортировочно-накопительной г. Крымска". Но ничего по реконструкции коммуникаций не делается.

Проявлен и вандализм в отношении античного городища (ущерб более чем на 2 миллиарда рублей), превращено в руины уникальное природное создание - гора Зеленская.

Руководство "Тольяттиазота" неоднократно предупреждало о недопустимости проектирования и строительства без согласия населения, чего требует закон. Но с попустительства органов местного самоуправления эти требования были проигнорированы. Уникальный уголок России, способный стать одним из ведущих курортов страны, превращается в промышленные трущобы!

Отвод земли под объекты комплекса произведен в нарушение законов и нормативных актов РФ. Изучение мнения граждан и общественных организаций относительно стройки не проводится. Наши материалы, обоснованные выводами ученых, в печати не публикуются, и население фактически ничего не знает о надвигающейся беде. Все делается в тайне, ибо инициаторы стройки знают - итоги проведенных нами пробных сборов подписей не в их пользу. Вместо гласного всестороннего обсуждения проблемы, местная и краевая печать либо замалчивают ее, либо сообщают о поддержке строительства теми или иными должностными лицами, ссылаясь на то, что соглашения губернатора края и главы Темрюкского района с корпорацией "Тольяттиазот" подписаны, правительством России одобрены, и обратного хода уже нет.

Несколько лет назад краевой комитет по природным ресурсам и охране окружающей среды заверял, что представители казаков Тамани при рассмотрении проектов будут привлечены к работе экспертной комиссии наблюдателями. Но тут же об этом обещании власти забыли.

Необходимо остановить строительство любых терминалов на Тамани, назначив по этому вопросу референдум среди жителей Темрюкского района. Нужно снять цензуру на публикацию материалов по аммиачному комплексу и подвергнуть все строительство, включая порт Железный Рог, независимой экологической экспертизе.

В. Дроздов, В. Алещенко

От редакции

Удивительное место - Тамань!.. Недаром говорят о необходимости создания там Национального историко-культурного и ландшафтного парка. Проработкой его проекта уже занимались в Российском институте природного и культурного наследия.

Мы поддерживаем предложения ряда специалистов и общественных организаций по принятию комплексной программы создания Национального парка и рекреационного использования Тамани. Помимо санаториев, турбаз, музеев и памятников истории и культуры (множество уникальных античных городищ, среди которых Фанагория - столица Боспорского царства, лермонтовские места, памятники времен освоения края казаками), здесь широко представлены и уникальные природные объекты. Это богатые рыбой и дичью лиманы, ерики (в том числе знаменитый Казачий Ерик - прорытый казаками длинный глубокий канал, соединивший Кубань с лиманом), долина лотосов площадью 5 га, грязевые вулканы с лечебной грязью, гора Дубовый Рынок с реликтовой рощей карликовых дубов. Популярностью местные винзаводы (Тамань - столица кубанского виноделия!) и новый аквапарк в станице Голубицкой; большие возможности открывает полоса все еще диких песчаных пляжей по Азовскому и Черноморскому берегам. После известных событий многие гости Тамани стремятся посмотреть и косу Тузлу...

После распада СССР мы лишились многих оставшихся на территории Украины и Грузии южных курортов. Нет больше у нас и мест, где бы соседствовало так много памятников мирового значения. Федеральный центр и краевые власти, казалось бы, должны ухватиться за идею Национального парка, думать о превращении Тамани в курорт. Но нет - рубли, обещанные за прокачку по территории края энного количества тонн аммиака, для чиновника важнее! Кстати, как бы вскоре не реанимировали власти и планы по постройке нефтепровода рядом...

В декабре 2004 года на совещании у зам. главы администрации края обсуждался как раз вопрос разработки концепции краевой программы сохранения и использования памятников истории и культуры. Было издано и соответствующее распоряжение А.Н.Ткачева. Между тем, присутствовавшие на совещании чиновники и представители темрюкских властей категорически отказывались обсуждать саму аммиачную тему. Мол, все под контролем, все здорово, и Национальному парку аммиак не помеха!..

Природный парк, разрезанный пополам железнодорожной веткой для перевозки ядовитых веществ, порт для их перекачки на корабли рядом с пляжами... Сильно сомневаюсь, что возможным инвесторам в курортный комплекс и туристам понравится такое соседство!

Г.К.

“Ты готовься к бою, хлопче!..”

14 января, в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя прошел Восьмой Рождественский фестиваль искусств “Россия Православная”.

Публика, еще очарованная переборами гусель народного сказителя, перенесшего нас в седую, благодатную старину, от слов ведущего вдруг вновь оказывается в нашем жестоком мире:

- Выступает детский хор “Наурские казачата”, Чеченская Республика!..

Какое противостественное сочетание! “Бурный Терек со притоками” пожаловал гребенцам еще 450 лет назад “Грозный Царь”. А теперь эта, казалось бы, неотъемлемая часть русской земли - в составе горской республики!..

У микрофона, между тем, выстроилась стайка подростков. Преобладают синие тона - приборный цвет Терского войска. Позже художественный руководитель коллектива, Елена Никитична Гашина, расскажет - черески с бешметами и женственные “парочки” по моде начала прошлого века подарены им Ставропольской краевой администрацией в лице Терского реестрового атамана В.П. Бондарева.

Дети на сцене славили Христа рождавшегося. Пение шестнадцати ломких, безыскусных голосков, казалось, вызвало у москвичей некоторое разочарование. Но вот - следующий номер: к сводам одинокой, тоскующей нотой взлетает голос Любы Неткачевой:

Ой, да ты погодь, да солнце красное
Землю Божью освещать.
Притомились казаченки
Пусть пока еще поспят...

Зал затаил дыхание. Словно это сама Авдотья Рязаночка, бредущая среди басурманских кочевий, жалуется сквозь века. Как подумаешь, откуда приехали эти ребята, и начинает казаться, что это звучит сама взятая в полон душа “казачьего Косова”, наполняя мотив “Черного ворона” новым содержанием и новой болью, что песня рвется из-под глыб. Особенно - когда знаешь, что эти дети - единственные русские в своих классах!..

Вот блеснула с под папахи
Удалова казака

Знак, что он в роду последний -
Дедом вдетая серьга.

Щиплет глаза. Чадунюшки наши, как могло случиться то, что произошло с прекрасным, с детства знакомым краем дедовой юности, где виноградные гроздья свисают над ступеньками крыльца. С краем бабушкиной колыбельной, где “по камням струится Терек, катит мутный вал”. И почему потомки тех, кто когда-то тайком по ночам выползал на берег с кинжалом, теперь среди дня вам могут указывать, какие песни петь, а какие не петь?!

Полегло у нас с полсотни.

Где-то в балках враг залег.

Ты готовься к бою, хлопче.

Я берег тебя, как мог.

Современный казачий фольклор - памятник национально-го сопротивления, полный раздумий о народной беде, звучащий укором матери-России, бросившей любящих детей в тяжкий час, невыразимой печалью и, вопреки всему, удалью и надеждой - рассеян по любительским аудио и видеозаписям. Настала пора собрать эти песни. Они нужны кадетам и солдатам, может быть, еще больше, чем старые песни.

Рвется ввысь ангельский Любин голосок. И радует, и возносит, и ранит, и томит душу. Ну, что бы не спеть тебе озорного “Шамиля”, что поют пока казаки на еще не полностью завоеванном кавказцами Ставрополье? Нет, не спеть - из-за того, что у нас в Москве зовется “политкорректностью”.

Да и на Терек - время новых песен. После всего увиденного и пережитого этими детьми, лихая воинская “частая” - скажем, “Полно, вам, снежочки...” - в их устах будет звучать неестественно! Такое поют сейчас бравые седеющие молодцы из московского “Казачьего круга”, или на не до конца заселенных кавказцами Дону или Ставрополье.

Что и как запоют завтра? Как сказал Николай Гумилев: “Завтра мы встретимся и узнаем, кто будет хозяином этих мест...”. Похоже, ясность лишь в одном:

Ай, скоро все мы хлынем лавой

На проклятого врага.

Видно сеча будет славной.

Да хранит Господь тебя.

Настроение такое, знаю, не только на Терек. Ведь, по словам летописца: “Русь - суть миролюбцы, ожидающие правды”. Можно долго ждать - но, когда “кони ржут за Непрядвой”, пора ехать за благословением к Троице... А Непрядва ныне разлилась по всей России. Течет по кабинетам местных администраций, по милицейским паспортным и иным “столам”, разделяя берега чести и предательства.

Вот о чем невольно думаешь, слушая современную терскую песню. Особенно, если знаешь, что на русском, казачьем левобережье Чечни с 2003 года наблюдается увеличение бандитских вылазок против русских жителей.

“Наурские казачата” - единственный в Чечне русский художественный коллектив. Он создан в 2000 году музыкальным руководителем детского сада Е.Н. Гашиной. Ансамбль выезжает в другие станицы, соседние районы, воинские части, в Ставропольский край. Посмотреть выступления казачат охотно идут и русские, и чеченцы. В 2001 году хор из Наурской принимала Северная Осетия, позже побывали ребята на фестивалях в Ялте и Новороссийске.

Наурцы постоянно участвуют и в состязаниях среди своих сверстников, занимая призовые места по военно-прикладным видам спорта и экстремальному туризму. Нет в станице военрука, но казачата сами усиленно готовятся к выживанию в суровой взрослой жизни. Как и положено потомственному воину!

Помогать хору взялся Фонд содействия кадетским корпусам имени Алексея Йордана, фирма “Каникулы” выделила средства на проезд в Москву и обратно вместе с хором еще пятерых казачат из Чернокозова и Мекенской.

Нет в Наурской не только военрука - нет и священника в храме, переделанном из военного склада на территории комендатуры. Оттого и слабовата церковная часть выступления. Узнав, что поездка в Москву все-таки состоится, руководитель коллектива срочно поехала в Моздок, где есть православная церковь и фольклорный казачий коллектив - подобрать соответствующие тексты...

Наурские казачата будут рады и кассетам с записями казачьих песен, и инструментам, и переводам, и помощи в приобретении новых костюмов (а то малы уже стали синие бешметы, потерялись курпейные папахи и черные черески, да и настоящий костюм терской казачки ой как недешев!) - ведь поддержки от государства хор не получает.

Всему русскому населению Левобережья Терек нужна поддержка своего народа. Русских детей в опустошенных геноцидом станицах немного. Наладить бы их отдых в семьях из центральных районов страны или в монастырях... В отличие от чеченских семей, переживших войну в палаточных лагерях Ингушетии, русские семьи Шелковского и Наурского районов - пережившие не только войну, но и несколько лет непрерывного ужаса под властью дудаевского-масхадовских отморожков - жертвами войны не считаются и пособий от государства не получают.

Не менее нужна и духовная поддержка. Места, где нет сейчас настоящего действующего храма, должна опекать постоянная особая духовная миссия Русской Православной Церкви. Поистине, это задача стратегического значения: “застолбить” церквями этническую границу русского народа - чтобы рядом с воином на ней встал и монах, а вместе с детской песней возносились к небесам молитва!

Ю. Сухарев

Завершившиеся, с грехом пополам, выборы на Украине показали снова неспособность российских властей трезво оценивать ситуацию в братском государстве. Москва доверилась давно лишившемуся остатков уважения бывшему украинскому президенту и пыталась всячески "продавить" своего протеже, буквально навязав его украинцам. Для Восточной Украины ситуация не имела особого значения - там и так собирались голосовать "правильно". Западная тоже давно сделала свой выбор. Зато активное вмешательство "москалей" привело к тому, что большинство жителей Киева и Центральной Украины, особенно интеллигенция, укрепились в мысли голосовать против московского кандидата. И во многом эта ситуация вызывает ассоциации с событиями более чем 300-летней давности...

Век XVII и век XXI-й

В 2004 году желающие худосочно, казенно отмечали "350-летие воссоединения Украины с Россией". Затем в президентской кампании, в одном из субъектов "воссоединения", российские политтехнологи осторожно вбрасывали ту же карту. Будто забыв, что крапил ее еще "отец народов".

Из советских учебников в нынешние кочует дата 8 января 1654 года, когда Переяславская Рада, собранная гетманом Запорожского войска Богданом Хмельницким, постановила перейти "под крепкую и высокую руку" московского царя. Но вслед за тем два месяца шли трудные переговоры об условиях, на которых Украина должна была пойти под крепкую руку. Лишь в начале марта украинские послы Самойло Богданович и Павло Тетеря привезли в Москву на утверждение т.н. "Статьи Богдана Хмельницкого".

Обращают внимание два принципиальных добавления, внесенные Москвой в окончательную редакцию договора: "1. Чтоб в городех урядники были из их людей обираны к тому достойные, которые должны будут подданными царского величества урезати и доходы всякие вправду в казну царского величества отдавати, для того, что царского б величества воевода, приехав, учал права их ломать и уставы какие чинить, и то б им было в великую досаду. А как тутошние их люди где будут старшие, то они против прав своих учнут исправляца..."

Хмельницкий настаивал на важном принципе независимости: налоги в украинских городах собирать самостоятельно. Москва функции налоговой инспекции оставила за собой.

"5. Послы, которые издавна к Войску Запорожскому приходят из чужих краев, чтоб гетману и Войску Запорожскому, которые к добру были, вольно принять, а только чтоб имело быть противно царского величества, то должны они царскому величеству извещати. По сей статье царское величество указал: послов о добрых делех принимать и отпускать. А о каких делех приходили и с чем отпущены будут, о том писать к царскому величеству, подлинно и вскоре. А которые послы присланы от кого будут царскому величеству с противным делом, и тех послов и посланников задерживать в Войске и писать о них к царскому величеству вскоре ж, и без указу царского величества назад их не отпускать. А с турским салтаном и с польским королем без указу царского величества не ссылатца".

Украинский гетман стремился сохранить свободу дипломатических отношений. Русский царь ограничил его внешнею политику довольно жесткими запретами.

"Переяславская система" "воссоединением" либо "вхождением в состав" не являлась. Статус Украины представлял собой нечто среднее между доминионом и членством в британском Содружестве наций. Причем гетман стремился именно к аморфной форме Содружества, в то время как царь - к более твердым критериям.

"Переяславская система" просуществовала четыре года - после смерти Хмельницкого, при гетмане Иване Выговском русское правительство бесцеремонно разрушило эту конструкцию. Последовали два царских указа:

"166 (1658) апреля в 3 день государь указал быти на своей государской службе в черкасских городех воеводам..."

"166 апреля в 4 день указал великий государь послать в черкасские городы, где быти воеводам, ратных людей..."

Тогдашняя Украина в административном отношении делилась на 16 полков (областей). Полковые города управлялись на принципах магдебургского права: с общественным самоуправлением, выборным и гласным судом, широкой цеховой автономией для ремесленников и купцов. Теперь в этих городах, вопреки договоренностям, были поставлены русские гарнизоны и воеводы, т.е. государственные чиновники. Со всеми милыми особенностями, им присущими.

В фондах Малороссийского приказа - немало жалоб местных жителей в Москву. Возмущали их устроеныя россиянами поборы за проезд по общественным дорогам,

претило оскорбительное отношение к женщинам. Жители обоих государств сейчас может удивить, что тогдашних украинцев крайне раздражало матерное обращение русских начальников: "Полтавский воевода бранит нас скверными словами; когда кто придет к нему - плюет на того, велит денищикам выталкивать взаешю..."

Московские порядки коробили, в первую очередь, "значных козаков": полковников, сотников, старшин. Из них гетман Выговский 8 сентября 1659 года собрал Раду в городке Гадяч, заключив договор с посланниками польского короля. Но широкие массы казачества слышать не хотели про объединение с Польшей, пусть даже на федеративных началах. Запорожцы провозгласили новым гетманом Юрия Хмельницкого, сына Богдана. В октябре 1659 года он созвал новую Раду в Переяславле. От русского царя с большими полномочиями туда прибыл князь А.Н.Трубецкой. Юрию Хмельницкому ничего не оставалось делать, как 17 октября подписать новую редакцию статей 1654 года, имевшую три принципиально новых положения:

"Ст. 4. (1654 г.): *Буде судом божиим смерть случится гетману и царскому величеству поволит Войску Запорожскому самим меж себя гетмана обирать, а обрав его, царскому величеству извещати...*"

(приписка 1659 г.): "И сей статье царское величество пожаловал велел быть по их же челобитии. А по обрании гетману ездит к великому государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великая и Малая и Белая Росии самодержицу к Москве и видети его государские пресветлые очи. И великий государь, его царское пресветлое величество, пожалует гетмана по чину..."

Прежде украинцы самостоятельно выбирали главу государства, ставя Москву перед фактом. Теперь избранный гетман целиком зависел от воли царя: утвердит тот его в должности или не утвердит.

"Ст. 8. (1654 г.). *Чтоб царское величество пожаловал прав на данных из веков от княжат и королей как духовным и мирским людям ничем нарушить не велел*".

(1659 г.): "А митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малые Росии, быть под благословением святейшего патриарха Московского и всея Росии..."

Украинская церковь традиционно подчинялась Константинопольскому патриарху, практически являясь независимой. Царь перевел ее под юрисдикцию Московского Патриарха, лишив важной привилегии.

"Ст. 9. *Гетману послов и посланников и гонцов из окрестных ни из которого государств к себе не принимать и против тех присылок в окрестные и ни в которые государства послов же и посланников, и гонцов от себя не посылать...*"

Это - ликвидация дипломатических прав Украины.

В договоре украинская элита увидела превышение Трубецким своих полномочий. В Москву было направлено новое посольство. В присутствии царя 23 декабря 1659 года рассматривали "челобитые запорожских посланцев черкасского полковника Ондreja Одицца с товарищи". На просьбы убрать воевод из городов, оставить украинскую церковь под управлением Константинополя и разрешить "вольно" дипломатические отношения последовали отказы.

Второй Переяславль просуществовал ровно год. В ходе продолжавшейся русско-польской войны в сражении под Чудновым войско Юрия Хмельницкого перешло на сторону поляков, и 17 октября 1660 года был заключен Чудновский договор с Польшей:

"2. *Его милость пан гетман Запорожский со всем своим войском должен отступить от царя Московского и от войск его...*"

Век XVII и XXI будто пересеклись. Сошлись на виртуальном пире приближенные царей и потомки псарей, запустив описав Россию слонем в посудную лавку...

А. Меленберг ("Новая газета")

Запорожец за Кубанью

Редкое событие в украинской истории преподносится с таким пафосом, как ликвидация Новой Запорожской Сечи в 1775 году: с уверениями о ненависти русского правительства к украинцам и желании уничтожить оплот "украинства" того времени.

Но можно ли Сечь назвать именно *украинской* организацией? Чтобы стать казаком, нужно было быть мужиной и православным, национальность роли не играла. Не забудем и об отношении казаков к крестьянам, составлявшим уже большую часть населения тогдашней Украины - свинопасам и гречкосиям, проводящим жизнь у женской юбки. Не раз казаки вместе с татарами совершали набеги, жертвами которых становились именно эти селяне. Так что на момент разгона Новая Сечь для крестьян никак не могла быть носителем неких "национальных устоев" (тем более, что для природных казаков крестьяне - потомки переселенных польскими панами для освоения запустевшего "Дикого поля" крепостных - были чуждыми и по духу, и по крови - *ред.*).

Украинцы тогда в России назывались малороссами (себя же они называли русскими, реже русинами), и собственно "украинская" идеология отсутствовала напрочь. И какие же тогда национальные права ущемлялись с разгоном Сечи (если не считать казаков отдельным народом - *ред.*)?

Взглянем, без идеологической зашоренности, на события 1775 года.

Безусловно, главной причиной разгона Сечи стало восстание Пугачева, к которому в 1773-74 годах ушло немало сечевиков. Проводивший дознание по делу самозванца граф Никита Панин доложил Екатерине II, что тот намеревался из заволжских степей идти на Сечь подымать казаков. Императрица решила, что с приднепровской вольницей надо что то делать.

Вторая причина - заключение Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года с турками: надобность в казачьей защите южной границы отпадала, крымский хан принял российское подданство.

Третья причина - поведение самих казаков и их старшины. Они выступили против заселения обширных и плодородных земель Войска Запорожского сербскими колонистами: многих переселенцев просто убили, других обкладывали данью. Беспokoило царское правительство и систематическое воровство казенных денег, высылаемых на содержание войска. Кошевой атаман Петр Кальнишевский дважды вынужден был бежать из Сечи и подавлять восстания сечевой бедноты с помощью регулярных войск. Одного из зачинщиков бунта он лично заперол насмерть.

Многие представители старшины сколотили немалые состояния - только у писаря Глобы было 14 тысяч голов скота! Старшина жирела, боеспособность казаков падала, а тут еще Кальнишевский вступил в тайные переговоры с турецким султаном, о чем донес в Петербург полковой старшина Савицкий...

Приказ о ликвидации Новой Сечи отдал... запорожский казак Грыцько Нечеса - более известный как светлейший князь Григорий Потемкин-Таврический. В начале мая 1775 года генерал-поручик Петр Текелли, исполнивший обязанности командующего войсками в Новороссии, получил приказ занять войсками Запорожскую Новую Сечь. Со всей пехотой, артиллерией и кавалерией он выступил из крепости Св.Елизаветы и 5 июня подошел к Сечи, которая располагалась на острове Чертомлык (у современного села Покровское Никопольского района Днепровской области). Генерал свалился на сечевиков, как снег на голову. Из-за позиции старшины Сечь, как военная организация, сильно деградировала - иначе не объяснить, как казаки прозевали подход армии!

Заняв ключевые пункты и выкатив на позиции пушки, Текелли потребовал к себе старшину и зачитал манифест Императрицы об упразднении Запорожского войска, дав неделю на размышление. Затем он принял явившегося с хлебом-солью кошевого и даже отправился в Сечь с ответным визитом.

Тем временем полковой старшина Лях, из польской шляхты, сумел сгруппировать вокруг себя часть сечевиков. К Текелли явились 50 казаков, прося "пропускной билет" для ловли рыбы на реке Ингул, впадающей в Черное море возле устья Буга. Получив разрешение, они усадили

Казачья застава, XVII-XVIII вв.

на свои чайки еще несколько сот "безбилетных" сотоварищей и, провозгласив Ляха походным атаманом, отправились на Ингул. Там и осели на турецких владениях с разрешения султана - так возникла Задунайская Сечь.

Протрезвевший генерал заметил, что казаков на Сечи убавилось, и впал в ярость. Но репрессии коснулись лишь нескольких старшин, обвиненных в расхищении казенных средств.

Историки, представляя сосланного на Соловки Кальнишевского неким мучеником "за идею" (национальную, конечно), забывают его роль в деградации Сечи. Да и само "мученичество" сомнительно. В ссылку с гетманом отправились 6 возов с имуществом. Ежедневный паек - рубль из его же казны - в 50 раз превышал пайку обычного ээка (2 коп.). Дожил он на Соловках до 112 лет и отказался покинуть монастырь даже после амнистии.

Оставшуюся старшину приравняли к российскому дворянству, наделив чинами и землей. Землю оставляли ту, которой владели до ликвидации Сечи. Кому не доставало до положенных для дворянского достоинства 1,5 тысяч десятин, еще и прирезали! Иные "по знакомству" получили много больше: атаман Вершацкий "приватизировал" на Днепре около 8 тысяч десятин, атаман Кирпан - около 12 тысяч десятин, а есаул Пишмич - около 13 тысяч!.. (а заодно казачьи земли раздавались Екатериной II и всему служилому российскому дворянству - земля тогда была основной валютой, гарантирующей верную службу, и не здесь ли кроется еще одна важная причина ликвидации казачьих "республик"? - *ред.*).

Простые казаки, по мысли правительства, должны были вступить в пикенерские и гусарские полки, но не спешили это делать. Стали искать другие способы привлечь сечевиков на службу - и ничего другого не нашли, как... возродить казачество! Через 8 лет после разгона Сечи за это взялся все тот же Грыцько Нечеса.

1 июля 1783 году Потемкин в своей "прокламации" выказал намерения опять собрать запорожцев: "Объявляю, чрез сие из пребывающих в Азовской губернии, Славянской и Елизаветской провинции жителей, кои в бывшем войске Запорожском служили, что полковому старшине и армии капитану Головатому Антону препоручено от меня приглашать из них охотников к служению в казачьем звании под моим предводительством".

В 1787 году во время путешествия Екатерины II по Новороссии казачьи старшины подали в Кременчуге прошение, дабы по-прежнему служить казаками. Казакам были возвращены все видимые атрибуты сечевой вольницы: знамена, печати, булава кошевого атамана, перначи, деление войска на курени, называвшиеся точно так же, как на Сечи; правительственные документы, направляемые казакам, начиная с обращения, аналогичного обращению к запорожцам.

13 августа 1787 года началась война с Турцией, и правительство предоставляет запорожцам место в урочище Васильково у Бугского лимана для основания войскового коша. Казаки приняли название *Войска верных казаков (запорожских)*, с конца 1788 года - *Войска верных черноморских казаков*.

Активное участие в войне вернуло им благосклонность Петербурга. И, когда черноморцы, стесненные простран-

ством, обратились к Екатерине с просьбой предоставить для проживания незаселенные берега Кубани, ответ не заставил ждать. 30 июня 1792 года Екатерина II подписала указ о переселении Черноморского войска на прикубанские земли и жалованную грамоту на вечное владение ими.

Первая партия черноморцев - 3247 человек - прибыла морем на Тамань 25 августа 1792 года; всего же на Кубань переселилось около 25 тысяч человек. С мая 1793 года начала создаваться Черноморская кордонная линия. По запорожскому обычаю, жребий распределил месторасположение 40 куренных селений - 38 из них сохранили старые названия.

В 1828 году казаки Задунайской Сечи, принеся покаяние, приняли присягу Николаю I и тоже поселились на Кубани. И долгие годы Черноморские (с 1861 года - Кубанские) казаки верой и правдой служили России.

На Украине же, начиная с XIX века, сложился "Запорожский миф", канонизированный нынешними учебниками истории - как "клятые москальи" по врожденной ненависти к украинцам разрушили Запорожскую Сечь. Идеологи "украинства" в нужный момент ловко "забывали", что кубанцы и есть те самые запорожцы, заодно со всевозможными демократами XIX века рассуждая, что - "нэма козакив, нэма воли!.."

"Потомков запорожцев" на Украине нынче видимо-невидимо. Они присвоили историческую память о Січі, и зачем им конкуренты? Тем более, что многие современные кубанцы стоят на общерусских патриотических позициях, нервировав слишком "свидомых украинцев", любящих пошегولات в псевдоказацких мундирах. Вот те и создают мифы...

А. Баташев

Из Грамоты Петра I гетману Скоропадскому и всему малороссийскому народу (26 мая 1709 г.)

"...Запорожцы при некоторых случаях являлись... покорными, однакож никогда не оставляли злобного своего умысления, чинили то лукавню и искали всегда ко исполнению того своего замысления времени, яко воры и разбойники... Преслушав... многие наши... указы... чинили соседственные ссоры и подданных Турецких и Татарских разбивали, и стада многие отгоняли, и людей побивали, и в полон брали... и купцов греков с товарами, в государства Наши едущих и назад возвращающихся, побивали и товары их грабили; а то все чинили они злоумысленно, дабы тем подать Порте явный повод к нарушению мирных с нами договоров... по наущению изменника и богоотступника Мазепы... Да они же богоотступные изменники Запорожцы посылали от себя к Хану Крымскому несколько раз, прося его, чтобы принял их в подданство и дал орды на помощь против наших войск, желая пролития крови христианской и разорения отчизны своей...

И видя мы, Великий Государь... Запорожцев явную измену... указали послать на них войска Наши из Киева... с полковником с Петром Яковлевым... Пришел он, полковник, под Сечу, и... для увещевания посылал с указом нашим... Но они... посланного... в воду бросили и по войскам нашим из города из пушек и из мелкого ружья жестоко стреляли... (правительственные войска - ред.) принуждены были тот город штурмовать и с помощью Вышнего оный штурм взяли... и их, бунтовщиков-запорожцев, в полон побрала. И так те злые богомерзкие изменники и бунтовщики... давно заслуженную за свои злые дела от Бога казнь и смерть... восприяли, и той своей погибели сами суть виновны..."

Из Манифеста Екатерины II "Об уничтожении Запорожской Сечи и о причислении оной к Новороссийской Губернии" (5 августа 1775 г.)

Мы восхотели объявить во всей Нашей Империи... что Сечь Запорожская вконец уже разрушена со истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков...

Сочли Мы себя ныне обязанными пред Богом, пред Империею Нашею и пред самым вообще человечеством разрушить Сечу Запорожскую и имя казаков от оной заимствованное. Вследствие сего 4 июня нашим Генерал-Поручиком Текеллем со веренными ему от нас войсками занята Сечь Запорожская в совершенном порядке и в полной тишине без всякого от казаков сопротивления... Нет теперь Сечи Запорожской в политическом ее уродстве, следовательно же и казаков сего имени...

Гражданские суда черноморских казаков

20 августа 1787 года князь Г.А.Потемкин предписал бывшим запорожским старшинам Сидору Белому и Антону Головатому начать сбор волонтерных команд из казаков, некогда служивших в Сечи, для службы на гребной флотилии. 4 мая 1788 года премьер-майор А.А.Головатый рапортовал в Кош «верного войска Запорожского»: «Принято мною 22 лодки со всеми принадлежащими к ним снарядами, ножи военные и прочие материалы». Вскоре казачья флотилия насчитывала до 50 канонерских лодок.

Но и при военной флотилии, и помимо нее в Черноморском войске было немало «партикулярных» судов - для вспомогательных операций: перевозки людей и грузов, ловли рыбы и т.д. Это - байдаки, баркасы, «дошанники», дубы (дубки), кармачные лодки, катера, каюки, лунтры, «неводники», «чектырмы», ялики, шайки. О некоторых из них есть документальные свидетельства.

Словарь русского языка определяет байдак как особый род промысловых судов на Днепре, его притоках и Черном море. В словаре В. Даля: «Байдак - речное судно по Днепру и притокам его, длиной 15-25 саж., шириной 2-4 саж., в осаде 6-9 четвертей, подымает 10-15 т. пудов. Об одной мачте с ложками (вантами) и базанною (штагом) об одном большом парусе, как волжские расшивы; управляется по барочному, стерном (кормовой потесью), а с носу треплом (носовой потесью); закавказские байдаки меньше, сажень шести».

В Черномории байдаки были меньше днепровских, по размерам приближаясь к закавказским. Часть их использовалась и в военных целях - для отличия от больших канонерских лодок флотилии их называли «малыми лодками», или «военновооруженными байдами». Команда до 20 человек, вооружение 1-2 пушки. Но в основном байдаки были чисто гражданскими судами, перевоза грузы по Кубани и в прибрежных водах. По размеру они делились казаками на большие и малые. Вот описание больших байдаков (1796 год): «Калибром бесалубные о 16 весел, длиной по килю 37, а по штевню 43, шириной по бимцу 10,5, глуби-

ною по банки 3 фут., не остропильных, а чтоб делом похожи были на плоскодонные, по одной мачте, по одному парусу косому гроту, наподобие галерных, и рее».

В рапорте войскового есаула М.С.Гулика от 31 августа 1798 года говорится о начале строительства байдаков новых пропорций: «Ради доставки Кубанью служащим в флотилии на Тамани, при куренях и на пограничной страже провианта, по моему повелению при Черноморской гребной флотилии байдак вновь состроен. 27 прибыл в Екатеринодар и нагружен 200 четвертями и отправлен во флотилию.

Он сделан на манер старого, только больше оно в длину 2,5 саж., в ширину 1 саж., а в высоту 1,5 фут., имеет он одну мачту и рею и снабжен... якорем, канатом, тросами, парусом и 1 трехфунтовым орудием. Сделан он по личному моему усмотрению с хорошим расположением с способностью к водолаванью по р. Кубань, так что мог бы взять с легкостью 300 и более четвертей провианта, на мелководие.

Как черкесские народы, так и наши с изумлением смотрели как он шел под парусом. По уверению прибывшего на оном с флотилии старшины, он под парусом противу воды многие места, где только способен ветер, с поспешностью переходил».

Большие байдаки перевозили 8-10 лошадей или от 60 до 80 человек. В 1821 году поднимался вопрос об изготвлении для Славянского поста байдака вместимостью не менее 100 человек. Размеры малых байдаков, вероятно, сильно варьировались. На них тоже были мачта, рея с парусом, кормовое весло; число весел было меньше (обычно 6). Показательная фраза из документа 1822 года: «сей байдик так мал, что от одного ставшего на край его человека шатается на воде». Помимо плоскодонных байдаков, в документах упоминаются и 2 «глубоких» (возможно, килевых).

В Черномории из байдаков устраивали паромы, в источниках первоначально - «байдачные паромы» («двойные паромы»), и затем слово «байдак» стало просто синонимом слова «паром».

В начале XIX века предпринимались попытки использо-

вать байдаки для охраны Черноморской кордонной линии по Кубани. По словам историка И.Д.Попко, один французский инженер, находившийся при де Ришелье, придумал проект, по которому чернорабочие байдаки стали превращать в плавучие батареи с бойницами для пушек; но ничего путного из этих «черепах кордонной линии» не вышло. *«Старые черноморцы... придумали было... плавучие караульни, двигавшиеся по всему низовому течению Кубани, от Екатеринодара до устьев. Эти кочевые пикеты назывались «байдаками», и число их простиралось до двадцати. Они устраивались на подобие паромов, но имели весла с кухней и запасами... Байдаки гонялись за двумя зайцами и ни одного не ловили. Но что еще невыгоднее – они оставались в бездействии большую половину года, чрез обмелевание и замерзание Кубани. А потому существование этих кордонных амфибий кончилось превращением их в простые паромные переправы чрез Кубань и Протоку».*

Стоянка войсковых байдаков была несколько ниже Екатеринодара, и пост, учрежденный там, стал называться Байдачный. По описи «Екатеринодарской байдачной пристани» 1810 года, при Екатеринодаре числилось 4 старых и 5 новых байдаков, а в различных командировках - 24.

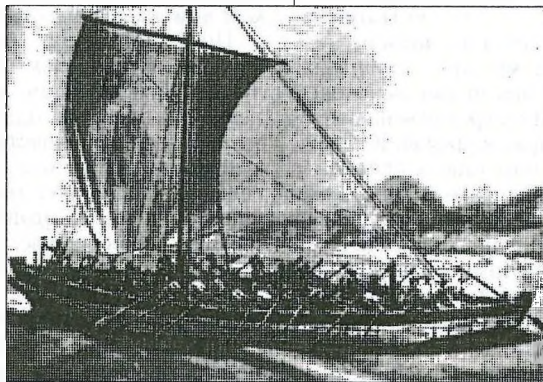
Известна на Кубани и «байда» – долбленая рыболовная лодка малых размеров.

Баркас - небольшое гребное или парусно-гребное судно. В Черномории использовались чисто рыболовные баркасы и вспомогательные суда при военной гребной флотилии. Последние имели один-два паруса, 14 весел на железных уключинах и руль с румпелем. После упразднения в 1809 году флотилии канонерских лодок, военные функции баркасов закончили (баркасы азовских казаков, представлявшие собой военные суда, выходят за границы темы).

Как промысловое судно, баркас прожил долгую жизнь. В 1909 году стражник таманского рыболовного района И.П.Сухарев составил «Рыболовный словарь». Вот приводимые им данные:

«Баркас - рыболовная лодка небольших размеров. Киль - основа на дне баркаса, на котором укреплены тагуны. Тагуны - ребра, основа баркаса. Водорез - основа спереди и сзади баркаса. Обшивка - доски, которыми он обшит. Поёл - настилка в середине баркаса на дне. Прова - перед, нос. Банки - доски поперек баркаса, сидение. Шкарма - деревянные кольца для надевания весел. Стропка - бичевка вокруг весла для надевания на шкарму. Рим - кольцо железное на носу для привязывания баркаса. Мачта - дручок на котором поднимают парус. Гафель - рея вверх паруса. Бумма - рея внизу паруса. Кливер - клинообразный парус на носу баркаса. Гордовень - веревка, поднимающая рею. Ванты - веревки, поддерживающие мачту. Брундук - веревка, которой привязывают баркас. Машумба - парусовые борты во время зыби. Сиктуры - железные стойки для поддерживания машумбы. Ковыля - деревянные кольца за которые крепят парусные веревки. Пуно - идти барказом за ветром...»

Кармачная лодка - небольшое рыболовецкое судно (в документах встречается и как «кармашная»), перевозившее для войсковых нужд людей, лошадей, продовольствие. Различались большие и малые лодки. В начале XIX века малые были четырехвесельными, в них помещались 10 человек или две лошади (лошадей связывали и клали боком). Большая лодка поднимала до 10 треножных лошадей. В военных

на острове Хортица в течение года откроется историко-культурный комплекс - точная копия Запорожской Сечи. 7 февраля на первой

пресс-конференции в качестве губернатора Запорожской области Юрий Артеменко сообщил, что это будет одним из социальных приоритетов его работы: «Мы построим настоящую Запорожскую Сечь - с действующей церковью, со всеми фортификационными сооружениями: рвами, башнями... Это позволит Запорожью стать туристическим центром».

Решение о строительстве историко-культурного центра Артеменко принял после встречи с директором «Национального заповедника "Остров Хортица"» Георгием Крапивкой. Об источниках финансирования возведения копии Запорожской Сечи не говорится - пока губернатор намерен провести ряд встреч с руководителями промпредприятий региона.

целях основные перевозки осуществлялись через Еникельский пролив.

Название свое лодки получили от кармаков - крючьев для ловли рыбы («кармачный лов»). Кармаки ставились в открытом море не ближе 5 верст от берега. Кармачному лову непогода только благоприятствовала: волны раскачивали крючья и насаживали на них самую осторожную рыбу.

Свою терминологию казаки употребляли и для обозначения неприятельских судов соответствующего типа. К примеру, в марте 1807 года черкесы переправились через Бугаз на кармачных лодках с пушками и, напав на селение Стеблиевское, забрали всех жителей в плен.

Лунтра - небольшая лодка многоцелевого назначения. В Черномории на них возили людей, продукты, ловили рыбу. Приблизительные размеры по данным 1801 года следующие: длина - 10 м, ширина - 1,5 м, глубина - 70 см. Во время набегов каждая черкесская лунтра тянула за собой через Кубань несколько камышовых «пук», «плиток» (пучки камыша, плотники) с людьми и оружием.

Дуб - тип деревянного парусного грузового судна, появившийся на Дону и Днепре в начале XVIII века. Прибрежный дуб достигал в длину 20 м, имел палубу и две мачты, речной был меньше и без палубы. Тогда же термин «дуб» распространился в речи казаков.

Название судна может быть связано с техникой строительства судов - с сильным продольным и поперечным набором из дуба на усиленном болтовом креплении. Намек на другую этимологию высказан А.Скорником и А.Лепиловым: струги-думбасы-дубасы.

В Черномории дубы (дубки) подразделялись на большие и «небольшие», но даже приблизительных их размеров в документах не встречается. По данным 1828 года, дуб набирался из вершковых досок и имел 10 «бабак» (сиденье для гребцов).

Каюк в этимологических словарях М.Фасмера, А.Г.Преображенского и Н.К.Дмитриева характеризуется как слово тюркское. В словарях современного русского литературного языка и иноязычных слов он определяется как «небольшая лодка с плоским дном и двумя веслами». Более развернутое определение приводится в Военно-морском словаре: «Каюк, гребной долбленный челн длиной 6 м и грузоподъемностью около 0,5 м. Применялся на реках азово-черноморского района для сообщения судов с берегом или для перевозки пассажиров между берегами».

В середине XIX века И.Д.Попко писал о каюках как о легких долбленных лодках, которые легко можно было перетаскивать вручную. Архивные документы позволяют утверждать о существовании в Черномории каюков и другого типа: в 1810 году упоминаются каюки с мачтами, есть свидетельства о каюках, набранных из досок и имеющих киль. Вот список материала, необходимого на их ремонт (1825 год): «На обшивку досок вершковой толщины, пятивершковой ширины, длиной в 16 аршин - восемь, и длиной в 6 ар. - восемь. Да на борты двухвершковой толщины в 16 ар. - одной. Гвозди четвертно - 500, костылей - 100. На обварку смолы густой». Перед нами лодка довольно внушительных размеров - вероятно, к подобным судам относится встречающееся в документах выражение «большие каюки».

Большие каюки быстро сошли со сцены, а малые еще более уменьшились и эволюционировали в легкие долбленные челны, о которых пишет И.Д.Попко. О размерах и грузоподъемности «малых» каюков можно судить по следующим строкам: «В каюки должно грузиться по 7 человек. Село 10 и от сей непомерной тяжести они утонули...»

Б. Фролов (ЮГА.ру)

Музей на Хортице

Где найдет покой атаман Головатый?

В конце XVIII века на кубанскую землю пришли запорожцы, одним из руководителей которых был **войсковой судья Антон Головатый**. Лишь после разговора с ним по-французски Екатерина II, сначала не слишком милостиво принявшая казаков, одарила их правом селиться на кубанской земле.

Антон Андреевич Головатый, занимая в Черноморском войске формально вторую по значению должность, всегда был на первом плане. Без его совета кошевой атаман Захарий Чепига не решался предпринимать каких-либо решительных шагов, а сами советы Головатого воспринимались казаками как приказы, подлежащие беспрекословному исполнению. При этом ему не надо было прибегать к жестким мерам, подобно тому же Чепиге. В Сечи высоко оценили образование и стремление к справедливости Антона Головатого.

Дата рождения Антона Андреевича точно не установлена. Одни утверждают, что он родился в 1742 году, другие, и среди них Ф.А.Шербина, называют 1732 год. Вторая дата представляется более достоверной - в противном случае в Запорожскую Сечь Головатый был бы принят 15-тилетним, что маловероятно. Не установлена и настоящая его фамилия - известно лишь, что родился он на Полтавщине, в селении Новые Санжары, в козацкой старшинской семье.

До 1756 года Антон Головатый учился в Киево-Могилянской академии, затем бежал по неизвестной причине в Сечь. Пробыв некоторое время молодыком "при боку кошевого атамана", был зачислен казаком Куцевского куреня.

Головатый не раз избирался на ответственные войсковые должности. Как пишет историк А.А.Скальковский - "по знанию грамоты и особенным способностям избран был в 1771 году писарем Самарской паланки, а после находился при войсковом судье в Сечи или при кошевом атамане в походе. В качестве писаря ездил он в 1768 году в Петербург вместе с другими столбниками для получения жалования". За изворотливый ум, обходительность и грамотность его неоднократно избирали депутатом с прошениями о решении войсковых проблем и судебных тяжб.

Вознамерившись якобы стать войсковым священником, Антон Головатый не принял обет безбрачия и женился на Ульяне Григорьевне Порохне, которую очень любил.

По разорению Сечи Антону Головатому в 1775 году были жалованы царским правительством звание капитана и земельные наделы. К тому времени у него были дети и немалое имущество. Мог он осесть где-нибудь в Старом Кодяке или на реке Самаре зажиточным помещиком, но верность козацкому братству заставили его избрать иной путь.

Антон Головатый вместе с другими старшинами - в первую очередь Сидором Белым и Захарием Чепигой - стал собирать Войско верных казаков запорожских (переименованное позже в Черноморское). Когда новому войску не удалось получить для поселения земли от князя Потемкина, Головатого Кош отправляет во главе депутации из Слободзеи в Петербург. Более четырех месяцев "выбивала" землю депутация; немалые усилия приложил войсковой судья, добиваясь от царицы дарственной грамоты на пустовавшие в то время земли Тамани и правобережья Кубани.

Все труды его в дальнейшем, так или иначе, связаны с обустройством Черноморского войска. Антон Андреевич был настоящим государственным мужем. Обстоятельный человек, умудренный жизненным опытом, он был не только замечательным полководцем и реформатором, но и рачительным хозяином, прекрасным бандуристом и поэтом. Немало времени посвятил он возведению Екатеринодара. Только Головатый в войске умел поддерживать приятельские отношения с петербургским начальством.

Как начальник Черноморской гребной флотилии, совершил он и немало ратных подвигов. О штурме и взятии казаками укрепленного турками острова Березани еще при его жизни в войске ходили легенды; отличился он со своей командой при взятии Измаила и Килии.

С именем Головатого был связан порядок в войске. Не случайно прибытия именно Войскового Судьи с нетерпением ожидали на Кубани летом 1793 года. На Тамань Антон Головатый с семьей прибыл в июле. 17 июля 1793 года

войсковой писарь Тимофей Котляревский письмом приветствовал его: "Милостивый батьку Антон Андреевич. Известился я о вашем с любезнейшего фамилиею прибытии в Тамань, сердечно радуюсь, оным поздравляю... Ульяне Григорьевне яко матери низко кланяюсь". А ниже, поставивши пост скриггум, приписал, обращаясь к Головатому го запорожской традиции на "ты": "Батьку. Пришжай до нас давать порядку. Мы без тебе дуже скучаем; тым что иншого соби парадника не маем. Та вжеж час бы и хаты становити; та не смием без тебе ничего робити. А бише ничо не буду казати: бой сам о всем добре будешь знати..."

Собственным коштом Антон Андреевич построил в Тамани Покровскую церковь, почитавшуюся позже святыней Кубанского войска, соединил каналом Большой и Малый Карасуны, устроил греблю (плотину) для удобного проезда, сам следил за правильной разбивкой и застройкой Екатеринодара, обустройством куренных селений и кордонов, пока кошевой Чепига находился в Польском походе. В 1795 году в войске имелись свои иконописцы, кузнецы, плотники и прочие мастера. В Кизилташском лимане Антон Головатый выстроил большую и удобную гавань для Черноморской казачьей флотилии, получившую его имя. Его именем называлась одна из площадей Екатеринодара и кут, известный ныне как Красный или Панский.

Конечно же, Антон Андреевич мечтал о спокойной жизни на Кубани. Но не суждено было ему воспользоваться благами, которых он добился для войска. На старости лет, казалось, удача отвернулась от него. Вначале умерла единственная дочь, отравленная соперницей, затем (в 1794 году) в Тамани на самую Троицу при родах умерла Ульяна Григорьевна, оставив на него шестерых сыновей. Едва пригугилась душевная рана, как последовал указ отправиться с тысячной пешей командой в Персидский поход - из которого ему не суждено было вернуться...

И в походе не забывал Антон Андреевич о войске. В своем последнем письме от 31 декабря 1796 года он писал кошевому: "Слова ваши, говоренные противу Карасунской гребли под дубом, стоящим близ вашего двора, о заведении разной рыбы и раков, я не забув, а исполнил прошлого года: рыбы напустыв с Кубани, а раков - привезенных с Темрюка на почтовых чрез сутки три воза; но дабы оные могли для настоящего удовольствия всем гражданам расплодиться, да еще оных и по речкам, где ставы есть, развесть, прикажите чрез городничего всем ловящим в ставу рыбу, попадающихся раков возвращать в воду и через два года не истреблять".

Но ни Чепиге, ни Головатому уже не довелось ловить рыбу и раков в том ставу. В середине января 1797 года командующий Каспийским флотом Антон Головатый заболел горячкой и, перенося болезнь на ногах, умер вечером 28 числа (так и не узнав, кстати, что стал атаманом Черноморского войска после смерти Чепиги). Похоронен он был недалеко от Баку, в Камышевани, на берегу Каспия.

В прошедшем году на Кубани пошли разговоры о возможности перезахоронения останков Головатого. Атаман войска В.Громов рассказал:

- Предварительную работу на предмет археологических изысканий и перезахоронения останков атамана мы провели. Азербайджанские власти готовы пойти навстречу. Более того, во дворе одной из православных церквей Баку стараниями землячества кубанских казаков города будет установлен памятник Антону Головатому. Власти Баку готовы выделить средства. В принципе, и руководство Краснодарского края готово оплатить перевозку останков атамана на кубанскую землю. К сожалению, пока нет инициативы со стороны Краснодарского историко-археологического музея. Это вопрос политический, а не экономический.

А вот что говорит директор музея, Виталий Бондарь: - Именно наши специалисты провели предварительную изыскательскую работу. Я готов с высокой вероятностью утверждать: надгробие, что нашли кубанские археологи в районе Баку, и есть плита над останками Антона Головатого, что найденная братская могила принадлежит, в числе прочих, и атаману. Но несколько дней, что нам выделили на поиск останков - срок для серьезной научной работы и установления последних сомнений недостаточный. Если решится вопрос финансирования, то мы выедем в Азербайджан...

А. Озеров ("Краснодарские известия"),
Н. Терисвский (www.cossackdom.com)

Предлагаем два материала из выходящего на Кубани журнала "Родная Кубань", редактируемого известным писателем В.И. Лихоносовым. Они представляют постоянную рубрику этого историко-краеведческого и литературного альманаха - "Духовная традиция".

Судьба Межигорских реликвий

Едва освоившись на Кубани, казаки обратились в Святейший Правительственный Синод за разрешением перевезти сюда ризницу и библиотеку Киево-Межигорского монастыря. Но лишь к 1804 году большую часть того, что удалось отыскать, доставили на Кубань.

Какова же судьба межигорских книг? Часть из них погибла, затерялась, хотя еще встречаются в книгохранилищах уникальные издания, которые кубанский историк и археограф Прокофий Петрович Короленко назвал "особо важными вещами среди кубанских церковных древностей".

Самого Межигорского монастыря на Днепре, в пещерах которого хранились удивительные богатства, в том числе и рукописные книги, давно уже нет. Митрополит Евгений, он же библиограф Болховитинов, в описании Киево-Печерской лавры основание Межигорского монастыря относил к 988 году, когда пришли на Русь с первым митрополитом Михаилом монахи. Межигорский синодик указывает на более позднюю версию - построил, мол, в 1161 году князь Андрей Боголюбский церковь Преображения Господня, и от той церкви пошел монастырь. В народе церковь эту называли Белым Спасом.

В кубанской печати тема эта звучала не однажды. В 1898 году П.П. Короленко в "Кубанском сборнике" напечатал статью о древностях Межигорья, а И.И. Дмитренко в "Сборнике материалов по истории Кубанского казачьего войска" опубликовал документы по его истории...

Дерево держится становым корнем. Была Запорожская Сечь - был и монастырь. Почти два века он оставался центром духовной жизни сечевиков. "Тихим пристанищем на закате бурной казацкой жизни когда, почувствовав физическую немощь, приходилось боевые доспехи менять на скромное одеяние инока... Сами запорожцы-сечевики, - писал Короленко, - смотрели на Межигорье, как на свою собственную церковно-иерархическую резиденцию".

Гетманы Украины, атаманы Запорожского войска жертвовали сюда деньги и богатые угоды. Казаки вменили себе в обязанность приносить обители часть добычи. Приговором казацкой рады в 1683 году запорожцы признали Сечевую Покровскую церковь принадлежащей монастырю. В Межигорье за счет Сечи был учрежден "шпиталь войсковой" - для содержания калек, увечных сечевиков. В школе Покровского храма священнослужители обучали казацких детей "грамоте, часословцу, псалтыри", а иеромонах-настоятель храма был членом Сечевой Рады.

Дарили и книги, оставляя дарственные записи - "во искупление грехов", "на помин души", помечая на полях памятные события своей жизни. Иногда дарили целые библиотеки (как Иннокентий Гизель, ученый и просветитель).

В монастырской библиотеке по описи 1777 года значилось 395 книг, из них на русском языке 53 рукописные, 174 печатные, на латинском - 114, на польском - 54. В документах XVIII века есть свидетельства и об отдельных библиотеках (например, в келье монаха Матвея Тюлепанского).

В 1775 году Сечь "зруйнувалы", а десятилетием позже был упразднен и монастырь. Часть его ризницы была отправлена в Александровскую лавру, другая - в Полтавский монастырь. Еще раньше вывезли ризницу и церковную утварь, в том числе и книги, Сечевой Покровской церкви.

В 1794 году из Екатеринодара в Св. Синод ушло прошение: "Войска Черноморского старшина, имея рассуждение и попечение о престарелых и раненных от неприятеля и изувеченных старшинах и казаках, желающих жизнь свою доканчивать на Всемилостивейше пожалованной земле при Божьей церкви... просит правительство о дозволении на войсковой земле построить войсковым коштом пустынку".

Разрешение было получено в марте 1796 года: "Строить Екатерино-Лебяжскую пустынь, заложив на первый случай трапезную во именовании Великомученицы Екатерины".

В это время Войсковой атаман Тимофей Терентьевич Котляревский, находящийся в Петербурге, узнает, что ризница бывшей Сечевой Покровской церкви находится в Александро-Невской лавре, и добывается разрешения вернуть ее потомкам сечевиков. Но, когда ризничий лавры начал по описи передавать имущество, стало ясно: это только малая часть того, чем обладал храм.

Тимофей Терентьевич немедленно пишет войсковому есаулу Мокию Гулику, поручая "найти надежного нарочного, дать ему на проезд и харчи из войсковых сумм потребное число денег" - и отправить на поиски ризницы. При этом розыск следует вести "без разглазки, секретным образом". Выбор пал на Степана Белого.

Как выяснилось, 4 подводы (115 пудов) по поручению Потемкина в Александро-Невскую лавру привез с Украины капитан Остроух. Самого его уже не было в живых, и бумаги - инвентарные документы имущества Покровской церкви, когда, кто и что брал после упразднения Сечи - были у "вдовы Остроушки".

Пока Белый собирался в "командировку", Котляревский получил письмо назначенного в Екатерино-Лебяжскую пустынь архимандрита Феофана: "Ризница Киево-Межигорская со всею библиотекою при описи отдана покойным князем Потемкиным покойному Пресвященному Амерсию и ныне хранится у Новороссийского и Днепровского митрополита Гавриила... Постарайтесь, Бога ради, выпросить ее, ибо она там не надобна и лежит под спудом. Явите ее на свет".

Котляревский сразу обратился в Св. Синод с просьбой для "вспоможения строящейся Екатерино-Лебяжской монастырской пустыни... дать сему войску те ризницу и библиотеку", указав, что «Черноморское составлено из Запорожского войска, которое во время существования Сечи было оному монастырю укладчиком».

Благодаря делопроизводительной требовательности канцелярского начальства дошли до нас свидетельства о поездке Белого в Новомиргород, переписка и финансовые отчеты поручика.

Командировка оказалась сложной. Постоянно приходилось сталкиваться с недомолвками: "При забрании вещей и книг я был, но за давностью времени сколько и чего именно куда забрано не упомяну". Большого труда стоило добиться разрешения на снятие копий с описи имущества Межигорья и Покровской церкви. Митрополит Новороссийский вовсе не спешил отдавать запорожские святыни, затребовав лично ему адресованное распоряжение Синода и добиваясь пересмотра дела, чтобы оставить в Новомиргороде не только сечевую и Межигорскую ризницы.

Вдова Остроуха разрешила скопировать необходимые бумаги. "А буде и подлинные Вашему Превосходительству потребны будут, - пишет она Котляревскому, - то по повелению Вашему доставлены могут быть". И просит покровительства сыну, Василию Остроуху, который служит в Войске Запорожском. Что примечательно: для Остроушки войско - по-прежнему Запорожское, а не Черноморское!

Определились адреса поиска: Санкт-Петербург, Киев, Полтава, Новомиргород, Кременчуг... Увозили, как свидетельства документы, и официально не переборали, и далеки от всякой официальности. Сохранился даже "Список сколько и чего именно пограблено было и чего из оных похищенных вещей за поимкою воров сыскано". Иногда это адреса, где хранятся отдельные предметы. В Новомиргороде, в Полтавском монастыре Белый видел "Евангелий - 11, риз более ста, книг церковных более трехсот..."

На Кубань первые книги привез из Петербурга сам атаман Котляревский. Часть межигорского книжного собрания из Новомиргорода вернул Степан Белый. Другую, в 1804 году - член Черноморской войсковой канцелярии Евтихий Чепига. Книги на латинском были переданы в Екатеринославскую семинарию. Впрочем, в документах встречаются на Кубани упоминания о латинском издании "Бесед Макария Египетского", книгах на греческом языке.

Отдельные книги были переданы в библиотеку Екатерино-Лебяжской пустыни. Но обитель еще строилась, и часть книг решили хранить в Войсковом соборе и правлении. Сюда попала и большая часть книг из Сечевой Покровской церкви (некоторые сохранились до сегодняшнего дня).

Описания книг чаще всего встречаются в имущественных документах Екатерино-Лебяжской пустыни. В статье П.П. Короленко "Церковные древности Кубанских казаков", в описании В. Воскресенского, архимандритов Спиридона (1821 г.), Филарета (1856 г.), Самуила (1879 г.) подробно описаны напрестольные Евангелия с характерис-

тикой окладов, времени и места издания, вкладных записей - в том числе подаренные патриархом Иоакимом, П.Калнишевским, Е.Гоголем, В.Дебелевичем, Л.Великим.

В Екатеринодаре в Войсковом Александро-Невском соборе хранилось 14 Евангелий, в Екатерино-Лебяжской пустыни - три. В описании архимандрита Самуила указывалось, что в Екатерино-Лебяжской пустыни хранилось 6 Евангелий, около 10 служебных книг, принадлежавших Межигорью, а также ряд "учительных" книг.

В 1803 году на Кубани приступили к созданию Черноморского войскового училища. В Войсковом правлении еще хранились книги, перевезенные с Украины, в том числе и словари, историческая и "учительная" богословская литература. В мае 1805 года войсковой учитель хорунжий Иваненко получил разрешение на передачу книг, не востребованных для богослужения. Их в училище поступило 135, из них кириллических (составитель реестра называет их "славянскими") - 102. Оставшиеся служебные книги и церковная утварь были разосланы по всем церквям Черномории. Наряду со служебной функцией, они стали реликвиями, связующими Запорожье с Кубанью.

Описывая кубанские древности, историки всегда вспоминали о межигорских сокровищах. В письме к украинскому историку А.А.Скальковскому в 1856 году Яков Герасимович Кухаренко писал: "Посылаю недавно вышедшее описание Черноморской Николаевской (Екатерино-Лебяжской) пустыни. В ней замечательные по своей древности книги, поступившие из Межигорского монастыря, которых только часть в пустыни, прочие в Войсковом соборе и нашей гимназии".

Среди "особо важных вещей", которые, по словам Короленко, "обращают на себя внимание по древности, ценности и знатности дарителей" - три Напрестольных Евангелия в Екатеринодарском войсковом соборе.

Привезенные на Кубань книги сохранили интересные вкладные записи. Записи эти более двух столетий выполняли на Руси функции экслибриса, знака принадлежности книги - рассказывая о человеке, который подарил книгу храму, делая ее уникальной, неповторимой. Вкладные и владельческие записи на книгах Межигорской библиотеки свидетельствовали об исторической и культурной связи запорожского - черноморского - кубанского казачества.

В описи имущества, которое привез из Петербурга Котляревский, среди Евангелий первым значится "Евангелие большое на Александровской бумаге, печатанное выходу 1759 году..." Приводится и гравированная на нижней крышке оклада с внутренней стороны надпись: "Сие Святое Евангелие дал вкладом в Сечевую Запорожскую Покрова Святой Богоматери церковь куреня Куцевского знатный товарищ, войсковой судья Петр Иванович Калнишевский, 1763 года, месяца Октября 1 дня, индикта М, которое серебром и камнями с позолотою ценю в 1025 рублей" (сегодня - в фондах краевого музея). Более подробное описание Евангелия, подаренного Сечевой церкви П.Калнишевским - в справочных материалах музея:

"Напрестольное Евангелие 1759 г. в серебряном окладе работы московского мастера Петра Антонова. Серебряник очень умело сочетал в декоре оклада мастерски выполненную чеканку с двухцветными эмальями, к сожалению, почти полностью утраченными.

Над средником высоким рельефом вычеканено изображение Спасителя, несущего на руках агнца. Над Спасителем вычеканено семь херувимов, парящих в облаках, и надпись в треугольнике "Бог Отец"... На нижней доске вычеканен библейский сюжет Покрова Пресвятой Богородицы..."

У Короленко читаем: "В Екатеринодарском войсковом соборе хранится Евангелие, напечатанное во Львове 1644 года, обтянутое фиолетовым бархатом с золотым обрезом с изображением на листах красного цвета разных евангельских событий..." Эта книга сейчас - в отделе редкой книги краевой библиотеки. Сохранился оклад с гравированными изображениями.

На нижнем поле первых семи листов кто-то в 1679 году аккуратным полууставом рассказал о погребении в Межигорском монастыре гетмана Евстафия Гоголя, перечислив его дары: "Лета от создания мира 7187, воплощения же Х-а Б-а 1679 месяца генваря дня 3 погребен в монастыре общительном Межигорском Киевском в церкви Господня Преображения в склепе благочестивый и православный раб Божий Евстафий Гоголь, гетман войска Его Королевской М. Запорожского, до которого монастыря выше реченный не-

божчик за отпущение грехов надал на вечные часы сие и другое Евангелие, обе напрестольные и оправленные, и келих, и крест, и кадильницу, и чарку серебряную, и ризы, епатрахель аер, нарукавницы гафтованные, булаву гетманскую серебряную, бунчук и корозов войсковую, шаблю, каптур войсковой и образ Пресвятой Богородицы, складный с перлами, при державе Вел. Кор. Пол. Иоанн третьего, при игумене Межигорском Иеромонахе Федосии Висковском. Подаждь, Господи, оставление грехов рабу своему Евстафию и сотвори ему вечную память. Аминь".

Через несколько страниц - скоропись вкладчика: "Слава Господу в Троице Единому Святому... Сию книгу рекомую Евангелие... купил... Евстафий Гоголь, полковник его Королевской милостью Войска Запорожского Подольский, из женою Ириною с сынами своими Прокопом и Иллею и цуркою Настасьею и в свое отпущение грехов придал ее до храму на вечные часы... року 1661 Апреля дня третьего". На листах 17-18 скорописью начала XVIII века - охранительная запись: всякому "кто бы... посмел... тому писанию... гвалт чинит" грозили нелицеприятным судом. А следом, через всю книгу Войсковой протоиерей Афанасий Кучеров записал: "В 1854 году книга принадлежала Воскресенскому собору".

Евангелие отпечатано в 1644 году Михаилом Слезкой в типография Львовского Успенского ставропигийского братства - той самой, что некогда организовал Иван Федоров. В начале XVII века здесь работал украинский печатник и гравер Памво Берында, автор древнейших на Украине датированных листовых ксилографий. В книге - 4 гравюры с изображением евангелистов (с авторских досок П.Берынды 1616 года) и более 50 текстовых иллюстраций.

Среди кубанских реликвий Короленко отмечал еще одно Евангелие, которое в конце XIX века хранилось в Войсковом соборе: "...напечатанное в Москве в 1681 году, в серебряной с позолотой оправе, узинанное жемчугом и украшенное рубинами с сапфирами и эмалью. На верхней серебряной доске прикреплен оваловая доска с чеканным изображением Св. Иоакима и Анны, а по внутреннему загибу той же крышки по серебру вырезана надпись: "Великий Господин Святейший Иоаким Патриарх Московский и Всея России положил сие Святой Евангелие в пречестную обитель в Киеве Преображения Господня Межигорского монастыря в обещание свое. Лето 7193 г. (1685) февраля 20 дня..."

Оригинальный переплет книги утрачен вместе с окладом и гравированной надписью. Но сохранилась запись конца XIX века, позволяющая предположить, что это экземпляр Евангелия, подаренный Патриархом Иоакимом.

Книги Межигорского монастыря, попавшие в училищную (потом гимназическую) библиотеку, были потом в библиотеке Краснодарского пединститута и погибли во время Отечественной войны. Судьба книг, попавших в Екатерино-Лебяжскую пустынь, решилась в 1922 году.

В апреле - мае 1922 года разграбление храмов, изъятие церковных ценностей шло по всей Кубани. В описи Евангелий, изъятых из Екатерино-Лебяжской пустыни - книги Межигорского монастыря: "Евангелие большое, опайное, в переплете оранжевого бархата с ажурными серебро-вызолоченными досками. Пожертвовано в Межигорский монастырь в 1654 г. игуменией Агафьей Гуменецкой". Опись включает 11 книг. Где они теперь? Говорят, межигорские книги видели потом на Тамани, в Темрюке...

2 мая 1922 года в Краснодаре начала деятельность Комиссия по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. Из Александро-Невского собора были изъяты служебные предметы и два больших Евангелия 1759 года. Некоторые вещи попали в Кубано-Черноморский областной музей - в конце мая 1922 г. его заведующий И.Е.Гладкий сообщил настоятелю собора о поступлении двух чаш и двух Евангелий и просил выдать ему сборные описи "для извлечения необходимых сведений".

Уцелели и напрестольные Евангелия, подаренные Патриархом Иоакимом и Е.Гоголем. Правда, с Евангелия 1681 года снят дорогой оклад, а из оклада книги 1644 года изъяты все драгоценные украшения...

На сегодня выявлено всего 14 книг Свято-Покровской Сечевой церкви и Межигорского монастыря - в краевой научной библиотеке им. А.С.Пушкина, в историко-археологическом музее заповеднике и краевом архиве. Изучение судьбы ризницы и библиотеки Межигорья еще требует серьезного исследования.

А.Слуцкий, Б.Фролов

Легенды Лебяжьего острова

В первое десятилетие переселения на Кубань, Бейсуг был сухоходом, и казаки плавали от моря до нынешнего Кропоткина. Но и турки проникали также с Азова. Казаки несли охрану на острове, который возвышается над болотистой местностью. С вышки было видно на десяток километров.

Турки приплыли весенней ночью, напали на дозор. Казаки сражались насмерть. В живых остался один, весь израненный. Его привязали, как Тараса Бульбу, к дереву, чтобы рассказал, как пройти к станице, и перешел на службу султану. Но казак ответил:

- Не буду я вам, собакам, служить. Лучше сразу убейте. Я - веры православной, а вы - нехристи. Ваш Бог - как тень от нашего Всемогущего Иисуса Христа!

Начальник задумался, что осветить, и сказал:

- Будешь висеть на дереве. Если до утра тебя комары не съедят, а наутро все вокруг побелеет, это и будет знак, что твой Бог о тебе вспомнил. А нет - живого сожжем.

Турки, довольные хитростью своего предводителя, зацокали языками. Как же может побелеть земля, если сезон снегов уже закончился? И ушли. А казак возопил к небу, прося Господа не оставить его грешную душу без покаяния, не принимать к себе раньше времени. Доказать нехристианство, что православная вера истинная. "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Покажи супостатам Свою силу!.."

На заре казак задремал, вверившись судьбе. Вдруг - шум от тысяч и тысяч крыльев. Могучие красивые птицы садились на воду, на пажити и луга. Шум был необычный, далеко слышный. Все кругом побелело, как от снега! Лебеди важно шли по берегу, облепили и дерево с казаклом. И в душу его вошла радость: Господь проявил свою силу!

Вышли и турки. И онемели, увидев все пространство, заполненное белоснежной кипенью нерукотворной красоты, посланной во спасение гяура. Против Бога не выстоять! Турки попрыгали в свою феллогу, уйти быстрее прочь.

Казак ослабил путы и слез с вербы. Лебеди его не боялись, и он плакал, гладил их шеи, благодарил Всевышнего за избавление от мук. Похоронил товарищей, достал спрятанное ружье, котомку и пошел в Екатеринодар рассказать о чуде. Многие станичники ездили на остров посмотреть на обилие птицы. А старшина обратилась к церкви за разрешением построить на острове монастырь...

История Лебяженского монастыря описана многими. Монахи молились и трудились, обучали грамоте взрослых и детей из окрестных мест, лечили народ. Уклад жизни был прочный, опирался на опыт предков.

Но монастырь был уничтожен большевиками. Из храмов потаскивали кирпич - до 1970 года, когда развалили последнюю колокольню. Кирпич добротный, хорошо вымешанный на монастырском заводе. В его составе больше песка, чем глины. Он "дышит": пропускает микропузырьки воздуха, вбирая лишнюю влагу, но и отдавая ее назад в помещение, когда жарко. Он хранит тепло, не пропускает холод. Такой станешь отбивать четвертину или половину - отобьется точно по намеченному.

Монахи забивали столб, надевали на него длинную жердь с набитыми деревянными стержнями. Лошадь, иногда ослепленная, чтоб не кружилась голова, ходила вокруг, таща за собой это подобие грабель. Монахи подкидывали глину в замес, поливали водой. В Чепигинской, Переясловской, Брюховецкой, Батуринской тоже остались десятки разработанных глинищ, карьеров, залитых со временем водой.

Сама кладка была прочная, на песке с известью. При разрушении стены кирпич падает с любой высоты, остается целехоньким, а раствор от него очищается. Можно вновь использовать такой бесценный материал. Это и приманивало охочих до дармовщины начальников.

Сохранились на Лебяжьем лишь несколько монастырских строений. Одно - гостиница для приезжих, добротное низкое здание с толстыми стенами (прежде мельница). Другое - водонапорная башня, которая до сих пор дает чистую, вкусную воду, обеззараженную серебряными фильтрами, уложенными на ее дне. Многие покушались извлечь драгоценный металл, но надо ломать башню, оставив без воды население.

Сохранился и приспособленный под совхозный инкубатор монастырский ледник в центре острова, метра на два вкопанный в землю. В морозы выпиливали на лимане кубы льда, складывали в огромном подвале, закрывали соло-

мой. Лед таял, вода впитывалась в землю (полов не было). Холодильник хранил провизию до следующего Крещения.

У монахов был обычай под каждый угол дома класть золотую монетку на благополучие. Гости Лебяжьего иногда недоумевают, почему раздолбаны углы фундаментов некоторых зданий? А это мечтали новые хозяева разбогатеть!

Одна из жительниц нашла как-то медяк в огороде, кинула в вазу с нитками - авось, когда и сгодится. Приехала к ней младшая сестра, потеряла, испытала кислотой - золото! Теперь у старшей полный рот золотых зубов...

Был случай и у меня, когда работал директором Лебяженской школы. Совхоз отдал мне под гараж пристройку к старому инкубатору, захлавленную мусором. Стал ремонтировать там крышу: отбил дощатый фронтоныч и увидел на чердачке рукавицу, чем-то набитую. Подтащил находку. В глаза ударил желтый блеск неизвестного металла: стружка из-под резца токарного станка. Я все всматривался, щупал. Первое впечатление - драгоценный металл. Ведь не потускнел за сто лет, судя по слою пыли. Но по хрупкости - скорее, бронза.

Поняв, что стружка не ценная, я обернулся назад, где толклись у своих летних кухонь несколько старушек:

- Посмотрите, что нашел!

Тут началось! Старушки стали просить хоть стружечку, пробовать на зуб. Одна предложила делить на всех, другая рвалась звонить в милицию, если ее обделят, третья звонила невестке, чтобы принесла из совхозной лаборатории кислоты для опытов. Я пожалел, что "пошутил". Где касается золота - шутки прочь!

К вечеру весь поселок знал о кладе. Вызвали к партгору:

- Ты понимаешь, в какую ситуацию попал? Пришьют укрывательство драгоценностей от государства!..

Через час я уже объяснял милиционерам - где и при каких обстоятельствах найден неизвестный металл желтого цвета, кому роздан из населения, адреса, фамилии, инициалы...

Стружка оказалась бронзой. Правда, акта экспертизы не дали, и спустя 10 лет иногда посещают сомнения: вдруг это была не бронза, а сплав золота с каким-то металлом?..

Кладочислители до сих пор не перевелись на Лебяжьем острове, особенно мальчишки. Расковыривают и новые здания. Переворачивают замшелые камни на отмели, ищут в иле.

Особенно оброс слухами так называемый подземный ход под лиманом, якобы прорытый к женскому монастырю. Ширина лимана - до километра. Представить под ним ход невозможно - сразу бы завалился. Да и куда проще объехать посуху. Нигде, кстати, не встречал и упоминания о женском монастыре. Рядом с Киновией, немного южнее, был еще один мужской монастырь...

Этот ход мы искали с мальчишками. Кратчайшее расстояние к хутору Киновия, где якобы жили монашки - с восточного, высокого берега острова. Южный берег пологий, напротив главное гирло течения, когда-то сухоходное. На запад от острова - озеро, соленое, мелкое, заполненное целебным илом, метров 50 очень рослого камыша, а за ним - главный лиман. С севера прорыт канал, делая из полуострова остров. По мосту - единственный въезд.

Обследовали высокий берег, куда спускаются подворья. В одном месте действительно есть пещера глубиной до 8 метров. Может, и был здесь выход от центра острова к воде...

Можно предположить, что легенда о распусстве монахов возникла в советское время в оправдание гонений. До сих пор рассказывают, как якобы монашки избавлялись от нежелательной беременности, бросая выкидышей в лиман...

Новая власть решила создать вместо монастыря коммуны - "Набат". Колокола монастыря действительно были набатом для всей округи, слышны были даже в Каневской (напрямую - километров 15). Их отправили на металлолом. А "набатом" должен был служить пример бедняков, сселенных сюда из разных мест, вооруженных "мощным учением" Маркса-Ленина. На что они надеялись? Увы, не на себя! Помогало государство - семенами, реквизируемой техникой. Но уравниловка и иждивенчество не дали раскатать колокол. "Набата" не вышло. Коммуна стала хлебницей, требуя все больше вливаний. А потом ее еще и разгромила банда "зеленых" Рябокопя.

Жизнь же продолжалась - но уже и без монахов, и без коммунаров. А легенды - остались...

В. Кириченко (ст. Брюховецкая)

Я.Г. Кухаренко - атаман и писатель

Осенью 1799 года в родовом хуторе в юрте Переяславского куреня родился будущий атаман Черноморского (Кубанского) войска **Яков Герасимович Кухаренко**. На берегу степной речки Бейсуг прошли его детские годы. 16 января 1811 года впечатлительный, способный мальчик после напутствия протоиерея Кирилла Россинского переступил порог Екатеринодарского уездного училища.

В те времена учение было недолгим. Уже весной 1814 года Кухаренко с успехом заканчивает училище, а летом 15-летний юноша приписывается сотенным есаулом в 4-ю конно-артиллерийскую роту, несущую службу на пограничных казачьих кордонах. В 1823 году ему было присвоено первое офицерское звание. Вместе с молодым офицером от кордона к кордону кочевали на дне походного сундучка завернутые в чистый рушник стопка книг и заветная тетрадка, куда заносились первые литературные опыты.

Как ни скрывал казак своего сочинительства, слух о его талантах вскоре достиг казачьей столицы, где заинтересовались перспективным офицером. 19 декабря 1833 года Кухаренко избирается асессором войсковой канцелярии и исполняющим должность войскового прокурора.

Переезд в Екатеринодар совпал с женитьбой, хлопотами по устройству на новом месте, рождением первенца. И вот - ответственнейшее поручение: составление истории родного Войска. Рукопись "Обозрения исторических фактов о Войске Черноморском" была завершена в мае 1836 года.

Соприкосновение с историей края не проходит бесследно. В том же году Кухаренко пишет пьесу "Черноморский быт" - жизнерадостную оперетту из жизни первых кубанских поселенцев. В сценической обработке М. Старицкого и с музыкой композитора М. Лысенко она входит в классический репертуар украинского музыкального театра.

Новый импульс творчеству писателя придало знакомство с Тарасом Шевченко в январе 1841 года, переросшее затем в многолетнюю дружбу.

Первая половина 40-х годов - плодотворное время для Кухаренко. Из-под его пера выходит цикл этнографических очерков: "Запорожский аркуш" ("Казак Мамай"), "Вороний конь", "Сиротливый язык", "Овцы и чабаны в Черномории", "Пластуны". Он заводит знакомство с актером М. Щепкиным, филологом И. Срезневским, историками Н. Костомаровым, К. Семеновым и А. Метлинским, поэтом А. Корсуном, известным романистом и издателем П. Кулишом. По просьбе друзей, определявших лицо украинской культуры, он собирает и отправляет в Харьков (средоточие украинского романтизма) "запорожскую старовину": казачьи песни, пословицы и поговорки. Мечтает увидеть напечатанными ("хоть на тетрадных политурках") и собственные сочинения. Но тогда этому не суждено было сбыться.

Вскоре по Кирилло-Мефодиевскому братству, куда входило большинство друзей Кухаренко, был нанесен тяжкий удар. Судьба разметала их по ссылкам. И лишь тоненькая

ниточка конспиративной переписки соединяет кубанского казака со ссыльным Т. Шевченко, да отводится душа во время редких московских встреч с М. Щепкиным.

Впрочем, дружба с опальными братчиками (зафиксированная в жандармских документах) не сказала зла во вхождении по служебной лестнице. В 1851 году Кухаренко представляет Войско в Департаменте военных поселений, откуда его командируют на должность Атамана Азовского казачьего войска. Вскоре он возвращается на родной Черноморский Кош генерал-майором, начальником штаба, исполняющим обязанности Атамана Войска.

Тем неожиданнее отставка в 1856 году, вызванная клеветой врагов, несколько лет хуторского затворничества... Покуривая люльку, седеющий атаман будет поджидать: не зазвонит ли под окном колокольчик почтовой тройки, возвещающая о прибытии любезного сердцу Тараса Григорьевича. Здесь написана вторая часть комедии "Черноморский быт".

В 1861 году Я.Г. Кухаренко неожиданно поставили во главе черноморцев, предназначенных для переселения в Закубанье - власти думали использовать авторитет заслуженного генерала для весьма непопулярной меры.

Назначение повредило писателю - казаки переселяться отказывались. Убежденный государственный тицетно зывал к казачьему долгу, настроив против себя и ветеранов, и молодое, демократически настроенное офицерство. Казаки, помимо обременительных обязанностей по освоению присоединяемых к России земель, хотели иметь еще и право на спокойную жизнь своих семейств.

Вот когда сработала мина, заложенная в знаменитых указах Екатерины II, о разорении Сечи и переселении на Кубань, и ее слова вольным запорожцам, что "всё треба жемитися" (по выражению первого казачьего поэта А. Головатого)! Исполнив августейший совет, казаки, помимо Бога, Царя и Отечества, получили над собою еще и родыню - жинку с кучей постукивающих ложками ребятишек.

Про атамана, замахнувшегося на благополучие казаков, сложили обидную песню "Бодай тоби Кухаренко..." (ее и сегодня еще поют в закубанских станицах!).

Как компенсация за неудачи, в Петербурге в журнале "Основа", издававшемся при участии П. Кулиша и Т. Шевченко, начинают публиковаться его сочинения 30-40 годов. Яков Герасимович обещает доработать и новые, остающиеся в черновиках. Но в жизни этого человека удачи с упорной периодичностью чередуются с невзгодами.

Вызванный в Ставрополь, Кухаренко в ночь на 20 сентября 1862 года был захвачен в дороге черкесами и 26 сентября от полученных ран скончался в небольшом лесном ауле под Майкопом. За огромные деньги, взятые семьей в долг, тело Якова Герасимовича было выкуплено и похоронено на Екатеринодарском загородном кладбище. В 1895 году его останки были перенесены на погост Воскресенской церкви, ближе к могилам первых казачьих патриархов.

В советское время собор был уничтожен, кладбище разорено. По заведенной коммунистами традиции, на могилах устроили заасфальтированную спортивную площадку, на которой набираются сил пациенты краевой детской больницы. Только восстановят ли они так силы духовные?

В. Чумаченко

Нельзя самим искажать память...

- для этого много желающих со стороны!

В прошлом номере "Станицы" напечатана статья А. Фирулина "Памяти гундоровцев". Немного поправим автора. 10-й генерала Луковкина казачий полк и Гундоровский - далеко не одно и то же! 10-й полк был на стороне Подтелкова, потом разбежался. Гундоровский, будущий Георгиевский, сформировался из казаков Гундоровского юрта при участии офицеров других полков и партизан, и первоначально в Донской армии имел № 23.

Налицо и "история с географией". Украинский Донецк - это бывшая слободская Горловка, к донскому казачеству отношения не имевшая. Донецк же, о котором хотел сказать автор, возник в Ростовской области из шахтерских поселков в 50-е годы XX века, километрах в 10 от станицы Гундоровской, и никогда ею не был.

Самой же станицы, значительно потерявшей по отношению к дореволюционным размерам, теперь нет, есть поселок Гундоровка. Здесь ни разу за советские годы не закры-

вался храм, и героизм современных гундоровцев особо отмечен в Приднестровье - им вручено боевое знамя.

Наконец, Гундоровский Георгиевский полк не погиб полностью. Сохранив знамя и часть личного состава, он и в эмиграции дольше всех держался - сначала как боевая единица, а потом как "рабочий" полк, под командой всё того же "стопобедного" генерала А.К. Гусельщикова.

И последнее. Есть давно описанный психологический стереотип восприятия текста. Самые яркие выражения, независимо от желания автора, остаются в подсознании читающего. Этот прием хорошо знали еще большевицкие пропагандисты. Не хотелось бы встретить ещё раз в казачьей прессе в адрес гундоровцам клише - "озверелые каратели"!

Да, "гундоровец" - "...ещё долго в изгнании оставалось синонимом мужества и стойкости". И потому особенно обидно, что многие казаки, как в советские глухие времена, все еще глухи к своей памяти...

В. Родионов

Казачи-староверы в русской литературе

На одной из встреч представителей церкви с офицерами армии и флота после доклада капитана первого ранга А.Рябцева "Старообрядчество и Русская Армия" некоторые руководители казачьих организаций с недоверием отнеслись к известию, что Матвей Иванович Платов - Атаман Войска Донского, герой 1812 года - был старовером. Казачи нынешние помнят разве что некрасовцев да бунтарей-раскольников Стеньку с Емелькой (то есть добрых казаков Степана Тимофеевича и Емельяна Ивановича)...

Но начнем по порядку. И первое слово - священномученику протопопу Аввакуму: *"А се бегут человек с пятьдесят, взяли мой дощаник и помчали к Пашкову, версты три от него стоял. Я казакам каши с маслом наварил, да кормлю их, а оне бедные едят, а иные и плачут, глядя на меня, жалея по мне... По реке по Хилку заставлял меня лямку тянуть, зело нужен ход ему был и поест неколи было, нежеле спать, целое лето былишь против воды. От тяготы водныя в осени у казаков стали и у меня ноги пухнуть и живот посиная, а на другое лето и умирать стали от воды."*

Речь идет о Даурском походе отряда Афанасия Пашкова. Основу его, как обычно, составляли казаки, а огнепальный протопоп был в нем священником. И вот по прошествии многих уже лет, сам сидя в земляной тюрьме в Пустозерске, в челобитной царю Алексею он просит не о себе, а о товарищах-казаках - *"а инии твои государевы-световы казаки, тужащие в водах в то время помирали от той воеводския налоги"* - помяная их поименно: *"Березовского казака Акишу бил кнутом за то что он ево Афанасьевы три щуки распластал нехорошо не умеючи, Ияков Красноярский молил: только бы де воевода по государеву указу ехал прямую дорогою и мы бы де такие нужи не терпели. И он Афанасей его Иякова за то, бив кнутом жжег до смерти. И к моему протопопову окну мертвого кинул, что он на пытке творил Иисусову молитву"*.

Казачи предлагали организовать побег из Пустозерска. Но Аввакум, не желая навлечь гнев властей на своих спасителей, принял мученическую кончину.

Атаманы Волжских казаков Якушка Федоров, Мишка Юрьев и другие после казни Аввакума со товарищи были сосланы в начале 1690-х годов в тот же Пустозерск, но бежали на нижнюю Волгу. Отсюда старая вера быстро распространилась на Яик, укрепившись в душах местных казаков.

В середине 19-го века большинство уральских казаков были старообрядцами, и уральский губернатор А.Столыпин, отец будущего премьера, отмечал их единство и упорство в вере, сравнивая за преданность идеалам с современными ему славянофилами. О том же свидетельствует и Леонид Масынов, уральский казак-старовер, в книге "Гибель Уральского Войска":

"...среди Уральцев было много старообрядцев и это они, главным образом, ревнители старины всегда были против каких-либо новшеств. Вопросы религиозные среди них имели большое значение. В 60-х годах прошлого века, после одного из религиозных притеснений со стороны правительства, казаки решают уходить в другую землю, где есть настоящее православие. Для нахождения этой святой страны, называемой "Беловодское Царство", они посылают казака Барышникову".

Новую попытку найти эту землю делают старообрядцы в 1898 году, послав трех казаков во главе с Хохловым в разные страны. Это событие с симпатией описано писателем Короленко. Григорий Хохлов, уже в почтенном возрасте, после революции стал одним из главных руководителей весьма организованного старообрядческого движения,

объединявшего как казачье, так и иногороднее население края. В 1918 году он был расстрелян большевиками.

Казачи-разинцы - сотники Самуило Васильев, Исай Воронин и Логгин - были военными руководителями знаменитого Соловецкого восстания и вместе с бывшим духовником царя Алексея Михайловича архимандритом Николаем приняли страшные муки (Старообрядческой Церковью они причислены к лику святых).

Вообще в царствование Алексея Михайловича, именуемого Тишайшим, восстаний было даже больше, чем при его неуживчивом сыне - Соляной и Медный бунты, Разинское восстание, мощные Псковское и Новгородское (в которых главной движущей силой были тамошние городские казаки и стрельцы)... Псковское восстание побеждено не было: обманом казаков и стрельцов вызвали в Москву, где и расправились с ними - так что расказачивать Русь начали задолго до большевиков.

В книге "История Церкви Христовой" историк Иван Заволоко пишет о Московском стрелецком бунте. Среди стрельцов было немало донских казаков, в Смутное время помогавших освободить Москву. О казаках, под Москвой соединившихся с Пожарским и составивших впоследствии Московский гарнизон, говорит и проф. Платонов в книге "Смутное время".

На Дону же в конце XVII века старообрядцы сделались настолько сильными, что оставшиеся верными патриарху и Москве священники покинули Дон. Среди руководителей Черкасского переворота, поставившего во главе казачьего самоуправления атамана Лаврентьева, раздавались голоса, что пора восстанавливать старую веру и во всем Русском Государстве.

После подавления восстания казаки с игуменом Досифеем ушли на Медведицу, основав крепость (которая держалась до 1699 года), а затем - на реку Куму, войдя в контакт с гребенскими казаками. Через 9 лет поднялось восстание Булавина - *"против князей, прибыльщиков и немцов, за то, что они вводят всех в еллинскую веру и от истинней христианской веры отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными..."* Когда оно было подавлено, один из предводителей, Игнат Некрасов, с 2000 казаков ушел на Кубань. Там казаки-старообрядцы основали станицы в так называемых Гребенях, куда стали во множестве приходить казаки с Дона, Волги и Яика.

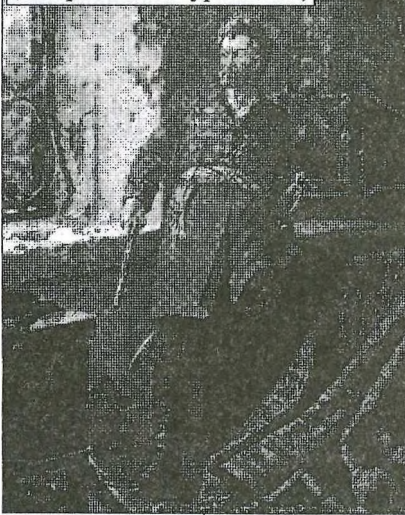
Известный писатель А.Мельников-Печерский, курировавший в МВД вопросы раскола, сообщает, как теми же казаками был казнен старым обычаем - в куль, да в воду! - самозванный лжеепископ Анфим (из новообрядческих дьячков, имевший при себе гарем из двух лжедиаконов). А в сан раскольничьего епископа Кубанского и Терского архиепископом Крымским был посвящен Феодосий.

Через 70 лет было подавлено восстание другого старообрядца, Пугачева, но многие казаки Дона и других областей России еще долго сохраняли преданность старой вере.

В "Очерках поповщины" тот же Мельников пишет, что по изгнанию Наполеона из Москвы столицу заняли донские казаки, среди которых много было старообрядцев. Рогожские попы исправляли им требы, а войсковой атаман граф Платов, сам старообрядец, оставил на кладбище походную церковь, освященную во имя Пресвятой Троицы (впервые она была представлена на выставке, организованной Землячеством казаков в Москве в 1991 году - *ред.*).

По свидетельству очевидцев, казачьи разезды тогда практически не покидали района Рогожской заставы. А в Павловском Посаде старообрядцы-крестьяне Герасим Курин и Егор Стулов с помощью казаков-уральцев вы-

Кондратий Булавина
(с картины Б.Курочкина)

знамя некрасовцев

гнали французов из города Богородска.

На Собор о присоединении старообрядческого епископа (1831-32 гг.) на Рогожское приехали казаки донские, уральские, линейные - всех до 40 человек. Значительную роль среди них играл атаман некрасовец Осип Гончаров. По характеристике проф. Субботина, это был человек *"тонкий и умный, неумолимо деятельный и предпримчивый"*. Владыка Амвросий, отправляясь из Константинополя в Белую Креницу, имел при себе паспорт на имя казака-некрасовца и одет был в некрасовский же старинный долгополюй чекмень.

Повествуя о старообрядцах в Санкт-Петербурге, Мельников рассказывает, как в праздничные дни в Королевской моленной, рядом с купцами и мещанами, одетыми в кафтаны старинного покроя, стояли в мундирах с орденами офицеры и генералы древлего благочестия - *"благочестивая рать небреемая, Христовы стрельцы, сиречь казаки"*. Линейцы, уральцы и донцы, вызываемые в Петербург в собственный Его величества конвой, и в ту пору все были *"в расколе"*.

Нельзя не упомянуть о протоиерее Иване Матвеевиче Ястребове. Нет прямых сведений о его казачьем происхождении, но у казаков он пользовался уважением и непререкаемым авторитетом. Мельников утверждает, что это ему обязано Рогожское тем, что атаман Платов оставил в нем полотняную церковь, в которой московский градоначальник словесно разрешил служить обедню. Когда на Рогожском после указа 1878 года о воспрещении принимать у себя бегствующее священство подняла голову так называемая *"партия примирения"* (т.е. принятия единоверия) - *"...он после особенно торжественной службы и крестного хода поставил посреди Рождественского храма аналой, положил на нем Крест и Евангелие и стал возле. Как скоро часовня наполнилась собравшимися на совещание, он, не допуская начала рассуждений, поднял руку с двуперстным сложением и громко произнес: "Стойте в истинной вере и за правый Крест до последней капли крови! Кто последует истинной Христовой вере подходи и целуй Крест и Евангелие, а кто не желает оставаться в прежнем положении - выходи вон!"* Эффект вышел чрезвычайный, все приложились к Кресту и о принятии единоверия и речи больше не стало."

В драме А.Н.Островского *"Лес"* трагик Несчастливцев спрашивает комика Счастливецца, собравшегося идти пешком из Вологды в Керчь: *"Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, Христовым именем пропитаешься, а дальше-то как, Землей Войска Донского? Там не-то что даром, а даже и за деньги не накормят табашника. Облика христианского на тебе нет, а ты хочешь по станицам идти, ведь казачки-то тебя за беса сочтут, детей страдать станут"*.

В книге проф. Пругавина *"Старообрядческие архиереи в заточении"* упоминаются епископ Конон - в миру донской казак Есауловской станицы Козьма Смирнов. За отказ перейти в единоверие власти продержали его в подземной монастырской тюрьме в Суздале 22 года и выпустили уже в 1880 году. Многие староверы еще при жизни почитали его святым.

Не обошел темы и Л.Толстой - в повестях *"Хаджи-Мурат"* и *"Казаки"*. В *"Казаках"* Толстой говорит о том, как *"очень, очень давно предки их староверы бежали из России и поселились за Терек между чеченцами на Гребне"*.

Происходивший из казачьего рода В.Гиляровский свидетельствует:

"Пребывание Л.Н.Толстого в дни его юности в Гребенских казачьих станицах, впечатления рожденные в широкой вольной душе особыми условиями боевой и свободной жизни среди опасностей и патриархальной простоты казачества ярко отразилось на его последующем творчестве. Недаром ведь, когда через 60 лет после того, как он жил в этих местах, Толстой ушел из Ясной поляны, то железнодорожный билет, найденный в его кармане был до Владикавказа! Он стремился в казачьи станицы! Там, на воле, в жизненной простоте, в тихой пустыне он искал видимого последнего покоя..."

Неоднозначно описание казаков-староверов в произведениях М.Шолохова. Вот одно из них - в рассказе *"Жеребенок"*: *"...Трофим, чудовищно ругаясь, трюпком поехал туда, где бородатые краснорожие староверы теснили эска-*

дронного с тремя красноармейцами, прижимая их к яру...плыли перед глазами эскадронный, прыгающий в яр, щербатый старовер, крестящий шашкой политкома".

Но более всего образов староверов в *"Тихом Доне"*:

"...Еще в прошлый мясоед наезжали сваты издалика, с речки Цуцкана богатые невпроворот староверы-казаки".

Направляя Листницкого в 14-й полк, нач. штаба дивизии говорит:

"...Там исключительно славный подбор офицеров и казаки потверже, посерее, большинство из южных станиц Усть-Медведицкого округа. Там Вам лучше будет. Листницкий с радостью воспринял перевод и с удовлетворением осознал правдивость нач. штаба - офицеры в большинстве монархисты, казаки на треть разбавленные старообрядцами Усть-Хоперской, Кумылженской, Глазуновской и других станиц были настроены отнюдь не революционно".

Студ над Подтелковым в хуторе Пономареве:

"...Феврале, казак старообрядец Милютинский станицы, вскочил, как подкинутый пружиной: "Расстрелять! Всех!". Он по оглашенному затряс головой оглядывая всех изуверским косящим взглядом, даваясь слюной закричал: "Нету им, хриstopродавцам, милости. Жиды какие из них, убить. Убить! Распят их. В огне их..."

Еще портрет: *"Вез их казак-старообрядец с таким детским розовым и чистым лицом, что даже Штокман беспричинно ежил улыбкой губы. У казака, несмотря на его молодость, курчавилась густейшая светло-русяя борода, арбузным ломтем розовел в ней свежий румяный рот,azole глаз золотился пушок и то ли от пушистой бороды, то ли от полнокровного румянца глаза как-то особенно прозрачно синели..."* И там же - *"...пышущий силой и молодостью старовер, распахивая овчинный полушубок, тепло улыбался: "нет Бог грехами терпит покуюа. А с чего оно будет, нездоровье. Спокон веку не курум, водку пьем натурально, хлеб с махоньких едим пшеничный. И зачем жгешь зелью эту? Гля, какой кругом веший дух чистый, а ты поганишь грудь вонючим дьлом"*.

А вот роман К.Седых *"Даурия"*: *"...Смелыми людьми были сотенные и взводные командиры дружины. Первую сотню водил байкинский вахмистр Дорюфей Золотухин, рыжебородый, неразговорчивый старовер-храбрец, боявшийся на этом свете лишь табачного дыма"*.

З а к л ю ч е н и е

В знаменитом романе П.И.Мельникова-Печерского *"В лесах и на горах"* рассказывается, как перед гонениями староверов при Николае I на соборе керженских монастырских старцев и стариц последнюю надежду те возлагали на своих единоверцев казаков.

И давила же служилый люд тогдашняя власть! На Урале выселяли и расказачивали тысячами - это в 1875 году! На Дону низовских староверов выселяли на север области так - среди зимы ломали в доме печь.

По свидетельству казаков, сказуемым с дедовских слов, староверы донские, кубанские, терские, уральские составляли костяк вновь создаваемых войск - Амурского и Усуйского. На Кубани, в станице Кавказской отобрали старообрядческий монастырь, разорили могилы и надругались над мощами почитаемого казаками епископа Кавказского Иова (в миру боевого казака-кубанца Зрянина). Казаков-староверов, открыто исповедующих веру, не производили в офицеры...

Но и перед Германской войной почти все уральцы, терцы, астраханцы, немалая часть донцов, оренбуржцев, забайкальцев оставались приверженцами Старой веры. Знаменитый Козьма Крючков (хутор Нижне-Калмыков Усть-Хоперской станицы) был старовером Белокриницкой иерархии.

Революция, гражданская война, коллективизация крепко прошли по душам казачьим. Но служит в одном из подмосковных приходов молодой священник - потомок родного брата атамана Платова; в станице Березовской окормляет прихожан правнук архиепископа Иоанна, отец Иоанн Горшенин. На Дальнем Востоке вместе трудится и молится староверы-казаки усуйцы, в станице Антибесской собрались сибирские казаки. В Москве в Рогожской слободе встречаются потомки казаков-староверов...

И. Хохлов, Д. Власов
(Рогожская старообрядческая станица)

Малороссийский казак Евгений Гребенка - автор русских народных песен

В 1812 году на Полтавщине, на хуторе Гребенкин Яр родился Евгений Гребенка. Писатель органичного, сбалансированного двуязычия: украинский лирик и баснописец и одновременно русский прозаик и поэт, автор стихов, ставших знаменитой на весь мир, больше того - эмблематичной русской народной песней "Очи черные, очи страстные..." (про нее писали - "образ из украинского языка, описанный на русском в цыганской аранжировке").

Его отец, штаб-ротмистр Малороссийского казачьего полка, участвовал в Отечественной войне 1812 года, дойдя с полком до Парижа. Выйдя в отставку, осел на родовом хуторе, переименовав его в Убежище и, располагая двумя десятками крепостных, занялся хозяйством.

Стихами Евгений увлекся рано. Учился он в Нежинской гимназии высших наук, на четыре года отставая от Гоголя. В гимназии Гребенка сочинял украинские и русские стихи, написал пьесу "В чужие сани не садись". Как прозаик, в передаче украинского национального колорита, выборе сюжетов и обрисовке характеров Гребенка так прилежно следовал за Гоголем времен "Вечеров на хуторе близ Диканьки", что даже вызвал его нешуточную озабоченность.

В годы учебы Гребенка дерзнул перевести на малороссийскую мову "Полтаву" Пушкина - вышло колоритно: "Ущухнув гомін, дав Бог нічку..." ("Тиха українська ніч..."). А в год окончания гимназии (1831) впервые выступил в печати, поместив в "Украинском альманахе" (Харьков) стихотворение "Рогдаев пир" на русском языке, и в "Московском телеграфе" - перевод отрывка из "Полтавы".

За год до смерти Пушкина был издан полный перевод поэмы с посвящением автору. Эта книга была в библиотеке Пушкина, который, как утверждает биограф Гребенки, познакомился с переводчиком и "по свойственной ему доброте принял живое участие в начинающем писателе. Есть даже сведения... что малороссийские басни молодого писателя так понравились Пушкину, что одну из них он перевел на русский язык, именно "Волк и огонь".

После учебы Евгений Гребенка записался в Малороссийский казачий полк. Затем служил в Петербурге в Комиссии духовных училищ при Синоде, с 1838 года преподавал словесность в военных учебных заведениях. Посещал салоны князя В.Ф.Одоевского и П.А.Плетнева, сам принимал гостей, делил застолье с И.А.Крыловым, Владимиром Бенедиктовым, Алексеем Кольцовым, И.С.Тургеневым. От украинского художника Ивана Сошенко узнал о молодом крепостном художнике Тарасе Шевченко, и вместе с Карлом Брюлловым, В.А.Жуковским, Аполлоном Мокрицким и другими деятелями культуры участвовал в выкупе Шевченко на волю, помог в издании "Кобзаря".

Для сближения русских и украинских писателей Гребенка задумал украинское приложение к петербургскому журналу "Отечественные записки". Когда это не удалось, выпустил в Петербурге украинский альманах "Ластівка" (1841 г.), собрав стихи и прозу своих земляков. Летом 1843 года навестил Убежище вместе с Шевченко, а год спустя привез на Полтавщину Владимира Ивановича Дала, будущего автора знаменитого словаря.

В то лето Гребенка гостил в соседнем с Убежищем селе Рудка у помещика Ростенберга. Его внучке, Марии Васильевне, и посвящено им стихотворение "Черные очи". В

июне 1844 года они обвенчались и уехали в Петербург.

"Песня" Гребенки ("Помню, я еще молодую была...") вызвала целую вереницу поэтических переключек - от "Тройки" Некрасова ("Что ты жадно глядишь на дорогу...") до "Железной дороги" Блока ("Под насытью, во рву некошеном...") и "Старой солдатской" Симонова ("Как служил солдат Службу ратную..."). Две строки ее - "И опять я целу ночку не спала, целу ночку молодой опять была" - гениальны по своей фольклорной чистоте. Песня эта одинаково завораживает и по-русски, и по-японски...

Умер Евгений Гребенка в 1848 году в Петербурге, похоронен на родовом кладбище в Убежище. Ажурный крест на могиле уничтожен в годы Гражданской войны. А вот народные песни неуничтожимы, переживая все режимы, с которыми связаны кратким совпадением во времени. Настоящее местонахождение настоящих песен - вечность.

Е. Евтушенко ("Новая газета")

Песня

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот -
А по улице всё конница идет.
К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: "Напой, красавица, водой!"
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он уехал... долго я смотрела вслед -
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.
Вот недавно - я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала -
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь простреленный, так жалобно стонал.
Я взглянула - встрепенулась душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была. /1841/

Черные очи

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!
Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.
Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни Бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам. /1843/

к 150-летию города Верного:

Семиречи

Всего 80 с небольшим лет назад, в России, у самой границы с Китаем, существовало самое южное из казачьих войск - Семиреченское.

Образовано оно было Императором Александром II 13 июля 1867 года с целью создания в самом центре Азии буфера, сдерживающего популяризации со стороны Китая, мусульманских соседей и Британской империи. На протяжении полувека семиреченские казаки с честью выполняли поставленную перед ними задачу, наравне с другими казачьими войсками Азиатской России.

Семиречи - прямые потомки казаков сибирских, еще в начале 30-х годов XIX века основавших к югу от Иртышской оборонительной линии первое военное укрепление - Аягуз (с 1860 г. - г. Сергиополь), ставший в 1847 году

первой станицей края. В 1847 году было основано и укрепление Копал - российский опорный пункт в крае, подле которого образована станица Копальская (1848 г.).

В конце 40-х годов XIX века по проложенному почтовому тракту Аягуз-Копал было основано 12 казачьих пикетов, и государственная граница была передвинута с Иртыша на р. Лепсу и далее на р. Илю. А после присоединения в 1853 году Заилийского края уже все Семиречье, от Тарбагатая до Иссык-Куля, сделалось русским.

В середине 50 - начале 60-х годов XIX века сибирскими казаками основан ряд станиц и выселков - Урджарская, Верх-Лепсинская, Больше-Алматинская, Коксуйская, Сарканская, Надеждинская, Софийская, Каскеленская, Карабулакская, Мало-Алматинская. На основе этих си-

бирских казачьих поселений и было образовано из двух полковых округов Сибирского войска - 9-го и 10-го - самостоятельное войско. За 20 лет казачьей колонизации Семиречья (1847-67 гг.) и до образования Семиреченского войска в крае основано 14 казачьих поселений, в коих числилось около 15 тысяч лиц войскового сословия. Войсковым центром был объявлен город Верный, выросший из военного укрепления и близлежащих алматинских станиц.

Всего за 70 лет колонизации вся область покрылась сетью казачьих поселений: от Тарбагатай и Аягуза - до Иссык-куля и Нарынского края, от самой северной станицы Сергиопольской - до самого южного выселка Занарынского - более 1 тысячи верст. На 01.01.1917 г. по данным Войскового правления в войске числилось 45307 душ обоего пола.

Почти все семиреченские казаки принадлежали к православному славянам. Незначительный процент приписанных к войску тюрок-мусульман (2,7 %) не играл большой роли в их культурно-национальной самоидентификации. Прживало в семиреченских станицах и небольшое число беженцев из Западного Китая - потомки солоних, сибиряков, маньчжуров и собственно китайцев-ханьцев, бежавших в Россию в конце 60-х годов XIX века от резни, учиненной дунганями-мусульманами. Некоторая их часть была поверстана в войсковое сословие, приняла православие, большая часть возвратилась на родину. Центром концентрации "китайских эмигрантов" были станицы Сарканская, Копальская, Коксульская, Карабулакская и Алматинская.

Революционные события 1917 года служилые казаки встретили вдалеке от родного дома - в Персии.

Период с апреля 1917 до марта 1918 года характеризуется рядом событий, сыгравших важную роль в истории Семиреченского войска: проведение трех казачьих войсковых съездов, на которых впервые в истории войска на демократической основе были избраны органы самоуправления - Войсковой совет и Войсковой атаман.

В начале марта 1918 года в Верном произошел революционный переворот: большевики и левые эсеры, при содействии казаков 2-го Семиреченского полка, установили советскую власть. Вслед за тем, в апреле в южных станицах области - Больше-Алматинской, Мало-Алматинской, Каскеленской, Софийской, Надеждинской и Тастакской - вспыхнуло антисоветское восстание, подавленное в мае и июне карательными отрядами из красного Ташкента.

В июне местными органами советской власти был принят ряд документов, направленных на ликвидацию Семиреченского казачества, как особой этносоциальной группы русского населения. Были приняты постановления Семиреченского облисполкома о ликвидации Войскового правления и станичных правлений казачьего войска, национализации пенсионных и других войсковых земель, ареста войскового атамана А.М. ИONOVA и других казаков, причастных к повстанческому движению, и т.д.

Между тем, после разгрома восстания в заилыских станицах сопротивление было перенесено на север области - в Копальский, Лепсинский, а также в приграничные с Китаем Джаркентский и Пржевальский уезды.

С лета 1918 по март 1920 года на территории Семиреченской области шла гражданская война. Смертельная схватка казаков-семиреченцев и крестьян-переселенцев закончилась поражением первых и - "победой" вторых. Но реальный выигрыш получило туземное население - фактически поддержавшее красных за обещание ему государственного самоуправления на казачьих землях.

В марте 1920 года закончилось казачье сопротивление в Семиречье - значительная часть казаков во главе с атаманами Анненковым, Дутовым и Щербаковым ушла в Западный Китай. Семиреченские, сибирские и оренбургские казаки были расквартированы в Синьцзяне, Кульдже, Суйдуне, Мазаре, Чугучаке. Позже часть семиреченцев переместилась на восток Китая, в основном в Шанхай, где еще долго существовала "Семиреченская казачья станица".

1921 год - это начало последнего этапа по искоренению в Семиречье самой памяти о казачестве: повсеместное переименование казачьих поселений, в том числе возвращение и войскового центра - в Алма-Ату.

В 1921-22 годы была проведена и т.н. "Семиреченская земельно-водная реформа" - с ликвидацией остатков казачьих хозяйств, конфискацией земель, сельхозинвентаря и выселением казаков за пределы области, репрессиями, арестами и расстрелами социально опасных элементов. Эта

записка вошла в отечественную историю под названием "сафаровщины" (по фамилии большевика Г. Сафарова). "Реформа" закончилась переименованием области в Джетысуйскую, а затем растаскиванием ее между созданными большевиками "национально-государственными образованиями" - Киргизской (Казакской) АССР и Кара-Киргизской АО (Киргизской АО), с последующим переименованием "кайсак-киргизской" части Семиречья - в Джетысуйскую губернию, "кара-киргизской" - в кантоны: Пишпекский, Каракольский, Нарынский и Чуйский, с тремя казачьими поселениями - ст. Самсоновской (Бурулдай), ст. Николаевской и выс. Занарынский (Кулайнак).

Таким образом, одна часть семиреченских казаков ушла в Китай, откуда разбрелась по всему миру, другая была принудительно переселена на Урал, на земли уральских казаков, переданные в состав Киргизской АССР.

В 1928 году Джетысуйская губерния, где к 01.01.1927 г. проживало свыше 63 тыс. казаков-семиреченцев (7 % населения) была, в очередной раз, разделена между Семипалатинской губернией и вновь созданным Алма-Атинским округом. Северная половина, со станицами Сергиопольской и Урджарской, отошла к Семипалатинской губернии.

В 1929 году из Кызыл-Орды (с 1854 г. - Перовск, ранее - кокандская крепость Ак-Мечеть) столица Казакской (до 1925 года - Киргизской) АССР была перенесена в Алма-Ату.

Очередная перекройка границ Семиречья произошла в конце 1936 года, когда на территории Алма-Атинского округа Казакской АССР были образованы две административно-территориальные единицы: Алма-Атинская и Талды-Курганская области, уже в составе Казахской ССР.

Но и после 1936 года предпринимались попытки перекроить данную территорию, то объединяя остатки Семиречья в одну область, то разъединяя ее.

В настоящее время в руководстве «суверенного Казахстана» вынашиваются идеи о создании на территории исторического Семиречья т.н. "Жетысуского аймака" - "Жетысу аймагы" (тем самым как бы воссоздавая средневековый тюрко-монгольский улус - Моголистан).

За годы советской власти - особенно за 13-летие "суверенизации Казахстана и Киргизии" - почти исчезли с лица Семиречья следы памяти о казаках. Запрещено употребление русского наименования "Семиречье", вместо него введен казахский эквивалент "Жетысу" (в переводе - "Семь вод"), переименованы все русские поселения. Особенно не повезло крестьянским селениям, имевшим, как правило, славянские наименования. Казачьи же, в большинстве своем, имевшие древние индоевропейские и тюрко-монгольские имена, лишь изменили породу до неузнаваемости: ст. Надеждинская (Иссык) превратилась в Ёсык, ст. Лепсинская - в Лепсы, выс. Чунджинский - Шонжа, выс. Хоргосский - Коргаз, выс. Чингильдинский - Шынгалды, выс. Щербаковский (Джангиз-Агач) - Жалгызгаши и т.д.

Однако, несмотря на идеологическое и национальное давление, до сих пор во многих бывших казачьих поселениях по традиции употребляются прежние наименования старых исторических частей - "станция" (в Копале, Лепсинске, Верном - "Малая станица", "Большая станица").

В бывших семиреченских станицах сохранились и отдельные приметы прежней жизни - в архитектуре, названиях отдельных их частей и природных объектов, в бытовых особенностях и привычках населения, его этнографических и диалектных элементах.

В 1992 году начались первые попытки возрождения Семиреченского казачьего войска - прежде всего, в населенных пунктах Алматинской области Казахстана и северной Киргизии. Если вначале для него была характерна политическая составляющая, то в последующем акцент стал делаться на гуманитарных вопросах. Зарегистрирован ряд общественных организаций - "Союз казаков Семиречья", "Семиреченская казачья община", "Союз семиреченских казаков Киргизии". В бывшем войсковом центре, хоть и с перерывами, выходит газета "Семиреченский казачий вестник".

Оторванность от России русского населения Казахстана и Киргизии не позволяет в полной мере ставить вопросы возрождения казачества как особой субэтнической группы русского населения. Потому, наверное, осталось в 2004 году для всего российского казачества незамеченным и важное событие - 150-тилетие со дня основания войсковой столицы Семиречья - города Верный...

А. Ушаков

из истории Терских станиц

Два века станицы Черноярской

Среди терских станиц особое место занимает Черноярская, основанная 200 лет назад осетинами.

С давних лет они вели торговлю со станицами Щедринской и Червленной. Но самое тесное их сотрудничество с казаками началось с XVIII века, когда был основан Моздок.

Первые осетины-горцы появились в Моздоке в 1764 году - через год после основания крепости. В это время здесь проживало 6 осетинских семей. В тот же год была сформирована горская команда из осетин и кабардинцев для несения охранной службы. Некоторые из них впоследствии стали офицерами и были награждены боевыми наградами. В 1785 году в Моздоке уже 88 осетинских семейств (223 человека).

В XIX веке к первой группе переселенцев-осетин, именовавшихся "цайта", прибавилась вторая - осетин-ерашти из дигорского общества. Переселялись они на равнину из-за дефицита земли и притеснений местных феодалов.

Первыми поселенцами из Дигории, основавшими в 1804 году в 25 км от Моздока поселение Черноярское, стали братья Кургосовы, капитан русской службы Тавсаруко и священник Алексей, со своими семьями. Вслед за ними сюда стали переселяться другие семьи из Дигорского ущелья, и уже спустя год поселение насчитывало 40 дворов. А через пять лет на моздокскую равнину переселилось селение Мускау Дигорского общества: в трех километрах от Черноярской они построили селение, названное Новоосетинское (в народе до сих пор сохранившее название Мускау).

Первоначально переселенцы несли службу на охранных постах. В 1824 году селения Черноярское и Новоосетинское переименовали в станицы, а их жителей причислили к казачьему войску. С этого времени казаки-осетины участвовали в жизни Кавказского линейного (образовано в 1832 г.), а затем Терского войска (1860 г.).

В 1824 году терские казаки еще именовались "поселенные на Кавказской линии". По инициативе Главнокомандующего на Кавказе генерала А.Ермолова из Моздокской горской команды, казаков Луковской и Екатериноградской станиц, нескольких русских и осетинских селений (переименованных в станицы) был образован Горский казачий полк (в 1870 г. объединен с Моздокским в Горско-Моздокский полк). В большинстве своем в нем и служили казаки станиц Черноярской и Новоосетинской. Осетинские станицы дополнили единую линию терских станиц от Моздока вверх по Тереку, удерживавшую горцев от вторжения в русские пределы.

В 1850 году в двух станицах было 207 дворов, в 1900 году - 533. Кроме этого, при осетинских станицах существовали хутора: при Черноярской - Гокинаева (42 двора) и Савлаева (3 двора).

Став казаками, осетины, благодаря значительной численности, не обрусели (подобно, скажем, кабардинцам), не растворились в общей массе терцев. Несмотря на неоднократные перемещения казачьего населения на Кавказе, они сохранили компактность проживания, при этом оставаясь неотъемлемой частью всего казачества. Когда в 1858 году предполагалось выделить несколько семей из Черноярской и Новоосетинской для поселения на новых местах, Наказной Атаман Кавказского линейного войска распорядился не трогать названные станицы.

В 1912 году Черноярская насчитывала 298 казачьих двора, в них проживало 2028 казаков. Начиная с 90-х годов XIX века, атаманами станицы избирались Степан Цугулиев, Андрей Вариев, Алексей Тускаев, Николай Кукиев, Василий Сосиев, Алексей Адцеев и др.

В станице было училище, попечителем его долгие годы был приказной Алексей Александрович Тускаев. В 1894 году на отведенном для училищного сада месте он посадил 100 деревьев,

Черноярцы на фронте. 1915 г.

приобретенных на свои средства. Учителем в училище работал Владимир Кургосов. Существовало в Черноярской кредитное товарищество, председателем которого был учитель Георгий Иванович Хутиев, а членами учитель Алексей Кургосов, урядники Архип Кибиров, Степан Карданов, Семен Загалов, Матвей Хоруев.

С 1831 года в станице действовал Николаевский храм. В январе 1904 года вдовой войскового старшины Дарьей Валаевой на станичном кладбище был сооружен храм Петра и Павла.

Но, конечно, основным занятием черноярцев была военная служба.

В рядах Терского войска сотни уроженцев Черноярской стали офицерами, многие за боевые отличия получили различные награды. Среди первых черноярцев, ставших офицерами - подполковники Моисей Хоруев, Николай Гокинаев, Егор Гокинаев, войсковые старшины Захар Валаев, Иван Мистулов, Гуржибеков, есаулы Бекмурза Мистулов, Влас Габеев. Первым генералом из казаков-осетин стал уроженец Черноярской Козьма (Гуйман) Занкисов. А всего к концу 1920 года среди черноярцев были два генерала (К.Занкисов и Э.Мистулов), более 20 полковников, 150 офицеров и свыше 60 георгиевских кавалеров. Фактически в каждом дворе Черноярской были офицеры - к 1914 году на службе их находилось больше, чем нижних чинов! По несколько офицеров было Валаевых, Мистуловых, Сеоевых, Сосиевых, Хатаевых, Цугулиевых, Кибировых и др.

Черноярцы неизменно отбирались и для службы в Императорской Конвое. Всего в нем отслужили около 60 черноярцев - Михаил Сеоев, Константин Кукиев, Борис Загалов, Дмитрий Адцеев, Георгий Сеоев, Владимир Сеоев и др. Из числа офицеров в Конвое служил есаул Захар Валаев.

В японской войне черноярцы получили героя, ставшего любимцем всех терских казаков - есаула Эльмурзу Мистулова, награжденного орденом Св. Георгия 4-й степени.

В сентябре 1913 году в Чечне был убит известный абрек Зелимхан. Участвовал в его ликвидации отряд всадников Дагестанского конного полка под командованием поручика Георгия (Асчемура) Кибирова, уроженца Черноярской - кавалера двух солдатских Георгиев за русско-японскую войну. У него были особые счеты с Зелимханом: в 1908 году тот убил его родственника, начальника Веденского округа полковника Василия Галаева.

В годы Первой мировой войны погибло 19 черноярцев, из них 8 офицеров - войсковой старшина Петр Валаев, есаулы Захар Сосиев, Василий Сосиев, Владимир Гапузов и др. Полными георгиевскими кавалерами стали Георгий Дзотцоев и Александр Адцеев. За отличия в боях орденом Св. Георгия 4-й степени были награждены есаул Павел Кибиров и корнет Гена Мистулов. Из рядовых урядников и казаков по два-три Георгиевских креста получили Михаил Сеоев, Павел Мугуев, Кирилл Запов, Тимур Савлаев и др.

Переворот 1917 года черноярцы, среди которых

есаул
Сафрон
Кибиров

есаул Гавриил
Цугулиев

было около 80 офицеров (половина - молодые офицеры военного времени, прапорщики и хорунжие), встретили крайне отрицательно. В станице не было крупных землевладельцев или промышленников, а достатка станичники добивались верной службой. Черноярцы, как и все казаки, защищали свой жизненный уклад, оставаясь верными присяге и выступая за единую Россию.

Многие активно участвовали в Белом движении. Десятки черноярцев погибли в 1918-20 годах, сражаясь с красноармейцами - среди которых тоже были уроженцы Черноярской. Такова трагедия Гражданской войны...

Около 150 черноярцев ушли в эмиграцию - офицеры и рядовые казаки. Некоторые вскоре вернулись на Родину (подъесаул Михаил Сеоев, хорунжий Джимо Малтизов, юнкера Павел и Петр Сосиевы и др.) - и все были репрессированы. В эмиграции казаки превратились в чернорабочих, таксистов, торговцев. Некоторые проявили себя в творчестве: подъесаул Константин Галаев стал музыкантом, подъесаул Николай Сеоев - поэтом...

Советская власть не простила Черноярской активного участия в Белом движении. В 20-е годы были расстреляны явные белогвардейцы, многие пострадали в период коллективизации. Десятки были высланы из станицы,

около 40 человек умерло от голода. В 1930-33 годах было раскулачено 42 семьи, всего же репрессиями подверглись около 300 станичников, включая стариков и детей (20 % населения). Среди них - герои мировой войны, награжденные георгиевскими крестами, бывшие участники Белого Движения и красноармейцы.

Так, 14 марта 1930 года по приговору Тройки ОГПУ Северо-Кавказского края был расстрелян Архип (Хакяса) Кибиров, а Андрей и Петр Кибировы высланы в Северный край. Тогда же были расстреляны бывший подъесаул Владимир Хатаев, Бекир Кибиров, Коста Занкисов (сын генерала), Зиновий Савлаев, Константин Сакаев и др. Со своими семьями были высланы Михаил Сеоев, Павел Вариев, Григорий Гапузов, Бидчеу Белаев, Григорий Хатаев, Иван Хатаев и многие другие. Раскулачены были все владельцы магазинов, мельниц, кирпичных заводов - кто оказался в тюрьме, кто был выслан или бежал. Без хозяев магазины, мельницы, заводы быстро пришли в упадок, и от этого удара станица не оправилась до сих пор.

Репрессированных было бы еще больше, но к этому времени многие семьи успели уехать из станицы. Бывший подъесаул Борис Галаев в Южной Осетии стал видным музыкальным деятелем, а сын инженера Ростислав Валаев - известным писателем на Украине. Другие черноярцы бежали в Среднюю Азию и Закавказье, в Москву и Ленинград. Довершили разорение репрессии конца 30-х годов. Около

урядник Михаил Сеоев с сыном

100 станичников были расстреляны и посланы. Расстреляны были бывший полковник Александр Цугулиев, сотник Владимир Хоруев, Матвей Байтуганов, Михаил Собиев, Кирилл Запов, Андрей Собиев, Константин Малтизов... В лагерь были посланы учитель Георгий Хутиев, Павел Сеоев, Степан Тотоев, Николай Запов, Михаил Гокинаев...

Черноярская захирела, появились целые кварталы с пустыми домами. В 1921 году здесь было 400 дворов, а к 41-му осталось 170. Многие фамилии исчезли вовсе. Даже могилы тех, кем когда-то гордилась станица, были уничтожены.

С полей сражений в 1941-45 гг. не вернулись 168 станичников. Среди них - пять братьев Сеоевых: Николай, Михаил, Борис, Сергей и Владимир - сыновья Георгиевского кавалера, урядника лейб-гвардии Императорского Конвоя Георгия Сеоева. Всего из фамилии Сеоевых погибло 17 человек; 8 - Хозиевых, по 7 - Собиевых, Кургосовых, Тинаевых, 6 - Гокинаевых...

Среди тех, кто отважно защищал Отечество - генерал-майор Михаил Байтуганов, офицеры Григорий Мугуев, Георгий Сеоев, Владимир Сеоев, Илья Хозиев, Григорий Гокинаев, Василий Сеоев и другие. Вышли в советское время из среды черноярцев также народный поэт Осетии Андрей Гулуев, писатель Хаджи-Мурат Мугуев, контр-адмирал Виктор Гокинаев и многие другие офицеры, деятели науки и культуры.

Хотя нет сегодня былого Терского казачества, в уроженцах Черноярской еще чувствуется казачий дух. Пусть в этнографическом смысле казачьего народа нет - но есть он в психологическом смысле: как категория общественного строя, значительное социальное явление, национально-политическая сила и своеобразный духовный мир.

Ф. Киреев

PS: В наши дни осетины весьма охотно оказываются в рядах казачества. Правда, в основной своей массе, к быв-

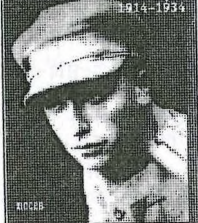
шим казакам-осетинам они не имеют отношение. Конечно, например, и те же черноярцы когда-то не были казаками. Но в те годы люди, переходя в казачье сословие, оказывались в особой казачьей среде, перенимали казачьи традиции, культуру и т.д. Сейчас же в казачество приходят люди, у которых о казаках такое же представление как, например, о скифах, аланах... Эти люди не перенимают казачьи традиции (их уже и перенимать то не от кого), а возрождают казачество по своему усмотрению, не на что не опираясь.

Потомков тех, бывших героев, увы, почти не осталось. Даже сами осетины порой удивленно спрашивают: неужели есть такие осетинские фамилии - Цугулиевы, Гульдиевы, Сеоевы, Белаевы?.. Все это следствие борьбы советской власти с казачеством, от которой казаки-осетины очень сильно пострадали, фактически - были уничтожены...

Казаки - осетины во Франции, 1950-е годы

Александр Трушнович
**ВОСПОМИНАНИЯ
КОРНИЛОВЦА**
1914-1934

"Воспоминания корниловца. 1914-1934 гг."

В серии "Страницы российского сопротивления" издательством "Посев" выпущены воспоминания Александра Рудольфовича Трушновича - бывшего офицера Сербской добровольческой дивизии Русской Армии, затем Корниловского полка. Оставшись после поражения белых на Кубани, работал врачом. В 1934 году ему удалось вернуться на родину, где он публикует свои российские впечатления. Самые яркие страницы книги - это страшный рассказ о том, как советская власть разоряла Кубань, уничтожала казачество, его культуру и веру, как был организован искусственный голод, унесший жизни сотен тысяч человек...

В Югославии А. Трушнович становится одним из руководителей НТС. Осенью 1944 года он - майор РОА. После окончания 2-й Мировой войны - председатель Комитета помощи русским беженцам. В 1954 году в Западном Берлине похищен и убит советскими агентами.

Заказать книгу можно в издательстве по адресу - Москва, 127051, ул. Петровка, 26, стр. 2, к. 96; тел\факс (095) 925 9248; E-mail: posevru@online.ru.

Юдзятуньский кавалерийский бой

По маньчжурским полям
Шли сибирцы всем полком.
В день семнадцатого мая
Повстречались с врагом.
Дружно в бой летят кровавый

Удалые казаки,
Доказать врагу на деле
Русски пики и клинки.
Развилось наше знамя
В Вафангоу под горой,
Прояснился путь кровавый
Перед славой удалой.
Ты дождался, меч булагный,
Боевой нашей руки,
Дождались тут славы ратной
И сибирски казаки.

С ними славный был начальник,
Их Самсонов генерал,
Задержать врагов японцев
Он двум сотням приказал.
Казаки перекрестились,
Закипела кровь в сердцах,
В бой геройски устремились,
За Царя, врагам на страх

В примечании к этому тексту составители сборника народных песен Сибирского казачьего войска (1916 г.) пишут: "Вафангоуское дело 17 мая 1904 года" (все даты - по старому стилю).

История русско-японской войны знает сражение при Вафангоу 1-2 июня. Но дошедшие до нас немногочисленные песни сибирских казаков отличаются необычайной точностью в описании событий, происходивших 100-150 лет назад. Что же за "дело" было 17 мая "на сопках Маньчжурии"?

Большинство современных авторов умалчивают об участии кавалерии в той полузабытой войне. Она была неудачной для России, и память о ней "за давностью лет" основательно потеснена последующими сражениями. Морская ее составляющая, благодаря "Варягу" и Цусиме, еще на слуху, а наземная кампания была гораздо менее яркой...

Из всех родов сухопутных войск самая незначительная роль выпала кавалерии. Не было традиционных глубоких рейдов в тыл противника (кроме набегов Мищенко на Инкоу и Гилленшидта на Хайчен весьма скромных результатов). Не отличились наши эскадроны и сотни в части разведки, во фланговых обходах и охватах на поле сражения. Наконец, не произошло ни одного по-настоящему крупного чисто кавалерийского боя, в котором действовали бы с обеих сторон большие массы конницы.

Тому есть несколько причин. Из-за скверной подготовки к войне наша конница осталась без вьючного обоза. Постоянное перемещение частей, смена командиров нарушали сложившиеся связи - в итоге начальники зачастую просто не умели должным образом распорядиться имевшейся кавалерией. К тому же действия последней затруднялись сильно пересеченной местностью. Сыграл свою роль и значительно возросший огневой потенциал пехоты: магазинное оружие в сочетании с шанцевым инструментом сделали немислимыми массовые кавалерийские атаки на нее.

И все же русская кавалерия сумела сделать много больше, чем японская (которая, по меткому выражению Ф. Гершельмана, "непрестанно болталась между ног своей пехоты", не рискуя вязаться в собственно кавалерийский бой). Когда нашей кавалерии представлялась возможность атаковать оторвавшуюся от пеших частей японскую конницу, участь последней была, как правило, незавидна. Но подобные провалы со стороны японцев можно пересчитать по пальцам. Следствием одного из них и является Вафангоуское - а, точнее, Юдзятуньское - дело, память о котором сохранила народная песня. Тогда две сотни 8-го Сибирского казачьего полка вступили в бой с эскадром японского 13-го кавалерийского полка.

Укомплектованный уроженцами станиц и поселков 2-го военного отдела СКВ (станция Новорыбинская, Вознесенская, Архангельская, Петропавловская, Медвежинская, Конюховская, Николаевская, Омская, Атаманская, Ачаирская и Черлакская с причисленными к ним казачь-

ими поселками), 8-й полк вместе со второочередными 4-м и 5-м и третьоочередным 7-м полками составлял Сибирскую казачью дивизию.

Через три недели после объявления мобилизации, к 20 февраля дивизия сосредоточилась на сборных пунктах. Началось полторамесячное ожидание отправки: сказались недостатки военного управления. Нач. штаба дивизии полковник Г.А. Данилов писал в дневнике: "Ожидание положительно тягостно; ...томятся и сами казаки. Они все на сборных пунктах и, конечно, не одни: с ними их родные, жены и дети. Многие приехали в Омск издалека. Унылые лица казачек, часто с грудными детьми и малыми ребятами, наверное, не веселят казаков, идущих в поход. Долгие проводы - лишние слезы, говорят пословица, а тут, надо сказать, эти дни ожиданий разлуки всю душу истерзают".

Лишь 9 апреля 5-й и 8-й полки со штабом дивизии погрузились в вагоны. Командовал дивизией

старейший в СКВ строевой генерал-лейтенант Н.А. Симонов - сподвижник М.Д. Скобелева. Казаков напутствовали Войсковой наказной атаман генерал Н.Н. Сухотин.

Прибыв через 10 дней на станцию Иннокентьевская вблизи Иркутска, дивизия уперлась в "мертвую точку" Транссиба: постройка Кругобайкальской железной дороги еще не завершилась, переправа через Байкал по слабому льду не представлялась возможной.

Пока по подтаившему снегу дивизия шла в обход Байкала, русская армия потерпела первое серьезное поражение: 18 апреля у Тюренчена неприятель, форсировав реку Ялу, разгромил Восточный отряд генерала Засулича и вторгся в Маньчжурию. Несколькими днями позже армия генерала Оку начала высадку на восточном побережье Ляодунского полуострова, перерезав сообщение с Порт-Артуром. Передовые части японцев двигались на север, разрушая железнодорожные пути и телеграфные линии.

Обойдя Байкал, казаки двинулись дальше по железной дороге лишь 2 мая. На "топганье" вокруг озера, названное полковником Даниловым "безумием, позором и преступлением, вместе взятыми", было потеряно 12 дней. В Ляояне - центре сосредоточения Маньчжурской армии - 5-й и 8-й полки, шедшие в голове дивизии, собрались лишь к 9 мая.

К тому моменту генерал-адъютант Алексеев, командовавший сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке, решает оказать помощь блокированному Порт-Артуру силами Южного авангарда генерал-лейтенанта Штапельберга. На его усиление 10 мая в направлении Кайджоу и выдвинули под начальством генерал-майора Чирикова 2-ю Сибирскую казачью бригаду в составе 5-го и 8-го полков.

Во главе полков стояли войсковые старшины Путинцев и Алексеев. "Лица казаков были серьезны, но какое-то особенно вдумчивое, славное выражение их, искренняя молитва, торжественная тишина наполняли душу какой-то глубокой верой в этих дорогах людей, каким-то ясным сознанием, что они непоколебимо исполнят свой долг, ниспосланный Богом", - писал Г.А. Данилов.

В Кайджоу 8-й полк был включен в состав сводной кавалерийской бригады Южного авангарда под началом генерал-майора А.В. Самсонова (впоследствии принявшего командование Сибирской казачьей дивизией). Получив приказ выдвинуться к югу и очистить линию железной дороги на Порт-Артур, отряд Самсонова 15 мая выступил из Кайджоу и вечером того же дня собрался в Сюенечене. В него, кроме 8-го Сибирского казачьего полка, входили пять эскадронов Приморского драгунского полка, 48-я сотня по-

граничной стражи, конно-охотничья команда 13-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и 2-я Забайкальская казачья батарея. Состояние духа чинов бригады было превосходное, конский состав находился в полном порядке.

Между тем генерал Оку направил от станции Пуланьдянь к северу свою кавалерийскую бригаду, состоящую из 13-го и 14-го полков, двух пулеметных отделений (по четыре пулемета в каждом) и двух рот пехоты. Двигаясь навстречу друг другу вдоль линии железной дороги, русские и японские части вошли в соприкосновение утром 17 мая у деревни Юдзятунь, к югу от станции Вафангоу.

Высланные вперед квартирмейстеры 8-го Сибирского казачьего полка обнаружили, что в самой деревне уже завязался бой между частями русской пограничной стражи и японской кавалерией, усиленной пехотой и пулеметами. В дневнике полковника Данилова читаем: *"Местность оценена была японцами отлично: здесь среди долины, где проходит полотно железной дороги, находится открытая площадка, которая сперва поднимается с юга на север почти незаметно, а затем вдруг обрывается отвесной скалой в 4-6 саженей высоты; сюда отступили наши квартирмейстеры под натиском японского эскадрона; таким образом, нашим квартирмейстерам 8-го Сиб. Каз. полка с сотником Косиновым и пограничной страже (конного полка бригады генерала Самсонова) деваться было некуда; им грозила неминуемая гибель в неравной борьбе"*.

Получив известие об отчаянном положении квартирмейстеров и пограничников, генерал Самсонов отрядил им в помощь сибирцев. К Юдзятуню "на больших рысях" отправились 4-я и 6-я сотни под командованием войскового старшины Н.В.Желтухина.

Стремительно двигаясь вдоль полотна железной дороги, казак встретил дрезину с группой пограничников, в очередной раз посланных за помощью. Казаки перешли на галоп. Этот драматический эпизод красочно описал военный корреспондент Юлий Елец в стихотворении "Атака":

...Вот поравнялись: "Сотни, стой!"
 "Что там случилось?" - "Цельм скопом
 Японцы за восьмой верстой
 Совсем неожиданно навалились,
 И пограничникам невмочь -
 Скорее надо им помочь.
 Они за рощицей укрылись".
 - "Трубач где?" Полевой галоп,
 Начальник крикнул: "Марш за мной".
 Раздался ног тяжелый топ.
 "Японцы!!!", пронеслось волной
 По сотням. "Братцы, дождались!" -
 Воскликнул бравый есаул.
 Ему ответил общий гул -
 Почти карьером все неслись...

Казаки, истомленные трехмесячным ожиданием, рвались в бой. Скрываемые насыпью железной дороги, они подошли вплотную к плато, где японцы уже готовы были истребить наших квартирмейстеров: на них развернутым строем, сверкая обнаженными саблями, несся в полном составе 2-й эскадрон 13-го полка. Следом поспевали два других эскадрона. До крутого обрыва в пять саженей высотой, которым оканчивалось плато, оставалось не более 300 шагов. Малейшее промедление - и русские солдаты были бы изрублены.

Перейдя в развернутом строю насыпь, 4-я сотня подесаула Долженко опустила пики и стремительно ударила во фланг японцев. Почти одновременно 6-я сотня ротмистра 55-го драгунского Финляндского полка Смирнова вынеслась из-под железнодорожного моста во фронт врагу, взяв пики к атаке и разворачиваясь на карьере в лаву.

Появление казаков стало неожиданностью для японских кавалеристов, не имевших еще опыта столкновений с русской конницей в открытом бою и в азарте преследования оторвавшихся от своей пехоты. "Дело", как свидетельствуют очевидцы, длилось не более нескольких минут, закончившись истреблением значительной части японского эскадрона. Казаки потеряли убитыми двух человек, а 11 раненых пострадала главным образом от огнестрельного оружия.

Видя, что во фронт сотням идут еще два неприятельских эскадрона, поддерживаемые огнем пехоты и пулеметов со стороны Юдзятуня, Желтухин скоординировал сбор. Сотни, подобрав трофеи (было взято 19 коней, из которых одного с полным снаряжением послали в подарок командующему

Маньчжурской армией генерал-адъютанту А.Н.Куропаткину - почетному казаку СКВ), вышли из-под огня.

Успех казакам в значительной мере обеспечили пики, против которых вооруженные саблями японцы оказались беспомощны. Описывая этот бой, В.И.Немирович-Данченко отмечал, что казак, случалось, с маху пробивал пики всадника и ранил лошадь, а несколько пик пришлось оставить на поле боя за невозможностью их выдернуть. *"Японцы назвали действие так ужасным и даже жаловались, что "уговора биться на них не было"*.

Если верить победным репортажам по горячим следам, японский эскадрон был переколот почти полностью, лишь несколько всадникам удалось спастись. Считая состав эскадрона по принадлежности к нему 130 коней, потери его в этом случае - не менее чем 100 человек. О сокрушительном ударе казаков писали и иностранные исследователи, ссылаясь на неназванные свидетельства самих японцев. С другой стороны, по более поздним русским данным (опять-таки со ссылкой на неназванные японские источники), за период с 17 по 21 мая японцы потеряли 4 офицеров и 53 нижних чина ранеными, одного офицера и 26 нижних чинов убитыми.

В опубликованных на русском языке японских донесениях сведений о деле под Юдзятунем нет, зато имеется сообщение о происшедшем в этот день "бое у Ликтунга". Его описание почти полностью соответствует обстоятельствам Юдзятуньского разгрома - здесь говорится об одном убитом офицере и 25 нижних чинах, а также о раненых 4 офицерах и 33 нижних чинах.

В любом случае урон, нанесенный японцам, следует признать весьма значительным.

Не отражен в источниках и факт гибели командира японского эскадрона (по утверждению В.И.Немировича-Данченко, им был майор Танака, до войны командовавший ротой в Петербурге). В бою он якобы ругался по-русски и кричал: *"Русские, уберите ваши оглобли!"* (пики). *Подлетевший казак крикнул: "Держись, ваше благородие!" - и смахнул ему шашкой голову*". Согласно "Иллюстрированной летописи русско-японской войны", некоего японского майора при вышеописанных обстоятельствах убил корнет Рибасов - еще утром, во время преследования японцами небольшой группы наших пограничников. Согласно японским донесениям, единственным погибшим офицером в "бою у Ликтунга" числится подпоручик Номуна.

Даже если красочные подробности из очерка В.И.Немировича-Данченко в "Русском слове" относятся к области поэтических преувеличений (например, что некоторые японские офицеры, убегая, для быстроты снимали сапоги!) - это ничуть не умаляет заслуги казаков, проводивших бой по всем правилам кавалерийского искусства.

Иностранные аналитики, которых трудно заподозрить в симпатиях к русским, признавали, что *"атака сотен войскового старшины Желтухина была выполнена весьма лихо и искусно, являясь, во всяком случае, блестящей страницей истории 8-го Сибирского казачьего полка"*.

Пятеро героев Юдзятуня, награжденные знаками отличия военного ордена Св.Георгия IV степени, стали первыми георгиевскими кавалерами Сибирской казачьей дивизии. На депеше А.Н.Куропаткина Император лично начертал: *"Лихое дело"*, а газеты разнесли весть об успехе сибирцев по всему миру. Атака казаков вдохновила не только народных авторов и Ю.Ельца, чьи стихи приведены выше - восторженные отзывы опубликовали иностранные военные корреспонденты, которых в начале войны хватало в Маньчжурской армии. На страницах русских и зарубежных изданий появились многочисленные рисунки, запечатлевшие схватку. Уже по окончании войны, в 1907 году, баталист В.В.Мазуровский создал композицию, изображающую Юдзятуньский бой (ныне в фондах Русского музея в Санкт-Петербурге).

Вероятно, именно поражение в этой схватке с казаками во многом предопределило принятие японской кавалерией упомянутой выше тактики действий против русской конницы - не иначе как "болтаясь между ног" своей пехоты. И в результате казакам так больше и не представилось случая продемонстрировать свое превосходство в открытом бою...

А. Белокрыс ("Московский журнал")

войскового старшина
Н.В. Желтухин

“За Вѣру, Родину, Яикъ и Свободу”

Девиз наградного креста Св. Архангела Михаила, учредженного Яицким казачьим войском в 1918 году, ясно обозначал цель, за которую сражались казаки!

Посетив в конце 20-х годов земли Уральского войска, “советский граф” А.Н. Толстой удивлялся, как самоотверженно защищали казаки свои хутора и станицы в недавней гражданской войне. Трудно было понять ему характер народа, веками живущего на родной земле и не желавшего принимать навязываемые извне перемены.

Лишь к середине XIX века установилось здесь относительно спокойствие. Постепенно сошли на нет столкновения с киргиз-кайсаками, прикочевавшими на Яик в начале XVIII столетия. Почти забылось стремление “тряхнуть Москвой” и восстановить былые вольности и “древнее благочестие”.

Все больше казаков начинали заниматься земледелием и скотоводством. В Уральском, верхнем отделе, граничившим с Оренбургскими и Самарскими землями, возник целый ряд хуторов (Лебедев, Чеботарёв, Пылаев, Тамбовцев, Овчинников), названных по фамилиям основателей. Перед мировой войной уже 88 % казачьих семей здесь занимались земледелием - хотя еще в 1864 году таковых было около 30 %.

Войсковая земля занимала 6 465 402 кв. десятины, но возделывалось менее трети - всего 1 954 686 десятины; остальные земли были мало пригодны для ведения хозяйства. Сеяли в основном пшеницу твердых сортов: ржаной хлеб казаки не пекли. В 1890 году каждому казаку под посев зерновых отводилось 20 десятин, а за небольшую дополнительную плату разрешалось возделывать 300-350 десятин пашни. В среднем с одной десятины собиралось 40-50 пудов зерна.

По берегам степных речек высаживались фруктовые сады. Со временем они стали источником немалого дохода: уральские яблоки отправлялись в крупные российские города и даже за границу (где в 1900 году, на Парижской Всемирной выставке, удостоились золотой медали). Каждому казачьему семейству под разведение сада отводилось 5 десятин - сады цвели буквально повсюду. Широкое распространение получили бахчеводство и огородничество - в основном выращивались тыквы, арбузы и дыни.

При том все природные угодья - земля, воды, леса - состояли в общем нераздельном пользовании. В.Г. Короленко, посетив Урал в 1900 году, писал: *“Вся эта земля не знает ни частной собственности, ни даже русских общинных переделов. Все её обитатели, как одна семья, каждый член которой имеет право на родной клочок этой земли, растянувшейся от края до края горизонта, неделимой, нежеванной, и никем не захваченной в личное владение”*. Ни офицеры, ни чиновники, ни казаки-дворяне не имели земли в частной собственности - пример единственный даже среди казачьих войск.

Благополучие казаков, имеющих примерно одинаковое имущественное положение и условия хозяйствования, было много выше, чем крестьян соседних губерний. Бедных практически не было - попавшим в затруднительное положение из войскового или станичного капитала выделялась помощь, зачастую безвозмездная. Также редко среди казаков встречались сверхбогачи - миллионщики. Но даже и самые богатые казаки не гнушались черной работы - выходили на покос, на жнивьё, ухаживали за скотиной.

На хуторе Лебедев перед революцией жили Лебедевы, Кузнецовы и Зевакины. Самой богатой считалась семья Лебедевых, засевавшая до 400 десятин пашни и оставлявшая в зиму до 1000 голов скота. Для создания запасов фуража они нанимали в сеносок до сотни конюхов из соседних губерний. Гордостью хутора был сад в 2500 яблонь. Семья Кузнецовых в 1913 году приобрела трактор.

К слову, один из первых тракторов, ввезенных в Россию, еще в 1900 году купил казак-уралец. Казаки в хозяйстве не чурались нового - к 1917 году практически на каждом хуторе были механические сенокосы, лобогрейки, локомобили, а хуторянин Ананий Елистратович Чапурин за 30 тысяч рублей приобрел заграничный легковой автомобиль (который в 1914 году сдал на нужды войны).

Заметим, кстати: лишь в 60-х годах XX века площади, отданные под посев зерновых, достигли уровня 1914 года - хотя в сельское хозяйство СССР вливались громадные средства! В совхозах и колхозах не было ни равенства, ни действительного товарищества - качеств, про которые в свое время известный русский этнограф П. Небольсин говорил,

что нигде они не выражаются *“так рельефно и в таких почетных размерах, как в Земле Уральского казачьего войска”*.

Безбедно и размеренно текла жизнь Войска. Ощущалась здесь “допетровская Русь” - слагая двоеперстие, клал казаки крестное знамение, бритье бороды и курение считали грехами страшными. Постепенно подстраивались они к новым веяниям. И текла бы такая жизнь, и лелеяли бы казаки свой Яик Горыныч - но грянул страшный 17-й год.

Отречение Императора Войско приняло относительно спокойно. Во многие хутора, особенно отдаленные, эта весть дошла с опозданием. 5 марта, когда “Уральские войсковые ведомости” напечатали манифест об отречении Николая II и отказное письмо Великого Князя Михаила, в городе начались митинги рабочих, солдат и учащейся молодежи. На местном политическом горизонте стали появляться силы, ранее неизвестные, выражавшие интересы рабочих, ремесленников, крестьян-переселенцев, киргизов, татар, солдат Уральского гарнизона.

Казаки отнеслись к происходящему настороженно: в городе и ряде станиц Уральского отдела, где был значительный процент иногороднего населения, зазвучали призывы ликвидации “привилегий” казачества и передела земли, началось создание так называемых Советов.

С 20 по 29 марта в Уральске Войсковой съезд выборных избрал Войскового атамана, вернул Войску имя Яицкое, а городу - Яицк; газета стала называться “Яицкая Воля”, а все вопросы внутренней жизни поручены были Войсковому правлению. При этом Уральское казачество осталось лояльным Временному правительству, продолжая формировать части для отправки на фронт.

12 апреля на молебне по поводу отъезда очередной партии воинов из войскового собора Михаила Архангела были вынесены древние хоругви, уходящие сотни благословили и окропили святой водой - и вместе с тем над казачьими сотнями реяли красные знамена с надписью: *“Казаки-уральцы в окопы за свободу”*, звучали революционные песни.

Продолжался и сбор средств для победы. Так, около 300 казаков и офицеров 8-го казачьего полка сдали на нужды войска 81 Георгиевский крест, 68 серебряных медалей, портсигары, кольца, золотые и серебряные монеты, 1047 рублей наличными. *“Соберите все силы, сосредоточьте все помыслы и заботы на армии и её последней борьбе”* - призывала “Яицкая Воля”.

Войско напрягло все силы, областной продовольственный комитет вынужден был объявить об ограничении норм потребления хлебопродуктов. С ростом трудностей поднимали голову и деструктивные элементы - съезды различных депутатов создавали пустые комиссии и комитеты, чьи демагогические и “бескомпромиссные” призывы дестабилизировали обстановку в крае.

Известие об Октябрьском перевороте казаки Яика встретили отрицательно. Уже 28 октября экстренно созванный Войсковой съезд заявил о непризнании *“большевицкой власти, опирающейся на насилие и народную темноту, считая тяжким преступлением игру судьбами армии, Родины и революции у самого порога Учредительного собрания”*.

Войсковое правительство объявило мобилизацию казаков, для поддержания порядка в городе из учащейся молодежи была создана боевая дружина. Но эти решения в штыки встретил местный Совет, спровоцировав недельные беспорядки в столице Войска.

Очевидец писал: *“Я не знаю и не берусь судить, кто теперь власть в городе: Войсковое ли правительство, Советы ли РК депутатов, но я вижу, что никто не желает принять мер к предотвращению тех безобразий, которые буквально творятся на каждом шагу”*. Были частично разграблены винные склады, несколько лавок и магазинов, убито 5 человек.

Чтобы справиться с беспорядками, оружие было роздано старикам-“Горынычам”, на улицы, по решению Войскового и полкового комитетов, вышли патрули казаков и солдат местного гарнизона. Но местный совет рабочих и крестьянских депутатов расценил эти действия как военный переворот, забросав телеграммами Саратовский и Оренбургский ревкомы с просьбой немедленной помощи. В начале января 1918 года со стороны Саратова на территорию Войска были

введены первые красногвардейские части.

10 марта председатель Оренбургского ревкома Самуил Цвиллинг выдвинул казакам от "имени Российской социалистической республики" ультиматум - в течение двух суток признать Советскую власть, сдать оружие и распустить военные формирования. В случае отказа - "ни один юнкер или офицер не останется в живых". В тот же день, не дожидаясь ответа на свои требования, в Илекскую, самую восточную станицу Войска, вошел отряд красных числом в 580 человек при 12 пулеметах и оружием для раздачи иногороднему населению.

Коммиссар отряда Ходаков потребовал немедленно признать Советскую власть. Подавляющее большинство казаков ответило отказом, и начались аресты, обыски в домах, конфискации коней. Был объявлен запрет покидать станицу, выходить по вечерам на улицу, с казаков срывали кокарды и погоны, на станицу наложили контрибуцию в размере 3 миллионов рублей.

Аресты и обыски все больше походили на открытый грабеж, без суда был расстрелян прапорщик Юдкин.

13 марта казаков согнали на сход, потребовав признать Советы. Когда станичники стали расходиться по домам, красноармейцы открыли огонь из пулемета. Чаша терпения переполнилась, и в ночь на 14 марта казаки уничтожили отряд агрессоров. В бою участвовали и женщины, вооруженные вилами, топорами и пешнями. Удалось спастись только 80-ти красноармейцам, да из плененных были отпущены доктор, фельдшер и две сестры милосердия.

"Яицкая Воля" писала: "Мы все время желали мирного исхода, но Уральское войско готово скорее быть уничтожено, чем отдать себя в руки грабителям, готово биться за свою самобытность до последней возможности и отнять у нас эту самобытность можно, лишь утопив её в потоках крови".

Идеологические штампы советского прошлого рисовали защитников "белой идеи" злодеями, тормозящими общественный прогресс. "Солитер русского народа", "многоголовый паразит", "скорпионы и пиявки" - так 70 лет именовали они казачество. Только в последнее время приоткрылась правда о геноциде казачьего народа...

Почти два года бились уральцы с превосходящим по численности и лучше вооруженным врагом, практически в окружении - связь с центральным командованием поддерживалась нерегулярно. Однако красным так и не удалось нанести уральцам ни одного серьезного поражения. Да, на территорию Войска в итоге пришла Советская власть - но произошло это не из-за разгрома казачьих полков, а из-за малочисленности последних, из-за свирепых эпидемий тифа и холеры. Далеко от России хранится Войсковое знамя и знамена большинства полков - казаки спасли их, покинув Родину с последним атаманом В.С.Толстовым.

Казаки не смирились с поражением - то тут, то там появлялись летучие отряды, уничтожавшие коммунистов и активистов поселковых Советов (как правило, иногородних). Советские историки называли это вылазками мелких банд - но отряды Катукова, Пятакова, Серова насчитывали от 700 до 2000 сабель. Повстанцы подходили к Уральску и Гурьеву, штурмовали такие крупные станицы, как Калмыков и Бударин, Январцев и Рубёжинскую. За оружие брались и женщины: много хлопот новой власти доставил отряд "атамана Маруси" - казачки Марии Пальговой.

По официальным данным, в феврале 1921 года в Приуралье действовало 5020 повстанцев, к лету их число возросло до 10200 человек. Они разгромили 45 % волостных советов, три райпродкома и все совхозы губернии. Новая власть бросила против восставших 27-ю, 48-ю и 50-ю стрелковые дивизии, кавалерийскую бригаду, автоброневой отряд, войска ЧОНа и ВЧК, подавив массовое сопротивление к концу 1922 года.

Война, красный террор, жестокий голод и болезни буквально опустошили земли Войска. Член казачьего отдела ВЦИК И.Ружейников писал: "Уральская область буквально разорена, больше того превращена в пустыню. Остаток в живых в отдельных населённых пунктах 10-30 %, почти исключительно женщин и детей". Один из творцов "новой жизни", командарм 4-й армии Уральского фронта, при-

Группа уральцев на Германской войне. Слева на изготовке "с колена" Игнатий Белкин. Затем он сражался с красными в составе Уральской отдельной казачьей армии, погиб в бою.

знавал, что имеют место "грабежи и насилия красноармейцев при занятии населённых пунктов над жителями".

"Народная власть" беспощадно заливала кровью хутора и станицы. Красные насильно вели женщин и подростков, расстреливали и рубили шашками священников и стариков; уничтожались и попавшие в плен, и добровольно перешедшие на сторону большевиков (как в хуторе Ляшевом, где было зарублено 20 человек). В Соболеве и Таловке казаки пытались защитить своих жен и дочерей от насилия, и тоже попали под шашки озверевших красноармейцев. Советская власть, придя в Уральск, сразу арестовала более 600 человек. В городе были созданы фильтрационные пункты - не прообраз ли это фашистских концлагерей? Чуть позже было расстреляно более 800 человек, обвинённых в антисоветском заговоре...

Известно имя бывшей уральской гимназистки Розы Бух - без суда расстреливала она казаков на льду Урала, сбрасывая трупы в прорубь. Начальник политотдела, член РВС Южного фронта И.Ходорковский подписал инструкцию - расстреливать всех офицеров и рядовых казаков, занимавших когда-нибудь должности по выбору или по назначению (станичные агаманы, судьи, депутаты Войскового съезда). Уральский Ревком принял и распространил "для руководства Советов" "Инструкцию о заложниках и перебежчиках", пронизанную духом ненависти к казакам и безразличию к человеческой жизни.

Когда в январе 1920 года остатки Уральской армии были вынуждены покинуть войсковые земли, вместе с ней ушли женщины, старики и дети. Стояли сильные морозы, в безводной степи рыскали шайки киргизов, вооруженных советами. Из 15 тысяч ушедших до Форта-Александровска добралась лишь четвертая часть. "В ужасном состоянии: обмороженные поголовно, многие уже полутрупы, с мертвыми или уже отваливающимися конечностями" - писал один из участников страшного похода.

Раньше часто звучала песня "Каждый четвёртый" - о трагедии Белоруссии, потерявшей четверть населения в годы 2-й мировой войны. Уральские же казаки потеряли до 75 % только в годы Великой смуты - а впереди их ждали еще истинный голод, сталинские репрессии, новая война...

Памятники красным карателям есть практически в любом населённом пункте России, их именами названы улицы, поселки, города. На землях Соболевской и Красновской станиц (ныне - Первомайский район Оренбургской области) к концу 70-х годов XX века исчезло 28 казачьих хуторов. Еще хуже положение на землях, попавших под юрисдикцию Казахстана: с обретением последним так называемой "независимости" казачьи хутора усиленно заселяются казаками - выходцами из южных регионов республики. Столица Войска - Уральск - ныне областной центр искусственно созданного государства, у властей которого само слово "казак" вызывает неприязнь.

Малая часть войсковой территории - ныне на юго-западе Оренбургской области, где некогда шли ожесточенные бои с интервентами. Но лишь небольшой памятный крест в Илеке, сооруженный в 2003 году, напоминает о трагедии.

А ведь именно здесь, в станице Красной, произошло одно из самых страшных преступлений советской власти. В конце октября 1918 года, перед тем, как отряд Чапаевцев был выбит из поселка, 34 казака были заживо сожжены на громадном костре. Среди них - мой прадед, Павел Ермилович Зевакин. Когда я пытался узнать фамилии остальных казенных, выяснилось, что примерно в районе хутора Озерный было так же живьем сожжено еще 17 казаков - причём Семен Лаврентьевич Курносин с хутора Теплый был сожжен вместе с сыном-подростком.

Работа по установлению жертв преступлений продолжается. Хочется верить - откликнутся потомки других павших казаков, все, кому дорога история своего народа. Общими усилиями должны мы установить всех жертв страшной расправы - и возвести в станице Красной часовню в память трагедии Уральского казачества!..

Е. Чеботарев

Вешенские казаки о рассказывании

Прежде утверждалось, что казаки в целом положительно отнеслись к политике и деятельности коммунистов на Дону. Издавался "казачий" фольклор о революции, гражданской войне, коллективизации, красном казачестве - сказки, пословицы, поговорки, восхвалявшие политику большевиков, героев гражданской войны, победы Красной Армии. Они клеймили Белое движение, представляя казаков, борющихся против Советской власти, в негативном свете.

И ни в одном сборнике, изданном в СССР, не печатался фольклор, созданный пережившими трагедию рассказывания. Носители его, боясь репрессий, лишь в узком кругу передавали свои предания, легенды, сказки. Этот пласт неофициального фольклора, помимо уже известных жанров, приобрел за 80 лет и другие, признанные теперь традиционными. Особенно это касается устной прозы.

Среди собранных у жителей Шолоховского района примеров народного фольклора о рассказывании этот жанр - наиболее встречаемый. Носители его - и старики, на себе испытывавшие красный террор, и их дети и внуки, что свидетельствует о жизненности исторической памяти казачества. При этом в одном рассказе нередко органически переплетаются разные события - 1-я мировая, революция, Гражданская война, Верхне-Донское восстание, "саботаж"... Промежуток между ними был небольшим, и постепенно временные границы в рассказе стирались.

В.М.Захаров, житель станицы Вешенской, рассказал:

"В 1919 году все казаки у нас поднялись. На хуторах и мужики не оставалось. А если кто хотел "отсидеться", то их женщины сами вылами на коня сажали..."

Во время "саботажа" в хуторе Захаровском сажали и расстреливали очень многих жителей. Например, посадили одного из братьев Щетниковых. За что - неизвестно. Саботаж выражался в том, что представители Советской власти, в ответ на восстание, ходили и забирали у хуторян последнее.

Слышал я о таком случае. Отцова сестра двоюродная жила очень бедно, чем Бог пошлет. Взяла она однажды тыквенку, положила за пазуху. Комсорг ее дознал и отобрал тыкву, а была та чуть больше кулака. Отцовой сестре стало плохо, инфаркт её "взял". Упала она замертво на землю с протянутой рукой, как милостыню у хутора просила. За что пострадала от новой власти, которая отбирала последнее?... Да и сколько ещё таких судеб..."

Т.А.Мелехина с х. Захаровского вспоминает:

"Многие казаки, особенно позазиточнее, середняки были выселены из хутора вместе со своими семьями, а их дома разобраны и вывезены. Пустыми оставались поместья и левады. На этих местах уже никто не селился. Это время прочно вошло под названием "саботаж".

Жительница х. Антиповского Ермакова Валентина Ивановна, 1929 г.р., рассказала о бесчинствах коммунистов:

"Есть у нас в хуторе Веселый бугор, на нем испокон веку народные гулянья, скачки проводили. Вот именно на нем и побили всех белоохранителей красные. Пришли к нам во двор красные и говорят моему дяде:

- Иди, сваливая белых в ямы!

- Не пойду! Сами себя закапываем! - ответил он"

Рассказ И.Д.Фомина, жителя ст. Базковской - внука Якова Фомина, организатора "банды":

"Банда моего деда начала усиливаться, наводила ужас на представителей власти Советов и сочувствующих ей казаков, местные власти в станице Вешенской забеспокоились..."

Решил, что его жена Настя что-либо знает, её привезли в Вешенскую. Допрашивали... Затем утопили в проруби в Мигулянке... Существует много версии её гибели. По одной из них - ее вели ни расстрел в лес по льду залива, но по какому-то причинам утопили. Было ей тогда чуть больше 30 лет - девичий возраст. Возможно, что взяли её как заложницу, надеясь утихомирить Якова Ефимовича.

Но что могла она знать... Убивших её это волновало мало..."
А.С.Кулинов, житель Вешенской, дополняет этот рассказ слышанным от бабки:

"Её пытали, изнасиловали и, отрезав груди, спустили в прорубь в заливе Мигулянка, надеясь на то, что вода унесет тело. Но оно примерзло ко льду. Утром, когда женщины пошли за водой, они её и обнаружили".

Интерес представляют и коллективные рассказы Захарова Виталия Михайловича и Гурова Степана Федоровича - жителей х. Севостьяновского, подвергшихся рассказыванию:

"Панкратов Василий Никифорович был ковочным инструктором в Атаманском училище в Новочеркасске, учил юнкеров обращению с лошадей. В 20-х годах вместе с Багаевским в Болгарии умирал болгарское восстание. В 1924 году, после смерти Ленина, вернулся домой. До 1928 года жил тихо и мирно. Потом его забрали, дали 7 лет. Отбыл их, пришла пора уезжать. Начальник лагеря говорит:

- Ты бы остался! Завхозом будешь, комнату дадим, женишься. Вернешься домой, все равно жить не дадут, по лагерям затаскают.

Отказался, сославшись на то, что за поездку в Болгарию свое отбыл. Приехал домой. Прошло 6 месяцев мирного житья на воле, и забрали по второму заходу, уже на 10 лет. Уцелел за счет того, что работал поваром в лагере. Когда в лагере стали выкрикивать по профессиям и дошли до повара, попросив сделать шаг вперед, Панкратов сделал десять. Хуторяне, которые были с ним в одном лагере, шумят:

*- Василий, какой же ты повар? Ты и готовить-то не умеешь!
- Свиным наводил и вам сварю!*

После отбытия нового срока Василий Никифорович вернулся в родной хутор, к жене. Стал обзаводиться хозяйством. К уже имевшейся корове прикупил ещё одну, гурт овец. Набирал по берегу реки репьев, лопухов, бурьянов, пересыпал солью на зиму, тем кормил скотину, отчего она и добрела. Ходил за грибами. За счет этого и жил. Но тут председатель колхоза, с чьим отцом Панкратов воевал в первую мировую, предупредил его:

- Дядя Вася, на тебя донос.

Посоветовал перевести хозяйство и уехать, "куда глаза глядят". Так он и сделал. Больше казака Панкратова Севостьяновича не видели..."

Рассказал В.М.Захаров и о судьбе казака Алферова из х. Рубежного:

"Мой отец, Михаил Захаров, был у него коневодом. Во время Германской войны дослужиться Алексей Алферов до войскового старшины или есаула. Воевали вместе против Советской власти. Во время Вешенского восстания командовал одной из групп восставших.

Прижали их однажды красные, у Алферова коня убили. Он, забрав коня у моего отца, сказал:

- Иди, Миша, домой, да вступай в партию. А я поехал за границу.

- Там же красные!..

- Пускай хоть синие. Тебе какая разница?!

Ушел за границу. В Сербии имел дом, семью. Один сын стал профессором, другой врачом-хирургом. Сам Алексей Алферов преподавал русскую словесность в гимназии.

Из Сербии писал письма домой. Тех, естественно, начали за них "тягать". Алферову пришлось порвать связь с родными. Помню, писал он: "Выйду я на самую высокую гору Карпат, повернусь в сторону России и ловлю ветерок с Родины. Слезы по глазам текут..."

А во время пожара у его родных бабка все письма выносила, спасала..."

Житель х. Антиповского Попов Иван Гуреевич, 1918 г.р., поведал историю семьи:

"Отец мой, Попов Гурей Васильевич, 1901 года рождения, в Гражданскую служил у белых. Под Ставрополем прижали их красные, разбили. Уцелевшие белоохранители погрузились на пароходы и поплыли в Болгарию, а оттуда - кто куда: Франция, Сербия, Турция, Англия... Отец попал в Турцию. Оттуда слал письма и фотографии до 1929 года. Потом начались колхозы, писать было нельзя, пострадали бы родные.

Сами письма тоже не сохранились. Дядя мой, Григорий Васильевич Попов, и его жена лезли тогда в партию, отдали все письма секретарю партиячейки. Тогда же началась чистка в той самой партии, и их все-таки выгнали... У матери красные все подворье сожгли, отец и мать ее умерли, 6 детей сиротами остались..."

На мне тоже отразилось то, что отец белоохранителем был. Ненавидели меня. Считали чуждым. Даже во время Великой Отечественной войны на фронт не пустили, отправили на Урал".

Жители х. Антиповского Пановы рассказали о трагической судьбе участника Верхне-Донского восстания Ивана Платоновича Борщева. Рассказ начала его дочь Борщева (Панова) Мария Ивановна:

"Было мне 7 лет, когда отец отступил в Болгарию. Погрузили его, больного тифом, на пароход. В Гражданскую он почти не воевал, работал. В Болгарии жил в работниках, на кирпичном заводе. Потом попал в дом престарелых. 40 лет домой не писал, боялся за нас. Приходит однажды к нам письмо из Болгарии от отца. Писал за него друг, который вместе с ним уходил за границу. Просился домой.

Поехала я в Вешки в милицию, писала в Москву. Разрешили. Приехал отец, и уезжать не хочет. Просит в Москву писать, чтобы остаться разрешили.

Подходил день отъезда, а ответа все не было. Отцу все хуже становилось, астма душила. Ходил в лес, с деревьями разговаривал. Умер. Похоронили мы его, а через два дня пришло разрешение остаться в России".

Продолжает ее сын Панов Дмитрий Семенович:

"Деда я узнал, когда мне 25 лет было, в 1959 году. Прислал он письмо по адресу: Вешенская губерния, Миллеровский уезд, Борщевой Марии Ивановне. Долго ходило по району. Пришло и в Антиповку. Подумали: не наш ли это дед...

В райком ездили, в Москву писали. В конце концов, разрешили деда привести. Поставили условие: купить ему

тут пальто и часы, в этом он ходить и будет. А как уезжать будет, опять надеть на него то, в чем приехал...

3 месяца прожил он у нас. Горюет, что уезжать надо. Решили мы писать в посольство с просьбой оставить его. Через день деду уезжать. Собрали его. Вышел он во двор, встал на колени. Землю в руки набрал и... в рот. Умер... Похоронили на Антиповском кладбище.

Из рассказов деда помню, что он и его отец - Платон Лаврентьевич - после Верхне-Донского восстания отступали в Чертково к Врангелю. Дошли до Новороссийска в одном исподнем. А пароход уже отплывает. Дед мой, как скакал, так с берега на палубу и допрыгнул, а отец его, у которого конь послабее был - нет... Разбился...

На наши вопросы - была, ли у деда в Болгарии семья - молчал. Прожил примерно 64 года, дату его рождения мы знаем только примерно - 1895 год 28".

Фольклор - жанр живой: как в зеркале, отражает он то, что происходит в народе. Собранные рассказы свидетельствуют, что в донских хуторах и станицах до сих пор помнят красный террор. Коснулся он многих семей - память о погибших хранят дети и внуки. Уже не боясь, достают хранившиеся десятилетиями реликвии, фотографии.

Уходят из жизни старшие поколения, и надо успеть записать их воспоминания...

А. Жбанников

Рассказаченная станица

Изучая историю родной станицы Гиагинской, бывшего Майкопского отдела (ныне Адыгеи), столкнулся в фондах Национального Архива Республики Адыгея со страшными свидетельствами.

Начало массовому истреблению казачества положила директива ЦК РКП(б) от 29 января 1919 года, признавшая "единственно правильной борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления". На Кубани же

практику репрессий установило "Постановление Кубанско-Черноморского Областного Революционного Комитета" 3 сентября 1920 г., подписанное его председателем Яном Полуяном и секретарем Зенкевичем. Оно закрепило как меру наказания взятие в заложники членов семей тех, кто оставался в рядах "брангелевских войск" или "бело-зеленых", скрывался "от мобилизации в камышах", содержание в "лагерях для принудительных работ" с конфискацией всего имущества. Прилагаемая к постановлению инструкция "отдельским ревкомам" указывала конкретные методы действий - включая и требование "немедленно произвести аресты всех взрослых мужчин" семей, помянутых в постановлении.

Арестами дело не обходилось - обычными осенью 1920 года стали массовые расстрелы казаков. Сколько их полегло в свою кровью и потом политую землю? Бог весть!..

Сохранившийся в архиве "Именной список расстрелянных контрреволюционеров в станице Гиагинской, утвержденный объединенным собранием комьячейки, особоуполномоченными и представителями Р.К.П. Майкопского отдела. 1920 года сентября 11-го дня, станица Гиагинская" - свидетельство преданной жестокости. Документ отпечатан на машинке и содержит фамилии 260 станичников, приговоренных к расстрелу. В последний лист от руки карандашом (будто по той причине, что печатным текстом была занята лишь малая часть листа и его надо было заполнить до конца!) дописаны еще 20 фамилий. Аналогичный документ, датированный следующим днем - еще свыше 30 имен.

Всего приговорили более 300 жителей! Среди них и женщины: "монашки Екатерина и Евдокия - за агитацию против Соввласти и проклятие большевиков", "Урткпмелидзе Нина - за агитацию против Соввласти", и "поп (священник) Михаил - за агитацию, проклятие красноармейцев".

Формулировки, служившие основанием для включения в список, отличаются чисто классовый подход: "как организа-

тор белой армии", "агитатор на сторону белых", "урядник, явный контрреволюционер", "агитатор против сов. власти" и т.п. Некоторые поражают своей аргументацией: "урядник и бывший помощник атамана", "за провозжание сынов в Добармию", "не сочув. сов. власти", "спекулянт", "сочувств. белым", "польз. наем. трудом", "торговец".

Согласно пометкам "освоб.", "снят", "оправдан", больше половины несчастных из этого списка смогли тогда избежать расстрела. Но значительная часть станичников, против фамилий которых проставлены черные кресты, была все же расстреляна.

Может, среди них были и те, кто действительно являлся врагом по понятиям военного времени ("за расстрел красноармейцев", "палач, расстреливал красноармейцев"), повинные в преступлениях ("за изнасилование жен красноармейцев", "за насилие женщины и грабеж"). Но насколько обвинения эти соответствовали действительности? Не были ли они лишь попыткой оправдаться?..

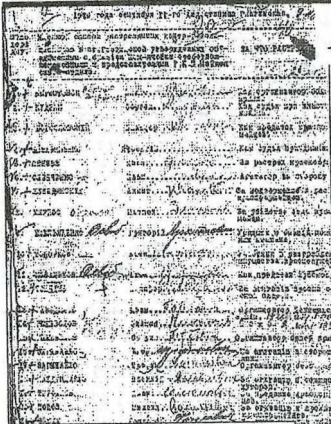
Осенью 1920 года в Майкопском отделе "прославился" карательный отряд 1-й Конной армии Буденного (командир Петров, комиссар Перепелица). На счету этих "вояк", позднее тоже расстрелянных (сами власти посчитали их действия слишком крутыми!) - массовые убийства жителей многих станиц (Курджипской, Дагестанской, Безводной и др.). Может, и расправа в Гиагинской - их рук дело...

Точное место казни гиагинцев пока не установлено. Возможно, для расправы, дабы избежать волнений, они были вывезены за пределы станицы.

Архивные данные о расстреле в Гиагинской дополняет П. Стрелянов (Кулабухов) в книге "Дневники казачьих офицеров" - "Сведения о применении репрессий к населению станиц, которые были заняты бандами белых и их результаты с 1-го по 20-е сентября 1920 г." (из РГВИА).

В репрессивном духе выдержан и Приказ № 21 по Политическому Бюро Майкопского отдела от 21 сентября 1920 г., предписавший станичным, сельским, хуторским и аульным ревкомам представить пофамильные списки всех "неблагонадежных" категорий граждан - с указанием возраста, партийной принадлежности, чина или звания, рода занятий, образования, социального положения.

Повальные обыски, конфискации, реквизиции для станичной жизни стали обычным явлением. Например, в материалах Гиагинского станичного ревкома за 1920 год сохранился документ о реквизиции у станичников лошадей. Это списки лиц, "у коих были реквизированы лошади", "для 4-й кавдивизии" (24 марта 1920 г.) - у 195-ти человек, "для отдела снабжения 1-й Дикой дивизии" - у 32-х лиц, в т.ч. и у самого Гиагинского ревкома, "для 11-й кавалерийской дивизии" - у 34-х станичников, "1-й Кавказской Кавалерийской Дикой дивизией" (15 апреля 1920 г.) - у 20-ти человек, "для 7-й кавдивизии" - у 16-ти, "для 3-го кавполка 1-й кавбригады 2-й Кавдивизии имени тов. Бли-

Фрагмент расстрельного списка. Ст. Гиагинская, 20.09.1920 г.

нова" - у 16-ти станичников, "закупочной комиссией при конармии тов. Буденного" - у 18-ти человек, "для разных частей войск" - у 22-х человек.

Вот еще обычные документы того времени:

"Р.С.Ф.С.Р. Командир карроты Военкома 4-го р. Майкоп. отд. ноября 1920 г. №332. ст. Гиагинская. Секретно. Председателю Ревкома ст. Гиагинской. Согласно предписания Военкома 4-го р. Майкоп. отд. от 18 ноября прошу назначить одного представителя от вверенного вам Ревкома для присутствия при обыске красноармейцами казенного имущества у вдовы Загуменновой какое по доказательству находится закопанным. Командир карроты".

Бумага Гиагинского станичного революционного комитета за 1920 год: "Список предметов реквизиции крупного скота у граждан ст. Гиагинской" - с указанием фамилий и имен домохозяев, общего количества едоков в семье, общего количества скота и количества скота, подлежащего реквизиции.

Особо не церемонились - брали все подряд...

Обычно говорят, что и противоборствующая сторона не отличалась мягкостью к противнику. Однако архивных свидетельств о массовых репрессиях со стороны белых обнаружить не удалось, хотя Гиагинская не раз переходила из рук в руки. Лишь основываясь на материалах метрических книг церковей станицы, удалось составить поименный мартиролог погибших станичников за годы 1917-20 годы. По неполным данным, это около сотни человек.

В годы НЭПа казаки понемногу стали вновь обживать. Но вскоре пришли новые испытания: раскулачивание, лишение прав, коллективизация, массовое выселение.

Для реализации принятых постановлений Северо-Кавказского Крайисполкома от 27 марта 1929 г. "О признаках явно-кулацких хозяйств..." и 11 апреля 1929 г. "О признаках хозяйства кулацкого типа..." станичными советами составлялись списки "явно-кулацких хозяйств" со всеми вытекающими для них последствиями по индивидуальному налогообложению. По Гиагинскому стансовету Майкопского района в такой список было включено около 2500 хозяйств.

Активно использовался и институт ограничения гражданских прав и политических свобод в отношении станичников, не соответствовавших меркам нового времени. К таковым были отнесены "лица, прибегающие к наемному труду, торговцы и посредники, лица, живущие на нетрудовой доход, духовенство, бывшие агенты полиции, жандармы, члены семей, находящиеся на иждивении лиц, лишенных избирательных прав". Гиагинским станичным избиркомом 2.12.1930 г. был представлен на рассмотрение Майкопского райизбиркома список лиц, лишенных избирательных прав по станичному совету - 571 человек. Основания для включения в него были такие: "служитель религиозного культа", "бывший атаман станицы при белых", "дворянка", "как занимающийся скупкой и перекупкой с.х. продуктов и закабальяющий окружающее население путем сдачи в аренду с.х. машин на кабальных условиях", "как применяющий наемный труд", "имел одного постоянного батрака и нескольких сезонных", "как занимающийся скупкой и перекупкой с.х. продукции".

В списки лишенных попадали и главы семейств, и все их члены, включая находящихся на иждивении детей. В расчет не бралось даже большое их количество в семье. Яркий пример: решением Майрайизбиркома от 11.12.1930 г. домохозяйство казака станицы Гиагинской Петренко Якова Ивановича, "состав семьи всего 9 душ, из них трудоспособных 3 души" (жена Мария Михайловна, дети Анна 1912 г. р., Анна 1913 г. р., Ирина 1914 г. р., Ульяна 1919 г. р., Евдокия 1920 г. р., Федор 1922 г. р.), вошло в окончательный список лишенных избирательных прав с формулировкой о главе семейства "как применяющий наемный труд с целью расширения своего хозяйства", "нанимает батраков в сезон 2-х человек".

С января 1930 года вступило в действие постановление пленума Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) "О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказско-

го края", по которому огромное число его жителей, причисленных к "кулацко-контрреволюционному, белогвардейскому и прочему антисоветскому элементу", было выслаано в административном порядке из мест постоянного проживания.

Насколько планово проводилась эта работа на Кубани, можно судить, в частности, по "Постановлению Президиума Майокрисполкома о мероприятиях по проведению в жизнь решений Крайисполкома от 10 февраля 1930 г. и от 21 февраля 1930 г." от 22 февраля 1930 г. и аналогичному документу Президиума Майрайисполкома. Они устанавливают порядок, сроки составления и подачи списков "явно-кулацких хозяйств" на выселение, проведения конфискации имущества, выселения раскулаченных, ограниченного наделения их землей и пр.

Согласно постановлениям раскулаченные хозяйства подлежали выселению за пределы Майкопского округа и расселению внутри округа. Для этого составлялись два списка на выселение. При этом все кулацкие семьи предупреждались под расписку, что без разрешения сельсоветов ни один из членов семьи, подлежащей выселению, под страхом немедленного ареста не имеет права выезжать из станицы.

Норма земельного надела на душу кулацкой семьи в особых поселках устанавливалась на 50 % ниже нормы, приходившейся на душу колхозника. Также и при проведении землеустройства кулаков, не попавших на выселение за границы колхозов, им выделялась худшая земля на наиболее отдаленных участках и на 50 % ниже средних норм, приходившихся на едока-колхозника.

При этом предусматривалась следующая модель конфискации имущества у кулаков: вечером перед конфискацией выносятся решения президиума сельсоветов о конфискации по утвержденному списку, ночью проводится конфискации, на следующий день с утра - массовая работа по утвержденной конфискации собраниями бедноты, пленумами советов и общегражданскими собраниями.

Постановления устанавливали конкретные задания на выселение по районам и станицам. В целом по Майкопскому округу определено было выселить 1000 кулацких хозяйств, в т.ч. из станиц Гиагинской - 57, Дондуковской - 35, Ханской - 30, Кужорской - 27, Келермесской - 23 и т.д. Однако, как свидетельствуют документы, из станиц выслали значительно большее число казаков. Так, согласно секретному "Письму Майкопского районного избиркома Майкопскому окружному ОГПУ и окружному административному отделу", контрольные цифры

по внутрикраевому выселению экономически-кулацких и зажиточных хозяйств только по станице Гиагинской составили 109 хозяйств - вместо 57 первоначально намеченных.

Формирование "списков кулацких хозяйств, подлежащих выселению" шло в течение всего 1930 года. Сохранившиеся документы показывают, что процесс этот протекал не просто, сопровождаясь постоянным пересмотром списков. Вот строки из секретного "Письма Майкопского районного избиркома председателю Гиагинского станичного совета о формировании списков кулацких хозяйств, подлежащих выселению": "29/IV 1930 г. Сов. Секретно. В. Срочно. Предстансовета Гиагинской. ...Немедленно предлагаю покончить с вопросом и наметить соответствующий контингент кулацких хозяйств внутри краевого и окружного расселения согласно преподанному заданию и выслать в РИК анкеты внегласного обследования с характеристикой и дополнительными сведениями о подданстве, о членах семьи и другое, в противном случае будете привлечены к ответственности как за срыв данной работы. ПредМАЙРИКА Капранов. Секретарь Сосновский".

Помимо состава и описания домохозяйств, списки содержали и т.н. "политхарактеристику" на каждого выселяемого. Вот несколько образчиков: Прохода Иван Павлович - "казак, лишенец, в период пребывания белых активно принимал участие по захвату имущества семей красноармейцев, обложен по хлебу индивидуально, задания не выполнил, семфонда не выполнил, укрывал муку на Ульке в лесу, антисоветски настроен, ведет агитацию против колхозов", Ушаков Тимофей Козмич - "в прошлом с отцом имел круп-

Выступает председатель Казачьего отдела ВЦИК Д.Полуян. Ст. Гиагинская, лето 1920 г.

Памятник на месте расстрела в 1920 году казаков ст. Даховской

ное кулацкое хозяйство, применяли аренду земли до 15-ти дес., держали батраков, имели три пары лошадей, занимался укрытием от обложения объектов, в прошлом имел рогатого скота 15 шт., баранов 40 шт. ...

Окончательно подготовленные "Списки выселяемых кулацких хозяйств" представляли собой типографски отпечатанные бланки-карточки формата А-3 на плотной бумаге, заполнявшиеся отдельно по каждому хозяйству с указанием полного его состава и применявшихся по отношению к его членам репрессивных мерах.

К ним прикладывались также "Списки живого и мертвого инвентаря подлежащих к переселению кулацких хозяйств". Вот данные по хозяйству выселяемого казака Проходы И.П.: "сундуков с бельем и одеждой - 2 шт. - 20 пуд., муки пшеничной - 1 меш - 5 пуд., кадушка с капустой - 1 шт. - 3 пуд., картофель - 1 меш. - 3 пуд., самовар - 1 шт. - 10 фут., кровать - 1 шт. - 1 пуд., кухонной посуды - 1 меш. - 2 фут., стульев - 2 шт. - 20 фут.". Сведения по каждому семейству суммировались, представлялся итоговый вес и количество имущества всей партии переселяемых, включая потребное количество подвод и лошадей.

Вышеприведенные свидетельства по одной станице дают представления о том общем репрессивном механизме, который действовал по России в 20-30-е годы.

С материалом по этой теме на примере конкретной судьбы можно ознакомиться в авторской книге "Из записок

старого казака-кубанца (по воспоминаниям Ивана Антоновича Проходы и архивным документам)".

В заключение - несколько строк из этих воспоминаний: "У нас было мелкое крестьянское хозяйство: земля была, две лошади, одна корова, десяток баранов, куры, утки... Мы свои две лошади стрягали с соседскими и сообща обрабатывали землю. Сосед был постарше меня, он был плугарем, а я - погонным. За день надо было вспахать десятину, а это участок земли немалый - 50 метров в ширину и почти 300 метров в длину. В 16 лет я уже вручную сеял пшеницу с мешком через плечо. Целый день ходишь по пахоте с тридцатью килограммами пшеницы в мешке и разбрасываешь зерно так, чтобы оно равномерно ложилось в землю, а после этого надо было еще и заборонить зерно: лошади тянут борону, а ты их погоняешь с утра до ночи по вспаханной земле.

Вот так пахали, сеяли, жали. И так каждый Божий день, в любую погоду, с ранней весны и до самой осени, из года в год...

Наша семья, как и многие другие казачьи семьи станицы, попала в число раскулаченных ...

Дали нам 24 часа на сборы, и все - покидай дом родной! Это за то, что были казаками, а, может быть, вспомнили, что отец мой достойно защищал отечество в первую мировую войну и лишился на фронте руки. Куры у нас были, так только трех кур и разрешили взять с собой да харчей с вещами кое-какими на дорогу. Больше ничего не позволили брать...

Декабрь месяц нас выселенцы продержали в Гуагинской: свезли семей двадцать раскулаченных в один дом и только после Нового 1931 года вывезли на подводах в станицу Дондуковскую. Там нас погрузили ночью в вагоны человек по сорок в каждый, старых и малых - всех вместе. Двери окна закрыли, мы и не знали, куда нас везут. Лишь раз в сутки открывали вагонную дверь и подавали на всех ведро воды. Выходить на остановках никому не разрешали, вагон нам был и кухней, и уборной..."

А. Филькин (agfilkine@mail.ru; тел. (095) 259 4046)

Красный террор

Издательством "Терра" выпущен сборник "Красный террор в годы гражданской войны" - документы и материалы Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков, созданной 4 апреля 1919 г. Главнокомандующим ВСЮР генерал-лейтенантом А.И. Деникиным. В сборнике, подготовленном под редакцией докторов исторических наук Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского, представлены воистину леденящие душу сведения о красном терроре - уникальные следственные акты, справки, сводки и т.д.

Особая Комиссия руководствовалась в своей деятельности последним Уставом уголовного судопроизводства Российской Империи. Помимо собственно насильственных и террористических действий, она рассматривала также вопросы ликвидации духовно-политических прав населения, социально-экономической политики большевиков и пр.

Многие из собранных Комиссией документов напрямую касаются областей казачьих войск, прежде всего, Дона, и Кубани. Они представляют собой дела о злодеяниях по отношению к конкретным лицам (например, "Краткая справка о сожжении красноармейцами казака Якова Чуса"), к отдельным хуторам, станицам и городам ("Акт расследования злодеяний большевиков в станицах Гундоровской и Каменской", "Сведения о злодеяниях большевиков в городе Екатеринодаре и его окрестностях"), к отдельным группам и категориям населения ("Акт расследования о социализации девушек и женщин в гор. Екатеринодаре по мандатам советской власти", "Сообщение о гонениях большевиков на Церковь в Донской области")... В приложении - списки подвергшихся гонениям и замученных мирян и представителей Православной Церкви, инструкции советских партийных органов, показания агента ГПУ и т.д.

Один из выводов составителей сборника - "Для красного террора были характерны не просто массовые бессудные убийства, но также массовый извращенный садизм, насилия и надругательства над людьми. Чего стоит, например, рассказ о том, как ученица одной из екатеринодарских гимназий подвергалась многочисленным изасидованиям в течение двенадцати суток группой красноармейцев, после чего ее привязали к дереву, жгли ее тело и, наконец, расстреляли..."

Черногорец на русской службе

В издательстве "Русский путь" вышла монография А.В. Ганина "Черногорец на русской службе: генерал Бакич". В основе ее - ранее неизвестные и в подавляющем большинстве еще не введенные в научный оборот документы шести архивов России, материалы частных коллекций.

Имя одного из вождей Белого движения, генерал-лейтенанта русской армии, черногорца по происхождению Андрея Степановича Бакича (1878-1922) неразрывно связано с эпохой революции и Гражданской войны, напоминая не только о ярких страницах истории Белой борьбы, но и о трагическом периоде исхода остатков армий Восточного фронта в изгнание.

Бакич был одной из ключевых фигур в истории антибольшевизского движения на Востоке России. Несмотря на это, его жизнь и деятельность до сих пор по-настоящему не изучена.

А. Ганиным на основе многих источников принята первая попытка создания научной биографии генерала. Показаны перипетии судьбы Бакича, вынужденного в молодости переехать в Россию, его участие в 1-й мировой войне, трагедия и ожесточение гражданской войны, раскрыты сложные и противоречивые взаимоотношения его с казачьими вождями Б.В. Анненковым и А.И. Дутовым, описаны полные драматизма скитания оренбургских казаков, совершивших в 1919-21 годах вместе с Бакичем несколько тяжелых походов по России, Китаю, Монголии и Урянхайскому краю. Это, по существу, первая специальная работа, освещающая историю борьбы в 1919-20 годах и исхода в Китайский Туркестан (Синьцзян) частей Отдельной Оренбургской армии.

Приобрести книгу можно в магазине "Русское зарубежье" (Москва, 109004, ул. Нижняя Радищевская, 4, тел. (095) 915 1145), или заказать в издательстве "Русский путь" - info@rp-net.ru, тел\факс. (095) 915 1047.

Предлагаем вниманию фрагмент воспоминаний человека, прославившего казачью песню и само имя Казака по всему свету - Сергея Александровича Жарова. Более полный вариант этой публикации подготовил иеромонах Евтихий (Моисеев) для журнала "Россия Православная".

"Ай да Донцы - молодцы!.."

из воспоминаний С.А. Жарова

В изгнании

Гражданская война меня застала в казачьих частях. С ними я и эвакуировался в Константинополь. Помогли мне и здесь мой маленький рост и моложавый вид. Им я обязан своей жизнью. Донской казачий полк, в котором я служил, был в крымский период гражданской войны сильно потрепан.

Я был захвачен красными в маленькой деревушке. Нам приказали снять одежду, и когда мы остались в одном белье, началось форменное истребление пленных.

Тщедушный, исхудалый, с бритой после перенесённой болезни головой, я упал на землю и, прикрыв руками затылок, ждал своей очереди. Уже красный всадник занёс надо мной шашку, как другой его остановил: "Не тронь мальчишку!" Красные ускакали. Какая-то старушка жалась надо мной, повела меня в хату и накормила. Глядя меня, офицера, по голове старческой рукой, она спрашивала: "Как это ты, сыночек, попал на войну?"

В лохмотьях я бежал за своей частью. Её уже не было, а в казачьем разъезде, на который я на следующий день наткнулся, долго не хотели верить, что я казак, не говоря уже о моем офицерском чине.

Период моего пребывания в добровольческой армии я описывать не буду. Начну с того момента, когда с отступающими казачьими частями я в ноябре 1920 года был эвакуирован в Турцию, очутившись в мрачном лагере голода и смерти - Чилингире. Здесь, среди страшных лишений, в атмосфере бесконечного отчаяния и беспросветной тоски по родине, вырос и оперился Донской казачий хор, теперь известный всему культурному миру.

Это было самое тяжёлое время нашего изгнания. Оторванность от всего мира, голод, лишения и страх перед наступающей эпидемией холеры отнимали всякую веру, всякую надежду на лучшие, более отрадные дни; и только другая вера, вера в справедливость Всевышнего, с каждым днём крепла среди казаков. Чувствовался необыкновенный религиозный подъём. Приближался праздник святителя Николая Чудотворца. Шли приготовления к торжественному молебну.

Начальник дивизии отдал приказ, лучших певцов всех полковых хоров, уже тогда имевшихся, собрать в один хор. Хор этот должен был своим участием в богослужениях содействовать поднятию духа угнетённых войск. В этот хор был призван как специалист и я. Тогда ещё никто не знал, что этому хору будет суждено петь на эстрадах всего света, что песни его, впервые прозвучавшие среди унылой природы лагеря смерти, будут поняты и оценены избалованной публикой концертных залов Европы, Америки и Австралии, давно забывшей войну, лишения и голод или даже вовсе не знавшей их.

В маленькой тесной землянке началась работа хора. Ноты писались от руки на дешёвой бумаге. Всё составлялось по памяти. Я занялся первыми аранжировками. Певцы в большинстве случаев были офицеры. Шли регулярные спевки. Репертуар богател. А между тем по лагерю циркулировали слухи об отъезде частей на незнакомый, таинственный остров Лемнос.

Ждали атамана. Как в старину непоколебим и силен был среди сынов Дона авторитет атамана! Что скажет он? Куда прикажет идти? Репетировали парад. Подтянулись. Приободрились. Забыли горесть изгнания. А когда через несколько дней протяжное "смирно" пронеслось по казачьим полкам и атаман генерал Африкан Богаевский в сопровождении командира корпуса проскакал перед строем, не было больше усталых и хмурых лиц. Радость и гордость светилась в глазах воинов. Могучее "ура" прокатилось по фронту. Казаки приветствовали своего атамана. Чрезвычайно популярный среди казаков, он не захотел парада.

Собрав вокруг себя казаков, атаман говорил о перевозке частей на остров Лемнос. Призывал к терпению и сплочённости.

Уклад нашей жизни и на острове ни в чём не изменился. По-старому жили, не имея впереди никакой цели среди бесконечных предположений и слухов о будущем. По-прежнему голодали. Рано вставали.

Ходили на занятия, усталые ложились спать и, изнурённые нравственно, тосковали по дому.

Город Мудрос, лежащий на острове, был закрыт для казаков. Но никакие кордоны французов, никакие запреты не могли удержать казаков от города. Сильно привлекла старая церковь, которую греки отдали в распоряжение русского духовенства. В этой церкви на русском языке по русскому обряду совершалось богослужение - всегда с участием казачьего хора.

На Лемносе я много работал над репертуаром хора, готовясь к переезду в славянские страны, о котором внезапно заговорили на острове. Возможность этого отъезда зарождала во мне новые мысли. Я мечтал о выступлениях хора в больших соборах православных стран. К себе и хору я предъявлял всё большие требования и упорно продолжал начатую работу, аранжируя новый репертуар и постоянно устраивая спевки. Хор стал для меня целью жизни.

И вот случилось то, о чем мы только тайне мечтали. Приказом назначен был день отъезда казачьих частей с Лемноса. С первым эшелоном в Болгарию отправился и хор, собранный в один взвод.

"В добрый путь!"

Тяжёлый период лагерной ссылки был позади. Высадившись в Бургасе, хористы решили подработать, устроив первый концерт на болгарской территории. Соорудили огромные плакаты и сами разносили их по городу, зазывая публику к вечернему представлению. В маленьком портовом городе мы имели первый серьёзный успех.

Начальник дивизии по-прежнему покровительствовал хору и предложил ему остаться при штабе в Софии. Начались пререкания. Хористы, принадлежавшие к разным частям, не захотели расстаться со своими соратниками. Хору грозила опасность рассыпаться. Я просил, убеждал, настаивал, горячо веря в будущее нашего молодого хора. Мои сотрудники уступили, и только очень немногие покинули нас. Хор был спасён! Как я тогда уже любил этот хор! Как я дрожал за его существование!

В первое воскресенье мы пели в маленькой церкви при русском посольстве. После службы нам предложили остаться при ней в качестве постоянного церковного хора. Участие хора в богослужениях привлекало массу народа. Интерес к нему возрастал.

Летом хору поступило предложение спеть духовный концерт в кафедральном Софийском соборе. Оно было, конечно, с радостью принято. Этот собор - подарок России в память освободительной войны - вместил почти пять тысяч молящихся в день нашего выступления. Концерт прошёл при гробовой тишине. В соборе были в большинстве русские, тоскующие по оставленной ими родине. Во время богослужения было пролито много слёз, много пережито.

В это время в Болгарии находилась наша знаменитая балерина Тамара Карсавина. Пение хора произвело сильное впечатление на её чуткую и религиозную натуру. Благодаря большим связям, которыми Карсавина располагала в Болгарии, мы не раз приглашались на рауты дипломатиче-

Сергей Жаров

Первый состав хора. Лемнос, 1921 г.

ского корпуса. Хор пел в испанском, американском и французском посольствах, зарабатывая себе на жизнь и приобретая всё больший опыт и уверенность в себе. При содействии нашей покровительницы я впервые задумал покинуть пределы Болгарии, чтобы попытаться с хором счастья в Западной Европе. Хор уже насчитывал тогда 32 человека и был, по-моему, достаточно подготовлен, чтобы ответить требованиям большой концертной эстрады.

Начали поговаривать о Франции. И тогда я впервые услышал слово "Монтаржи", путеводной звездой ставшее над нами - таково было название маленького французского местечка, в котором хору предложили работу.

Благодаря содействию представителя Лиги Наций и французского посла, благодаря усиленным хлопотам Тамары Карсавиной, нам удалось получить визу во Францию сразу на всех. Главным препятствием оставалось полное отсутствие денег. Но нам повезло - помог донской агаман, помогла Лига наций, помогла Церковь. К сожалению, собрано было слишком мало, и часть хора пришлось оставить в Болгарии. При благоприятном ходе дел оставшихся хористов обещали выписать впоследствии.

Я помню прощальную службу в посольской церкви. Помню горячую просьбу епископа Серафима не покидать церкви. Помню трогательное прощание с соратниками, съехавшимися из провинций. Помню последние колебания некоторых из нас. Но я был твёрд. Я верил в успех нашего дела и заразил этой верой моих сотрудников.

Утром 23 июня 1923 года мы покинули Софию. Больно щемило сердце при виде провожавшей нас толпы. На перроне стояли оставшиеся друзья-хористы, печально глядя нам вслед. А впереди была чужая страна и неизвестность. Ехали волнуясь, как бы испугавшись необдуманного поступка, налегке, по большей части не имея даже столь нужной вещи, как пальто.

Цветы и автографы

Пробыв почти с 1914 года на войне и не видя долгое время большого европейского города, мы были потрясены Веной. Были ещё на свете места, не кричавшие о войне, бедствиях и лагерной жизни! Мы шли по благоустроенным улицам. Дома, большие и красивые, так мало напоминающие то, что нам до сих пор служило жилищем, поражали нас.

Вена - солнечная, жизнерадостная, с любезными, приветливыми людьми - дышала радостью бытия. Жизнь, жизнь! Как она была прекрасна в этот солнечный день! Дыша полной грудью, высоко подняв голову, я всем существом своим ощущал её радостный трепет. Опять хотелось жить! Чувства далекие, долго дремавшие, рвались наружу. Неужели завтра мы должны будем покинуть этот город? Но судьба наша ответила - нет! Наступили события, в корне изменившие все наши предположения. Хор в Монтаржи не поехал.

Представитель Лиги наций заинтересовался хором и представил его директору концертного бюро в Вене Геллеру. Геллер, симпатичный живой старик, предложил нам пробный концерт в помещении концертной дирекции.

Издорванные, в разнообразных военных формах, представили мы перед вершителем нашей судьбы. Почтительно ступали грубыми сапогами по гладкому паркету и коврам элегантных помещений. Всё это было для нас неожиданно и ново. Покорно шли мы в залу концертной дирекции. Сознание того, что, здесь в этих помещениях, уже не раз открывались таланты и что здесь, именно здесь, за сценой, зарождались большие карьеры, увеличило мое волнение. И вот, перед представителями прессы и театрального мира я представил свой хор. Впечатление, произведённое хором, далеко превзошло все ожидания.

Приготовления к концерту, прошедшие в страшном волнении и мучительном ожидании, как-то расплылись в моей памяти. Они бледнеют перед тем знаменательным днём моей жизни, когда мне суждено было с хором предстать перед венской публикой, известной своим вкусом и врожденным пониманием музыки. Решающий момент приближался.

Взволнованным кольцом окружили мы в артистической директора, принимая от него всевозможные советы. В эту

Хор в Болгарии, 1923 г.

многие так же стояли перед этим опущенным занавесом, мучимые тем же жутким вопросом: удастся или не удастся? И, как бы повторяя этот вопрос, я спросил по-немецки, как мог:

- Удастся, господин директор, или нет?
- Несомненно, дорогой мой, будьте смелы и терпеливы. Мы ещё не верили, что мечтам нашим суждено осуществиться, что через несколько минут мы должны стоять на первой большой европейской эстраде.

Я собрал хористов вокруг себя, отдавая им нужные инструкции. Как жалко они тогда выглядели в своих потёртых, заштопанных гимнастёрках различного цвета и покроя! Один в обмотках, другой - в сапогах... Я выбрал самых опрятных из них, чтобы закрыть ими, насколько это разрешало разделение голосов, наиболее потрёпанных и рваных. Рваных... Да, мы всё ещё были оборванцами, выходящими из нищего, угрюмого чилингирского лагеря.

Ещё несколько слов. Несколько вопросов, оставшихся без ответа, и начало подошло. Каждый момент дверь на сцену должна была открыться. За стеной волновался зал.

И вот эта дверь открылась. Один за другим хористы проходили на эстраду, многие из них осеняли себя крестным знаменем. Залитые светом, встали они привычным полукругом. Очередь была за мной.

Я остановился в дверях. Припадок страшной слабости сковал мои члены. Потеряв над собою власть, я не слышал, что аплодисменты, приветствовавшие хор, уже замолкли. Ждали меня. Я слышал, как взволнованный директор что-то приказывал мне. Но я не понимал его слов. Я не мог двинуться с места, мне хотелось убежать, убежать куда пошло... Спрятаться от целого света. Забыть, что я Жаров, что хор мой стоит на сцене и ждёт моего появления. Я сделал движение, чтобы повернуться, но чьи-то руки меня насильно толкнули через порог и, ослеплённый ярким светом, я очутился на сцене. Глухой шум покатылся мне навстречу. Я понял, что встречали меня. Как сквозь туман, увидел я перед собой переполненный зал и близко, почти у самой эстрады, лица нарядной публики первых рядов. Тогда вдруг дошло до моего сознания, как бедно я был одет, что через большую дыру моего ботинка, напоминая о жалком прошлом, виднелась белая военная портянка. Болезненно сжалось от стыда сердце... Обрывки мыслей пронеслись в моей голове, обгоняя друг друга, и вдруг ясно, совсем ясно я вспомнил этот зал и эту эстраду. Здесь много лет тому назад, ещё маленьким мальчиком, я стоял в рядах Синодального хора. Поборов стыд, робость и воспоминания, я поднял руки. Хор замер. В зале наступила гробовая тишина.

"Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим и молим Ти ся, Боже наш!" - хор звучал, как орган. Вся горесть предыдущей страдальческой жизни трепетала в его аккордах. Так хор ещё никогда не пел! Так никогда ещё не переживал...

Последние звуки прекрасного церковного напева вдохновенной музыки Рахманинова ещё звучали в заставшем зале, когда я опустил руки. Нарастающий шум аплодисментов и криков одобрения разбудил меня к действительности. А действительность предстала передо мною в лице моих хористов, стоявших на эстраде огромного европейского зала в оглушительном шуме аплодисментов и в удовлетворённом сознании достигнутого. Я повернулся. Что-то сжало мне горло. В мутной пелене полпыл передо мной зал. Слезы радости и волнения окутали всё туманом.

Опять дирижировал. Опять заставлял замолкнуть всё... Опять слышал аплодисменты. Кланялся, благодарил. Программу концерта провёл, как во сне...

Толпы поздравляющих теснились после концерта в моей гардеробной. Счастливый и усталый, я принимал слова благодарности от знакомых и незнакомых. Пожимал руки. Отвечал на бесконечные вопросы. Давал себя обнимать и гла-

дить. Раздавал автографы. Я был так счастлив в эти минуты. Утомлённый перенесёнными волнениями, я глубоко заснул в своей комнате. А когда проснулся, вся комната и кровать были усыяны цветами. Они должны были олицетворить символ успеха и радости моей предстоящей работы...

Венские концерты прошли, научив меня многому. Они показали мне, что я оказался прав, ища новых путей хорового пения. Я всегда избегал скуки в исполнении, искал разнообразия, которое не всегда достижимо в однообразном хоре. Построив свой хор уже раньше на новых принципах, я ввёл в него подражание струнному оркестру, и венские концерты мне показали, что я был на правильном пути. Я опасался превращения хора в машину. Опасение это увеличилось позже, когда концерты стали почти ежедневными. Поэтому я всегда держал хор в некотором напряжении, меняя оттенки в одних и тех же вещах, не давая ему привыкнуть к определённому шаблону, при этом даже часто расходясь с замыслами самого автора. Одновременно я научился применяться к акустике зала, с первого аккорда зная, что лучше звучит, высокие или низкие голоса, скорый или замедленный темп.

Было и такое

Грац. Переполненный зал. Первый номер концерта был закончен. Вдруг в ложе поднялся человек, как я после узнал, профессор Грацкого университета. В долгой пламенной речи он призывал публику оставить зал и не слушать пения заклятых врагов, казаков.

- Австрийские жёны и матери! Они убивали ваших мужей и сыновей, они разорали вашу родину, покиньте же зал в знак демонстрации и протеста против этих варваров!..

Я только что вышел на сцену и стоял за шеренгой певцов, слушая непонятные слова.

- Что он говорит? - спросил я октависта, который ещё меньше меня понимал по-немецки.

- Дюже тебя хвалит, Серёжа.

Я вышел на середину эстрады и глубоким поклоном поблагодарил оратора за похвалу.

В зале, сначала затихшем, бурей пронеслись аплодисменты. Публика редела, рвалась на сцену. Зал гудел от оваций по отношению к хору. А профессора ворвавшиеся к нему люди попросили из ложи. Тогда было ещё хорошо не знать немецкого языка...

Это было в Штетине. Мы стояли на эстраде, намереваясь начать концерт. Вдруг в зале произошло движение. Я увидел, как седой стройный генерал в мундире гусара показался в проходе между стульями. Все присутствующие поднялись. Звеня шпорами, генерал прошёл в первые ряды и занял своё место.

Концерт начался. Я видел, как после первого номера старый генерал одобрительно аплодировал. Мы только окончили "Коль славы..." Кто-то подошёл к сцене и попросил повторения. Правенько исходила от генерала. После концерта он поднялся и направился к эстраде. Все следили за ним.

Встав лицом к публике, генерал поднял руку. Всё стихло. В наступившей тишине мы услышали его твердый, привыкший к команде голос: "Я приветствую своих славных противников галицийских сражений. Казаки, здесь, в мирном концертном зале, я выражаю вам своё восхищение перед вашим искусством. Вы, эмигранты-офицеры, можете открыто и гордо смотреть в лицо всем, всем, всему свету".

Обращение генерала было покрыто громкими аплодисментами. Перед публикой стоял один из немецких героев последней войны генерал-фельдмаршал Макензен.

Австралийское турне

До марта 1926 года панорамой прошли перед нами бесчисленные города Германии, Швейцарии, Голландии, Чехословакии и Англии, когда впервые, покинув Европу, мы направились в Австралию.

Морских волков среди нас не было, а потому, вспоминая нашу единственную поездку по Черному морю, никто из нас не говорил о привычке ездить по воде. Разместились по

двое на одну кабину и ждали отхода парохода. Ночью снялись с якоря. Спали плохо, испытывая смутное волнение и переживая в воспоминаниях первую морскую поездку.

Обрадовались утру. Хотели видеть море. Оно было тихо и кротко. Солнце заливало палубу. За завтраком оглядывали публику, прислушиваясь к непонятному английскому языку. Перелистывали словари. Забубривали по самоучителям казавшиеся необходимыми фразы и искали их применения.

Аделаида... Через час после приезда 15 автомобилей увезли казаков в город. Делали остановки, собирая вокруг себя толпы, задерживавшие уличное движение.

Первые концерты показали, что европейская программа была непригодна для здешней публики. Она любила легкую музыку - народные песни и марши. Приходили в восторг от танцев. После Аделаиды следовали концерты в живописном, как по линейке выстроенном Мельбурне. Потом пели в Тувумба, Брисбене и Ипсвиче, попав наконец в Сидней, о котором так много слышали раньше. На пристани нас встретили представители русской колонии, поднесли нам хлеб с солью. Здесь русские по внешнему виду ничуть не отличались от англичан, и многие из них говорили с английским акцентом. Город поразил нас своей фундаментальностью, своими огромными площадями и улицами. Ездили по бухте в окрестности города. Ближко сошлись с публикой, обзаведаясь бесчисленными знакомыми.

22 концерта прошли в Сиднее при полном сборе. Не хотелось уезжать - так тесно подружились со многими.

Новая Зеландия. На пароход сели без боязни, считая себя уже опытными моряками. Опереточная группа, ехавшая с нами, вносила оживление в пароходную жизнь. Было весело. Слегка поругивали стюарда, когда он в семь часов утра будил нас, принося к завтраку чашку чая с яблоком.

По дороге в Христчерч у Южной Зеландии разыгралась дикая буря. Укачало всех. За три часа до концерта, с двадцатичетырёхчасовым опозданием, мы, как пьяные, вступили на берег. Стоило многих усилий, чтобы привести себя в порядок к предстоящему выступлению, и с грехом пополам провести первый концерт.

Несколько хористов осталось в Австралии, купив на заработанные деньги фермы и навсегда променяв профессию певца на сельскохозяйственную работу. Казака тянуло к земле. Трудно было расстаться с дорогами друзьями, делившими с нами так долго все наши радости и невзгоды.

Ехали обратно в Европу, соскучившись по ней. Везли с собой первые накопленные деньги. На пароходе диктаторски забрали кухню в свои руки. Научили повара готовить борщ и русские котлеты. Теперь пищей были довольны, а с нами и все пассажиры. Вели себя уже свободнее. Ехали через Панамский канал, фотографировали шлюзы и тащившие наш пароход вагонетки. Пересекли Карибское море и остановились у острова Кюрасау. Попробовали знаменитое вино. Хоровым специалистам оно не понравилось. "Больно мудреное, - был общий диагноз. - Попроще бы..."

25 августа 1926 года мы впервые увидели Париж. Здесь нас как победителей встретил донской атаман и представители казачьего союза, в последний раз видевшие нас оборванцами в Болгарии. Теперь мы были "Донским казачьим хором", о котором писалось и говорилось.

Находились скептики, не верившие, что мы казаки, говорили о профессиональных певцах, надевших казачьи шаровары. Не важно было, что о нас говорили. В Париж мы приехали хорошо организованной единицей. Первый концерт, назначенный в пользу казаков-инвалидов, прошёл в зале "Таво". Перед театром разместилась полиция, отгесняя толпу. Напор был чудовищный. Париж, центр русской эмиграции, давно ждал ставших известными казаков. Не буду описывать тех оваций, которыми нас встретили. Может быть, только в Риге, где наше появление было национальным праздником, мы пользовались таким успехом.

(окончание в следующем номере)

У С.Рахманинова в Дрездене

Со старейшинами маори, Новая Зеландия

Дочь атамана

“А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них краше”
(Ап. Павел, 1-е коринфянам, 14-1)

Был светлый день 18 апреля 1946 года от Рождества Христова. Гладкие волны Цусимского пролива отражали солнечные лучи, и желтые блики плясали на бортах парохода. Белые чайки неспешно взмахивали крыльями, негромко перекликаясь. Лиза Семенова стояла, опершись о нагретый фальш-борт, и задумчиво глядела - на легкие облачка, застывшие в небе, на встающие в дымке горизонта сиреневые холмы японского берега.

Небольшая чайка с черными кончиками крыльев, пролетая у борта, вскрикнула призывно. Подняв глаза, Лиза встретила ответный взгляд чистых желтых глаз вольной птицы. Махнула рукой. “Лети, миленькая!” Чайка упала к самой воде и снова взмыла...

- Привет, красотулечка-казачка, чуть подвинься, - весело окликнул Лизу матрос, парень лет 20-ти, спустившийся на палубу с мотком ливня в руке с закрепленным на конце железным штоком.

Лиза на секунду встретилась с легким взглядом серых глаз, смутилась, шагнула в сторону. И тут же ее охладил гнусаво-повелительный голос - такого же молодого, но ненавистного ей от бровей до носков начищенных кирзовых сапог охранника:

Мадам, вас отправить в трюм?..

Охранник сплюнул осмолек сигареты и принялся ходить от борта к комингсу трюма и обратно. Матрос, подмигнув Лизе, зашагал к носу парохода, на пути бросив охраннику:

- А вот плевать за борт не положено, здесь тебе не зона, любимый ты наш!

Охранник крикнул вслед: - Все мы такие герои, ах, ах, не пришлось бы свидеться!

“Зачем, дурачок, лезет на рожна”, - подумала Лиза, потянувшись вслед парнишке. В неполных 16 лет она была крепкая, развитая, и мечты о таком вот самом, не лучше и не хуже, не раз уже посещали ее...

“Господи, что же ТАМ будет”, - вдруг остро подумала она заболевшим сердцем.

На крыле мостика стоял начальник конвоя - худой, черный, с мешками под глазами. Фамилию он назвал, принимая заключенных - Плиняцкий, что ли... Рядом переминался с ноги на ногу пожилой капитан парохода, симпатичный дедушка лет под 50, в морской фуражке.

Лиза с детства знала о морях только хорошее - Невельской, Крузенштерн, Ушаков, Колчак... Папа рассказывал, как спасли моряки остатки белой гвардии, откатившейся от Владивостока. Лиза, две ее сестры и брат родились уже на чужой стороне. Лишь по рассказам знали о великой стране, родине мамы и папы. Там чистые, как слеза, реки, и прозрачное, до дна, родное папино озеро Байкал, густая тайга и добрый, сильный народ - который однажды разделся по дьявольскому наущению, уничтожил в братоубийственной войне лучших своих сыновей и дочерей, исподличался, перестал верить в Бога. И теперь только Бог знает, вернет ли Он России прежнюю силу и красоту...

Из носового трюма показался невысокий желтолицый человек. Охранник кивнул ему на деревянный туалет, устроенный на фальшборте:

- Быстро, не задумывайся... Какой покорный!.. А сам - контрразведчик. Знаешь, что они над пленными вытворяли?..

Лиза отвернулась. И тут же заорал охранник, простучала оглушительная автоматная очередь. Лиза успела увидеть, как японец переметнулся через борт - и показалась в струе за кормой его голова в кружеве пены.

Конвойный солдат показал Лизе великолепные клыки:

- Уже затонул, падлюка! Хотя я и бил в воздух, а его мог задеть. Чтоб не маялся, сердешный...

Во Владивостоке пароход “Аргунь” встал на причал против центрального входа в порт. Высокие сопки, звенящие трамваи, кругом красные транспаранты...

Моряки, закончив швартовку, наблюдали, как выгружают доставленных из Дайрена - семью атамана Семенова и нескольких японцев. Первым из трюма поднялся высокий, сутулый, седой человек лет 50-ти, на деревяшке от колена правой ноги, в песочного цвета генеральской шинели, без погон и фуражки - брат атамана. Самого Семенова, арестованного на даче под Дайреном, отправили в СССР самолетом.

Лизу и ее 17-летнюю сестру Катю вывели следом. Они остановились, а дядя ковылял, стуча протезом, не поднимая глаз на город, который когда-то считал чуть ли не родным. По трапу на цепях-подвесках спустились на причал. Что-то словно толкнуло Лизу оглянуться - она увидела ЕГО. Он поднял руку. Неужели заметил, как в тот раз на него смотрела? Ответила прощальным взмахом, прощентала: “Господи, уходи без возврата, спаси и помилуй нас!”

- А ну, не сигналить, казачки хреновы! - крикнул конвойный. Два сверкающих черных “ЗиМа” ждали Семеновых. Дядю отделили от племянниц. Он, битый-перебитый жизнью, знал: здесь не прощают. Как, впрочем не прощал ИХ и он... Оглянувшись, сдерживая пронизанный ненавистью стон:

- Деточки, милые, родные, простите папу и меня, поминайте, если будите живы!.. - И, подтолкнутый прикладом, стукнувшись протезом о порог машины, нырнул в салон. Так девушки встретились с родиной, о которой столько мечтали...

Отца судили в Хабаровске и повесили, дядю расстреляли раньше. Сестрам определили по 25 лет - чтобы знали, как выбирать родителей. В глубине Сибири увидели они и чистые реки, и дремучие леса. Старшая сестра, Елена, тоже отбывала “четвертак” - однажды бросилась на лагерную проволоку и с вышки получила пулю в живот. Выжила - и в психлечебницу...

И Лиза бы не выдержала - но после 8 лет заключения, когда уже не осталось надежд на свободу и желания жить, разнеслось над лагерями освежающее: “Умер!”

- Ур-ра! Свобода! - кричали политзеки, бросая вверх шапки. Но не сразу и нелегко уходят оттуда, куда попадают так легко. Многих отпустила зона, а Лиза все еще была в Тайшете, хоть и расконвоированная (позволили участвовать в культурно-воспитательной части). Пела на лагерных сценных романсы и казачьи песни, которым научилась у отца. Как и выдержке, умению не дрожать при смертельной опасности, не выть от холода-голода. Казачья дочка!..

Как-то увидела - смотрят из зала в самую душу пронзительные серые глаза. Неужели морячок ее юности? Не успела подойти - увезли артистов. Через месяц напросилась у Миши Нуйкина, главного режиссера: “Пошли еще раз туда!..”

И вот она снова поет казачью песню, потом “Ой, вы ночи, матросские ночи...” И - ОН в первом ряду!? Нет, увь, не тот. И глаза не совсем серые. Но глянул - душу берет, и уже Лиза не 23, а 16... “Господи, помилуй меня, грешную...”

Не из робких мальчик - подошел в перерыве, пригладив короткую прическу (всего два месяца после стрижки “под ноль”):

- Можно сказать огромное спасибо? Меня зовут Коля.

Уже Лизе уезжать, а они стоят за каким-то стендом, нет сил оторваться. Заглянул Нуйкин, махнул рукой - “еще 15 минут даю!” Рассказал Коля, что, точно, плавал, только рыбак, на море с 16-ти лет, после учился на штурмана, закончил, плавал, потом - армия, потом...

- Да за что же, дорогой ты мой?

Махнул рукой, рассмеялся:

- За того, кто недавно ткнулся. Стою как-то в наряде - про деда репрессированного, про бату, парни еще про своих порассказывали... Вернулся, а в караулке портрет - я по нему и шандарахнул обойму...

- Разве можно? Им же, чем больше осудят, тем легче коммунизм строить...

- А кто сказал, что можно?.. Дали вышку, заменили на четвертную, теперь хотят реабилитировать. Смех, да и только!.. Она рассказала про папу-атамана, как шли Цусимой... И тут же, поцеловавшись - всего раз за время знакомства! - дали друг другу клятву: кто первый выйдет - другого ждать...

Коля вышел раньше, дождался. Поженились, родили детей. Сын, музыкант, женился на австралийке. Прислал приглашение: здесь живут без коммунистов очень даже неплохо. Поехали - и остались в далекой Австралии...

Эпilog

Автор был матросом на том самом пароходе! Видел в апреле 46-го дочерей атамана.

В Австралии был с выставкой картин Евгений Димура, некогда плававший с Колей Явцевым - тем штурманом, что женился на Лизе. Он и рассказал, как они живут. Приехать пока не рискнут. “Перетерпим”, - пишет Коля. А Елизавета Григорьевна тоскует. Такова уж казачья душа...

Л. Князев

Отзвук Крюкова

Говорят - после компьютерных исследований нет больше самой этой темы. И вообще - читает публика "Тихий Дон", и пусть себе. Но появляются новые аргументы, и вновь скрешиваются нержавеющие рапиры...

Имя писателя Ф.Д. Крюкова (1870-1920) при советской власти замалчивали или пачкали ("белогвардеец, палач трудового казачества" - строго отвела в 60-е годы газета "Советская Россия" робкую попытку разговора о его наследии). Теперь печатают. Вот и недавно вышла книжка - "Булавинский бунт (1707-08). Этюд из истории отношений Петра Великого к донским казакам. Неизвестная рукопись из донского архива Фёдора Крюкова" (составление и комментарии - А. и С. Макаровых). По тематике она примыкает к раннему рассказу писателя "Шульгинская расправа", с подзаголовком "Этюд из истории Булавинского возмущения" (1894 г.).

Крюков не раз обращался к одному из ключевых событий донской истории - восстанию Булавина, спровоцированному сысской экспедицией полковника Юрия Долгорукова. Царские воеводы вешали повстанцев, для устрашения пуская по Дону плоты с виселицами. Войско потеряло тогда последние черты независимой воинской республики; атаманы вплоть до июня 1917 года назначались из Петербурга.

Рукопись - написанное вчерне историческое исследование. Выводы ее сводятся к тому, что российская власть сделала из казаков дармовых солдат и полицейских, материально их разорив и морально обезоружив.

"Но на страницы истории героическое казачье имя занесено не за эти холопские заслуги... В лучшие времена своего существования... казачество поднимало боевое знамя против сытых, богатых народных угнетателей, за чернь, за голодных, нагих, босых, обиженных, и если на этом знамени не торжественно и ярко были начертаны бессмертные слова: свобода, равенство, братство, то в сознании простых серых зипунных рыцарей они жили прочно и постоянно. За них они умели и умирать. Одним из таких блистательных рыцарей был донской атаман К.А. Булавин" - так Крюков заканчивает рукопись.

Эти слова ясно обнаруживают взгляды депутата Государственной Думы, решительно выступившего против мобилизации казаков на полицейскую службу, связавшего себя с партией народных социалистов. Но, каким бы оскудевшим, с подрезанными крыльями, задавленным хозяйственной нуждой не представлялось ему казачество, духовно Крюков был связан с Доном, видя в родном быту много уцелевших примет вольной старины: "Такой поразительной нищеты и забитости, какую на каждом шагу можно встретить в русской деревне, на Дону пока не найдешь. Казак не знал крепостной зависимости, сознание собственного достоинства еще не умерло в нем".

Участие в донском сопротивлении 1918-20 гг. у Крюкова - от неприятия революционного насилия и разложения. Его родная станица Глазуновская - на севере Донской области, недалеко от слободы Михайловки (ныне город Волгоградской обл.). Распоясавшаяся шваль грабила, убивала скромных интеллигентов и офицеров. Крюков боролся за сохранение казачьего уклада, за "свой порог и угол".

"Шульгинская расправа", в отличие от чернового "Булавинского бунта" - завершенное целое, с запоминающимися в канве фактических событий выразительными портретами Долгорукова, Булавина, казачьих старшин, мастерским воспроизведением стародавнего быта, природы. В дальнейшем Крюков будет широко вводить в очерковое повествование пейзажные зарисовки, жанровые сценки, авторское лирическое отступление, живой диалог, доводя до предельной точности передачу речевой манеры верхнедонских казаков, напишет немало рассказов и повестей. Его искусство не столько в придумывании фабулы, сколько в разработке характеров, колорита, языка. Атмосфера крюковских повествований часто задушевно-тёплая, порой тревожно-мечтательная, иногда язвительно-ироничная.

Сострадательный, принявший жертвенный характер любви к родине пафос сопровождает заключительный период его творчества, включая выступления и зарисовки в донской периодике 18-19 гг. (особенно с Усть-Медведицкого боевого участка). Вот пример - сцена в прифронтовом госпитале:

" - Игнат, играй мне песню, - говорит с одной койки больной полудетский голосок. - Сыграй мне, Игнат, "В лесах тём-

ных Кочкуренских русский раненый лежал".

- Да ведь не приказывают, Тимоша, - говорит сидящий у изголовья брат ли, или товарищ.

- Кто не приказывает?

- Доктор.

- Я дозволяю. Я - тяжело раненый. Мне сам феришал Иван Сергеевич на гармонии играл... "Русский раненый лежал..." - медленно повторил полудетский голосок.

1919 г. Перед уходом с Дона. Ф. Крюков с сестрой Марией и приемным сыном Петром.

И в тоне, вложенном в эти слова - русский раненый - звучала невыразимо-трогательная детская печаль, хрупкая и нежная. И трудно было удержать слёзы жалости и скорби, ибо родина, великая и убогая, несчастная родина теряла последние лепестки, самые ароматные, нежные и прекрасные".

Крюков жалел не только казаков. Для него и неприятель с противоположного берега, красногвардейцы, представлялись братьями, "связанными с нами узами единого языка и истории, и единой горестной судьбы". Отсюда авторское ударение в приведённом отрывке - "русский раненый". Донское казачество было для Крюкова плотью от плоти русского народа, его лучшим родимым чадом.

Его свидетельства с мест сражений, достойные переиздания - искреннейшее приношение на могилу неизвестного солдата той войны. Времени развернуть образ казака-повстанца до масштабов героя Крюкову отпущено не было...

Новая книжка вышла под грифом "Исследования по проблеме авторства "Тихого Дона". Составители, преданные памяти Крюкова, много сделали для популяризации его наследия. Но в желании непременно найти в «Тихом Доне» крюковский след, бывает, фантазируют. Вот и "Булавинский бунт", оказывается - иницирующийся набросок или черновой фрагмент пропавшего крюковского исторического романа-эпоса, попавший в руки Шолохова! Крюкову на том свете, статься, и не хочется "подвёрстываться" под "Тихий Дон" - а подвёрстывают!

Когда же мог Крюков в последние два года жизни эпически описать противостояние на Дону? Он лишился рабочего места в Глазуновской весной 1918 года, прятался от ревкомовцев в медведицких лесах, ходил на мироновцев в атаку, был контужен, тащил на себе воз общественной, редакторской и педагогической работы, регулярно давал репортажи с театра боевых действий и заседаний Войскового круга. Эпопеи же пишущая с некоторой временной дистанции...

Макаровы проводят параллели между булавинским текстом Крюкова и "Тихим Доном". Вот Булавин и Гуляк поют дуэтом: один ведёт, второй подголашивает - и у Шолохова мужской дуэт Атаршикова и Долгова с традиционным подголоском. Или еще - в "Тихом Доне" помянут булавинский бунт и повешенные, пущенные на плотах вниз по реке. Но об этом Шолохову могли рассказать и без Крюкова - на Дону люди памятливые... Мне аж в середине 80-х годов, в левобережном донском лесу, довелось слышать рассказ о тех событиях! Сельский священник из казаков вспоминал, что генеральное сражение Булавина с российским войском случилось недалеко от мест, где мы беседовали. Иные булавинцы, говорил батюшка, прятались в правобережных глубоких балках, рыли землянки, обращались к Богу, становились отшельниками. Он вёл речь не по-кишному, а от казачьего предания. Крюкова вряд ли читал...

Непонятно также, в чем сходство художественного строя "Тихого Дона", с его допущением "наибольшего нажима на человека" (выражение литературоведа П. Палиевского) - и традиционного для русской литературы XIX века гуманного, "щадящего" письма Крюкова? Крюков чурался натуралистических подробностей, каких хватает в "Тихом Доне".

Но и не глухой я, чтобы не слышать отзвук Крюкова в "Тихом Доне"! Вот явное пересечение. Отголосок Германской войны в донских станицах автору, кажется, был ближе - Шолохов сам признавался, что военно-историческая часть давалась ему труднее всего. Фрагмент из "Тихого Дона":

"Вместе со второй очередью ушла и третья. Станицы и хутора обезлюдели, будто на покос, на страду вышла вся Доница.

На границах горькая разгоралась в тот год страда: лапала смерть работников, и не одна уж простоволосая казачка отпрощалась, отголосила по мертвому: «И, родимый ты мо-о-о-й. И на кого ж ты меня покинул?»

Ложились родимые головами на все четыре стороны, лили рудую казачью кровь и, мертвоглазые, беспробудные, истлевали под артиллерийскую панихиду в Австрии, в Польше, в Пруссии... Знать, не доносил восточный ветер до них плача жен и матерей.

Цвет казачий покинул курени и гибнул там в смерти, во вшах, в ужасе.

В погожий сентябрьский день летала над хутором Татарским молочно-радужная паутина, тонкая такая, хлопчатая. По-вдовьему усмехалось обескровленное солнце, строгая девственная чистота неба была отталкивающе чиста, горделива. За Доном, тронутый желтизной горюнился лес, блекло отсвечивал тополь, дуб ронял редкие узорчато-резные листья, лишь ольха крикливо зеленела, радовала живучестью своей стремительный сорочий глаз.

В этот день Пантелей Прокофьевич получил письмо из действующей армии...

У Крюкова в рассказе "Ратник" приговаривает по убиенным казакам и своему Пашутке его мать:

"И, милые мои казаченьки! - причитала Марина: - лезли вы на Карпаты, по сыпучим снегам, нужды видали сколько, холода, голода... А отседа согнали вас во единый скорый часочек, во минуту одну... И легли вы, мои сердечные, в зеленой долине, полили землю кровью алой за нас грешных, засеяли кудрявыми казачьими головушками... Легли, сердечные мои вьюноши, в расцвете сил, в разгаре красного лета..."

С тех дней не улеглась тревога сердца, не переставали давить тяжёлые сны. Каждый новый день приносил новую весть - и все страшную. Сорок человек потеряла станица в каких-нибудь три недели. И замирало у Марины сердце от страха, когда маленький Андрюшка, белобрысый мальчуган, почталон-доброволец, разносил по дворам письма, и когда она вместе с другими соседками бежала слушать, если письмо было из 20-го полка.

Подошел покос, изнурительный: тут - дожди, тут травы понаросло столько, что и старики не запомнят, и росы, как лес, - ничем не возьмешь - густа, высока. А рук - нету. Горе было глядеть на одиноких бабенок: одулись от слез - ни косы отбить некому, ни полом починить, шлея оборвалась - колесом от юбки надо связывать, колесо рассохлось - иди в люди...

Похоже! Есть и покос-страда, и матери, и вдовы, и слёзы, и письма, приносящие страшные вести, казачьи головушки (у Шолохова - головы)... Но - разная стилистика! В "Тихом Доне" - резче, выразительнее. Я и еще подскажу, где искать схожесть в образах матерей-казачек. Кроме Марины, их у Крюкова много: ждущих сыновей, бесконечно преданных, написанных участливо, с душой. Но ни один из кряковских материнских образов не подан так рельефно, как Ильинична, мать братьев Мелеховых.

И еще отзвук Крюкова у Шолохова. И в "Булавинском бунте", и в "Шульгинской расправе", и в одной из последних корреспонденций Крюкова «Войсковой Круг. Живые вести», как заметили Макаровы, звучит одна песня - тот самый старинный плач, что стал выразительным эпиграфом к "Тихому Дону" (правда, у Крюкова немного иной вариант) - причитание по казачьим головушкам, которыми засеяна родная земля:

*Не сохами-то славная землюшка наша распахана...
Распахана наша землюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка казачьими головами,
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Цветен наш батюшка тихий Дон сиротами,
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, материнскими слезами...*

М.Мезенцев в книге "Судьба романов" также приводит множество параллелей текстов, в том числе убедительных. В сопоставлении кряковской "Зыби" с "Тихим Доном" - и ситуативное, и текстуальное сходство. Вот Григорий лезет на астаховский баз: "Он слышал... частые удары сердца. Аксинья... подошла к окну. Он услышал с губ ее невнятный стон..." Терпуг из "Зыби" подходит к дому Ульяны: "Стучало частыми ударами сердце... Терпуг уловил чуть слышный стон..."

Или такие наложения:

"В самом начале четвертой книги романа есть вдохновенно выписанная сцена. Аксинья возвращается лугом в Веденскую. Она уснула среди благоухающей зелени. ...Из-под

куста...сочился... душок гниющей прошлогодней листвы". Неожиданно проснувшись, она видит, что рядом стоит "молодой белоусый и белоzubый казах...Он...сильной рукой обнял ее, рывком притянул к себе... - Не дерись ... гляди, всякая тварь паруется». Аксинья сопротивляется, «купираясь ладонями в бурое, потное лицо казака".

На таком же лугу была и Ульяна из повести из повести Крюкова "Офицерша": "В дубовом кустарнике... с серой плесенью прошлогодняя ржавая листва". Она смотрит на птиц: "хорошо вам теперь парочками летать". И всадник "молодой...фуражка чуть держится на курчавых светло-русых волосах...весело оскалены зубы...Он поймал ее рукой за шею и привлек к себе... Она уперлась обеими руками ему в грудь".

Пантелей Прокофьевич подносит хлеб-соль приехавшему в хутор генералу: "Генерал Сидорин через его голову бегло оглядел толпу, звучно произнес: - Здравствуйте, господа старики! - Здравия желаем, ваше превосходительство! - взброд загомонили хуторяне. Генерал милостиво принял хлеб-соль из рук Пантелей Прокофьевича, сказал "спасибо" и передал блюдо адъютанту".

Но Пантелей Прокофьевич был недоволен церемонией: "велико было его разочарование".

Из повести Крюкова "Шквал": "Старик Козьма Федосеевич поднес на блюде хлеб, - генерал истово перекрестился, поцеловал хлеб и передал его адъютанту... Потом генерал подошел к шеренге стариков и не сказал, а воскликнул... - Здорово, станичники! И станичники не очень дружно, но громко и старательно прокричали: - Здравия желаем, ваше превосходительство". Но "чего-то не хватает, и такое ощущение растет в душе, будто кто-то обещает много, а дать ничего не дал".

Как толковать эти пересечения вне знания Шолоховым текстов Крюкова? Хотя среди приведенных совпадений есть и речевые клише, пословицы, поговорки, присказки, можно сослаться и на изображение "типичных характеров в типичных обстоятельствах", на произвольные совпадения - оба писателя наблюдали ведь одну и ту же действительность, слышали один и тот же язык...

Историю с сундучком и перемётными сумами Крюкова, якобы оказавшимися у тестя Шолохова, Петра Громославского, бывшего атамана Букановской станицы, я продолжаю считать легендой. Даже если Громославский и передал зятю какие-то рукописи, выдавая за собственные - как доказать, что это были листы "крупной вещи" Крюкова?

Сам Шолохов не отрицал, что пользовался при написании "Тихого Дона" источниками - но, якобы, плохо помнил, какими. Что он, как утверждал, не знал имени Крюкова - видимо, лукавил. Шолохов активно использовал в романе донскую периодику времён междоусобной войны. По свидетельству казака А. Солдатова, его земляка, подростком Шолохов брал у них в доме номера "Русского богатства", где печатался Крюков.

Думаю, наиболее соответствует действительности - насколько мы сегодня можем ее представлять - такой вывод. Шолохов наверняка читал Крюкова (в юности, при написании ли романа). Возможно, делал выписки - а после скрывал, боясь признаться (его и без того критиковали за сочувствие к восставшим казакам). Или кто-то (Громославский?) помогал Шолохову использовать тексты Крюкова, не называя их автора.

Так или иначе, произведения Крюкова - тематически и по языку - отложились в знаменитой эпосе. Может, даже были литературными образцами, на которые равнялся ее автор. И "Тихий Дон", таким образом, включается в единый ряд донской литературы, учитывая, пусть и неявно, сделанное "первым донским национальным писателем" (как называл Крюкова его земляк Роман Кумов). Крюков же, в свою очередь, продолжил в своем творчестве дело работавших прежде донских литераторов и историков.

Строго говоря - мы имеем дело с литературным влиянием, с многочисленными реминисценциями ("Литературный энциклопедический словарь" так характеризует реминисценцию: "черты, наводящие на воспоминание о другом произведении... невольное воспроизведение автором чужих образов... бывают смутными и неуловимыми, напоминая творческую манеру, характерный комплекс мотивов и тем какого-либо автора"). Шолоховедение, рано или поздно, будет говорить о влиянии творчества Крюкова на Шолохова, учитывая произведения Крюкова как один из неназванных Шолоховым источников своего романа!

О. Мраморнов

Приехали!..

историческая "наука" на службе у неолевизма

Выражение "приехали!" обозначает, в том числе, тупик в конце некоего пути. Характеризует оно и нынешнее состояние российского общества: проведя столетие в войне за утверждение по всему миру химеры марксизма, оно, похоже, так и не поняло, что путь этот тупиковый!

Только разрушив казармы и тюрьмы, можно построить что-то новое на их месте. У нас же все пытаются навести на них глянec - они-де после этого превратятся в храмы.

Открытие памятников Андропову и Дзержинскому, само обсуждение возможности установки, вслед за несколькими случаями по стране, монумента Сталину в столице - согласитесь, "тенденция"!

На ТВ все еще оживают "герои" гражданского истребления - Чапаев, Пархоменко, Буденный и др. Не отстают и печатные издания. "Советская Россия", "Завтра", "Комсомольская правда", "Правда", сотни местных газеток поливают грязью все, что ненавистно коммунистам. Подпевают им и многие "патриотические", "исторические" издания.

Вот и известный публикациями на исторические темы журнал "Родина" включился в эту гонку в никуда. Ноябрьский за 2004 год его номер сразу двумя статьями - "Ряженые" и "Война вокруг войны" - пытается оживить дух большевизма в отношении к казачеству.

Известно ли двум "ученым" Козловым, что армии белых комплектовались в основном из казаков, понесших в гражданскую громадные потери? Что до 15 % их не пожелали жить в стране, покоренной международным сбродом, и ушли за рубеж? Неужели не известно Козловым, как потом большевики мстили казачеству, методически уничтожая его?..

Товарищи Козловы, поезжайте в Читу, познакомьтесь с Архивом ФСБ (если вас еще допустят до него - сегодня вновь намертво закрыты многие архивы, особенно МВД и ФСБ, начиная с Центрального Архива ФСБ РФ, и кончая архивами ФСБ в каждом из регионов) - в нем хранятся сорок тысяч архивно-следственных дел репрессированных, в основном забайкальских казаков! И в каждом - списки на расстрел по несколько человек. В "деле" 1-го Отдела Забайкальского казачьего войска, по которому "судили" моего крестного, числится 160 человек. Масштабы содеянного вас, товарищи Козловы, не потрясут?

А закрыта документация еще и потому, что слишком ясно предстают из этих "дел" методы создания провокационных "заговоров" против власти.

До сих пор не подсчитано количество жертв коммунистического режима в России, по каждому ее региону - это невыгодно наследникам большевизма. Вот и пишут "ученые" научные трактаты, превознося коммунизм в сравнении с нацизмом.

Немцы отказались от нацизма - и живут, нам кредиты дают. А мы - нищие победители. Две мои тети, работавшие в войну на колхозных полях, получают пенсии в 80-летнем возрасте по 940 рублей - это когда мясо на рынке до 150 руб. за кг. Все цепляемся за советское прошлое, как за соломинку, ищем спасения...

"Ученые" продолжают изображать казаков, сражавшихся во 2-й мировой войне на стороне Германии по тактическим соображениям борьбы с большевизмом, как "карателей". А Александр Невский, после Ледового побоища вступивший

в союз с Ордой - тоже был "карателем" и "предателем"?

70 лет советская историческая "наука" изображала казаков карателями и душителями свободы - этой ложью заполнены все книгохранилища. Мы не выбросили на помойку эту большевицкую ложь, как не выбросили Ленина из Мавзолея и не переименовали улицы с именами палачей. Мы все это оставляем внукам для "счастливой" жизни. Каким будет это счастье - можно догадаться.

Мои прадеды осваивали Сибирь - от Урала до Тихого океана. Прапрадед, есаул Сибирского казачьего войска, венчался в Троицком храме Кургана (разрушенном в 1957 году), а прадед, урядник Забайкальского войска - в храме под Читой. Нынешняя Россия живет только за счет освоенных ими земель, за счет сибирской нефти и газа (будет время, может, придется пить байкальскую воду). Не будь этих богатств, коммунизм давно бы "отдал концы". А он живет и здравствует, да еще поливает нас грязью!

Вот еще цитата из "Родины": "Наконец, пришло осознание, что бездумный нигилизм в отношении советского прошлого, из которого вышли все современные лидеры России, - бумерангом бьет по важнейшим институтам государства - армии, образованию, культуре".

Хоть бы многомиллионных жертв постыдились!

11 января 2005 года в Кургане опубликован материал по совместному проекту областной газеты "Новый Мир" и все той же "Родины". Главный редактор журнала В. Долматов так обращается к читателям: "Мы наследники своих отцов. Мы наследуем эту землю, на которой, увы, уже многое приватизировано: недра, образование, здоровье. Но есть субстанция, которую никто не может "приватизировать" при всем хотении - это русская душа".

Только при чем тут хотение Долматовым и К° снова в коммунизм - и "русская душа"? Впрочем, "Родина" с нашим "Новым миром" в одной упряжке оказалась не случайно. В Кургане обком КПСС в 1991 году власть не отдал - и поныне здесь правит в полном составе его отдел пропаганды, в лице губернатора, взшедшего на престол недавно на третий срок, и его замов. А "Новый Мир" до 1991 года звался "Советским Зауральем" и был органом обкома КПСС.

Сменив название, газета не сменила свое мировоззрение, содержится же за счет средств областного бюджета - т.е. за счет простых граждан. Здесь недавно во всю полоскали Ельцина, а теперь клянутся в верности Путину. Ведущий журналист "Нового Мира" Владимир Межевики в дни, когда в Екатеринбурге открыли храм в память убиенной царской семьи, написал: "Вылизывают царские косточки до бела".

"Ученые" Козловы пишут: "Трудно ждать патриотизма у граждан, если им внушать, что они выросли в плохом обществе с плохими символами". Так объявите сразу и честно - мы-де продолжаем строить коммунизм с прицелом на Мировую Революцию и хотим закончить с буржуями!..

По логике Козловых выходит - если немцы знают о плохом нацистском обществе с плохими символами и осуждают национал-социализм, то они не любят свою Родину. Тогда, конечно, миллионам россиян нечего знать о коммунистическом прошлом страны!..

А, может, это они - и есть те самые, кто не любят Родину?..

И. Хлебников (Курган)

О героях и шакалах

"После трёхлетней жестокой борьбы за свою волю и долю, мы не сдались на милость победителей. Оставив родительские курены, семьи и могилы Предков, с оружием в руках ушли на чужбину..."

Из казачьего манифеста 1921 года

"Только через фронт, через борьбу, через жертву может быть получен доступ и место там, где была наша Родина..."

Генерал П.Н.Краснов, 1942 г.

Стая шакалов может напасть на раненого или пожирать останки уже мёртвого льва. Но львами от этого не станут!..

Статья "Преступники на службе у врагов России" появилась в числящей себя "опозиционной русской патриотической" газете "Наше Отечество". Некто "специальный корреспондент в Париже Игорь Донской" пишет о казаках и русских добровольцах на стороне Германии, негодуя - дескать, "за последние годы... началась защита власовских изменников и казаков..."

Написано "по зарубежным источникам", однако по сути - типично советский набор некомпетентности и подтасовок, десятилетиями навешиваемый на уши "совкам", ныне "дорогим россиянам". Дискутировать тут бесполезно - но и не замечать нельзя: эта статья отражает заметную тенденцию нынешних "патриотических" изданий.

Месье Donскоу обвиняет исследователей, среди которых немало "остепененных" профессионалов: "эти писатели не историки, а что-то где-то услышали и начали чиркать пером по бумаге". Не по душе ему подлинные документы, в том числе советских архивов, заставляющие по иному взглянуть на трагические события 1941-45 гг. А что же "начиркал" сам "специальный корреспондент"?..

Начинает он с того, что немцы, якобы, набирали в помощники не добровольно перешедших на их сторону красноармейцев (только за лето-осень 1941 года их около трёх миллионов сдалось в плен) и местных жителей, а "предпочита-

ли выбирать в тюрьмах арестантов-бандитов". Как пример приводится создание Русской Освободительной Народной Армии "под командованием вышедшего из тюрьмы Бронислава Каминского в г. Локоте в "районе Смоленска".

Каминский отбывал срок по обвинению в контрреволюционной деятельности (врагов советской власти всегда объявляли бандитами), в 1941 году работал инженером в Локоте. Город этот находился тогда в Орловской, а ныне в Брянской области. На освобождённой от большевиков земле было создано уникальное территориальное образование - "Локотская республика", на территории которой не было германских формирований. Позже РОНА (армии Локотской республики) был придан статус 29-й дивизии войск Waffen-SS (Русская N 1).

Г. Кромияди и А. Бочаров вовсе не были помощниками Каминского, как считает И. Донской - это офицеры другого формирования, Русской Национальной Народной Армии, организованной в начале 1942 года неподалеку от Орши. Личный состав ее набирался из числа добровольцев среди плененных красноармейцев. В сентябре 1942 года руководство РННА перешло к бывшим командирам Красной армии - В.И. Боярскому и Г.Н. Жиленкову.

Продолжает "специальный корреспондент" историей пленения генерала А.А. Власова: "2-я ударная армия... попала в окружение, но тогда ещё никто не подозревал, что Власов был предателем..." Да сам Власов тогда ещё не о чём "не подозревал"! Автор излагает удивительную историю, что командарм был уже почти спасён особой "спасательной группой... под командованием капитана Эжемлярского" - но, "не реагируя на окрики... с восемью спутниками скрылся".

В реальности - всё наоборот. Об обстоятельствах пленения раненого командарма 12 июля 1942 г. подробно рассказала в НКГБ М.И. Воронова (повар в группе Власова); есть также отчёт переводчика 18-й армии Вермахта зондерфюрера К. Пельхау. Они совпадают в основных деталях.

Вечером 11 июля Власов и Воронова пришли в деревню Тухолежи в поисках продуктов, обратившись в дом местного старосты - где и были задержаны местной вспомогательной полицией ("Отряд самоохраны"). Власов выдавал себя за учителя-беженца, но был опознан по портрету. В лагерь военнопленных он прибыл - как позднее сообщал в Открытом письме "Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?" - ещё будучи формально лояльным по отношению к СССР...

Власов был не единственным высшим командиром РККА, повернувшим оружие против большевиков - до 30 бывших советских генералов поступили на службу в Русские добровольческие части.

И еще о цифрах. Оспаривая миллионный масштаб антибольшевизмского сопротивления, парижский обличитель приводит список (якобы немецкий) его участников, где указано их число по каждому народу. Всего получается у автора 540 000 человек. Но, даже не беря в расчёт чисто боевые русские формирования - одни только вспомогательные части Вермахта ("хиви") насчитывали до 670 тысяч бывших советских граждан!

Во время сталинградской операции русских в 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса было около 30%. К октябрю 1943 года, на момент битвы за Днепр, в каждой немецкой пехотной дивизии 15% личного состава - русские, получавшие обмундирование, паёк и денежное довольствие солдат Вермахта.

В письме П.Н. Краснову атаман Общеказачьего объединения в Германской империи генерал-лейтенант Е.И. Балабин писал: "...почти во всех немецких ротах находятся русские (без всяких русских отличий), и в некоторых ротах их до 40%. Иногда идет немецкая рота и поет русские солдатские песни". Известны высказывания германских генералов - если убрать всех русских с Восточного фронта, тот рассыплется. А если прибавить сюда казачьи части (первая из которых была сформирована уже 28 октября 1941 г.), русские части СС, формирования русской эмиграции...

Это уже не миллион, а побудет!..

Даже в конце войны продолжался переход советских солдат в РОА. Так, с декабря 1944 по март 1945 года через линию фронта перешли 1710 солдат, а эскадрильями ВВС РОА командовали герои Советского Союза майор С.Т. Бычков и капитан Б.Р. Антилевский.

Наконец, клеветник берётся за "горе-казаков в немецкой форме". Комментируя упомянутый уже список, он изрекает: "Часть этих изменников входили в Ваффен СС, в частности, 14-казачий кавкорпус генерала фон Панвितца" (это,

наверно, о командире 15-го Казачьего Кавалерийского корпуса генерал-лейтенанте Хельмуте фон Панвице, за преданность братьям по оружию ставшем героем казачьего народа). Далее рассуждения типа - казаки, "которые пошли к немцам, часто прихватывали своих несовершеннолетних сыновей, одевая на них казачью форму со свастикой". Ну, естественно! И не только сыновей, но и дочерей, жён, родителей. При отступлении они снимались целыми станицами, прекрасно зная все прелести красного "рая".

Со стороны немцев они встретили иное отношение. Как вспоминал войсковой старшина Н.Г. Назаренко: "В 1942 году казаки впервые за все годы своего рабства, могли открыто и свободно праздновать свой Войсковой праздник - день Покрова Пресвятой Богородицы".

"Если читать об этих горе-казаках в немецкой форме, то только они и существовали, - не унимается "специальный корреспондент". - А где же были те казаки, которые формировали казачьи соединения, особенно в начале войны, воювали, как настоящие герои, бросаясь в шашечный бой против немецких танков?"

Ну что тут скажешь? Хорошо известно, что родовых казаков среди последних было мало. Генерал П.Н. Краснов писал про них: "Корреспондент финской газеты "Helsinki Sanomat", посетив поле сражения под Харьковом, пишет, между прочим: «Советская кавалерия, донские казаки, бросились на немецкие пулеметы с обнаженными шашками. Безумие! Лошади, едва прошли 10 метров вперед, как повалились со своими всадниками на землю. Так пали сотни, тысячи! Они лежат частью собранные, частью в ужасных, почти натуральных позах на необозримой степи. Многие тысячи лошадей были взяты в плен...». Были это только ряженые казаки, или были это казаки, у которых не прошел большевицкий дурман... они кинулись в безумную атаку на немецкие пулеметы, они погибли за "батюшку Сталина" и за "свою", народную, советскую власть..."

До 1936 года казакам запрещалось служить в РККА как потенциально неблагонадёжным. Когда власть сняла этот запрет, с Дона в Кремль написали такие строки: "Пусть только кликушат клич наши Маршалы Ворошилов и Буденный, соколами слетимся мы на защиту нашей Родины... Кони казачьи в добром теле, клинки острые, донские колхозные казаки готовы грудью драться за Советскую Родину..." ("Красная звезда", 24 апреля 1936 г.). Да хоть один настоящий казак мог ли обзвать себя так похабно - "колхозный казак" - после кровавого смерча, пронесшегося по его землям?..

Приказом наркома обороны Ворошилова 23 апреля 1936 года ряд кавалерийских дивизий получили наименование казачьих. Казачье происхождение не было в них обязательным - главным критерием отбора стала политическая благонадёжность. Это и были т.н. "казачьи" дивизии, шедшие в бой с криками "за Родину, за Сталина!".

Снова и снова месье Donskou предлагает нам "патриотические" пассажи: "Они ("колхозные казаки" - Е.Г.) воювали за Родину и носили настоящую форму без орла и свастики". По мнению "товарища из Парижу", очевидно, "настоящая казачья форма" - со звездой сатаны?..

Теперь о сербских партизанах. Казачьи части в Югославии сражались с этими бандами врагов сербского народа (как и большевики - враги русского народа), с началом войны нападавшими на семьи русских эмигрантов. Казаки были красную сволочь вместе с национальными сербскими частями, верными королевской присяге - Сербской Национальной Добровольческой армией, вместе с отрядами четников - сербских монархистов. В 1945 году их ждала та же участь, что и казаков - выдача на расправу англо-американскими демократами (всего титовским режимом было уничтожено около 250 тысяч сербских патриотов).

"Добывая" казачью тему, месье Donskou избирает объектом оскорблений яркую фигуру истории казачества XX века - генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова. Начиная с обвинения в неподчинении Деникину, демонстрирует явное незнание ситуации на Юге России 1918-19 гг.

Атаман Краснов создал на территории Области Войска Донского настоящее государственное образование с 60-тысячной армией. Месье Donskou сам пишет: "Краснов обратился к руководителям Доброй армии, доказывая необходимость создания русских военных сил для внутренней борьбы, отговаривая их рассчитывать на помощь союзников (и был прав, как показало будущее! - Е.Г.), предлагал создать Русскую Армию, но Деникин предложение не принял..."

Чем же недоволен автор? Предложением Краснова Добро-

вольческой армии идти на Царицын, где находились огромные склады вооружения и продовольствия? Не отклони Деникин предложение Донского атамана - еще неизвестно, как бы закончилась война!

И уж совсем лико обвинение атамана - в дружбе с Керенским и едва ли не масонстве! Сам Петр Николаевич писал: "Я никогда, ни одной минуты не был поклонником Керенского... Всё мне было в нём противно до гадливого отвращения... Он разрушил армию, набругался над военной наукою, и за то я презирал и ненавидел его".

Спецкор же Donskou сообщает, что Керенский из Петрограда, "пользуясь масонскими братскими связями, ехал в расположение 3-го кавкорпуса генерала Краснова". Но Керенский ехал в Псков. Собственно, 3-го Кавалерийского корпуса уже не было - части его были разложены, от 50 сотен осталось 18 - в Ревеле, Новгороде и на ст. Остров, где находился и П.Н.Краснов. 27 октября у него в распоряжении было всего 480 казаков при 16 конных орудиях и 8 пулемётах! Основная масса митинговала, думая, идти ли на Петроград. В Пскове был штаб Северного фронта - его главнокомандующий, генерал Черемисов, прямо предался большевикам, заблокировав все действия Краснова по выступлению на Петроград хотя бы с остатками корпуса, о чем потом вспоминал Пётр Николаевич.

Если позднее Керенский и крутился у штаба Краснова, то это ни о чём не говорит. Как писал сам генерал - "не к Керенскому иду я, а к Родине, к Великой России, от которой отречься я не могу..." П.Н.Краснов был одним из немногих, кто хотя бы пытался выступить против большевицкого переворота, пока другие высшие командиры хотели отсидеться.

Краснов действительно был "арестован большевиками и передан Военному Революционному комитету в Петрограде", - как пишет месье Donskou, далее изрекая: "5 ноября один из известных большевистских начальников Подвойский выпустил генерала, взяв с него честное офицерское слово, что он не будет выступать против советской власти". Снова ложь - со ссылкой на "Документы Великой пролетарской революции", издания аж 1938 года.

Вечером 6 ноября пропуск на выезд из Петрограда за подписью "товарища Антонова" и печатью Военного Исполнительного комитета привезли П.Н.Краснову члены казачьего комитета 1-й Донской дивизии сотник Карташов и подпоручик Кривцов. Документ весьма сомнительный - офицеры "рекомендовали его не очень давать разглядывать".

Пробираясь на Дон по подложным документам, Петр Николаевич узнаёт, что приговорён к смертной казни, а его фотографии посланы по всем станциям от Царицына до Пятигорска с приказом немедленного уничтожения. Не всякий генерал удостоился "чести" сразу стать официальным врагом новой власти!..

Под занавес "специальный корреспондент" пишет: "Часто казаки, уцелевшие от выдачи советским властям, говорят, что выданных большевики расстреливали. Если повесили нескольких начальников по приговору суда, то пленные получили по 10 лет".

Множество свидетельств - и казаков, и местных жителей, и английских военных - опровергают очередную ложь нашего месье. Некоторые из них собраны в книге Кубанско-

го Атамана генерал-лейтенанта В.Г.Науменко, посвятившего остаток жизни сбору материалов о выдачах казаков. Вот несколько из них:

"Со слов отдельных красноармейцев... большинство из 1700 офицеров, вывезенных из-под Лиенца "на конференцию" в Шпиталь, расстреляны в Граце..." В Граце "всех казаков и власовцев выделяли в особые группы и по ночам вывозили "на работы". Машины всегда возвращались пустыми. За одну только ночь вывезли около двух тысяч человек. По словам красноармейцев, их всех расстреливали..."

Казakov помещали в лагерь около г. Клагенфурт, "там их регистрировали, а потом вывозили в Юденбург... В Юденбурге были англичане, а по ту сторону советы. Непосредственно за мостом... находился огромный сталелитейный завод... На заводе опять регистрация и допрос... Под звуки заведённых моторов машин и днём и ночью производились расстрелы".

Недалеко от завода располагался его рабочий посёлок. "Однажды жители этого посёлка, как и города, были удивлены: завод начал работать. Из заводских труб повалил дым, а все рабочие по домам и никого из них не зовут... Послали разведчиков. Показание разведки самое нелепое, которому никто не верит - Советы сжигают казаков. Однако вскоре этому поверили, так как сначала рабочую слободку, а потом и весь город придавило смрадом печёного человеческого мяса. Завод "работал" пять с половиною суток".

В августе 1974 года в британскую "Sunday Express" написал бывший английский солдат Э.Стюарт: "Я был прикомандирован к артиллерийской части и назначен охранять мост, разделявший британцев и русских (советских - Е.Т.) в то время, когда происходила выдача казаков... В эту ночь в Юденбурге ружейная и пистолетная стрельба продолжалась всю ночь и весь следующий день на фоне самого прекрасного мужского хора, который я когда либо удостоился слышать. Как эти казаки пели! И как они умирали! Потому, что если только наш счёт выстрелов был хоть сколько-нибудь верным, очень мало осталось людей для трудовых лагерей".

Закончу словами боевого казачьего офицера Н.Г.Назаренко - из ответа другому "писателю", пытавшемуся в 1961 году, подобно месье Donskou, очернить казаков:

"...Вы оскорбили нас, бывших фронтовиков, как офицеров, так и доблестных казаков всех казачьих Войск. Вы задели память доблестного командира 15-го Казачьего Кавалерийского корпуса... Мы знали генерала Паннивица ещё до создания нашего корпуса. Знали его у себя на Дону, когда он проявил свой героизм, военное искусство и глубокую любовь к казакам... Родившийся немцем - генерал Паннивиц погиб казаком... Вы оклеветали лично мне известных лиц. Мало того, Вы бросили грязную тень на казачью старшину и на всё Казачество в целом. Вы обнародовали это на страницах газет... и вооружили, таким образом, провокаторов, клеветников и врагов всего Казачества... Обливая этой грязью офицеров и казаков - поголовно выданных на погибель, Вы стараетесь не оставить возможности даже для защиты памяти этим мученикам, жертвам безбожного коммунизма..."

Весьма сожалею, что пришлось, разбирая Ваше "воспоминание", коснуться мест, которые Вы, в угоду себе, "сладдили", черня тех, кто не может за себя Вам ответить..."

Е. Тупикин

От редакции. Иллюстрация к статье - фрагмент воспоминаний ветерана советского 5-го Донского кавкорпуса. Обращаем внимание на выделенные нами строчки, не хуже исторических документов показывающие, кем были в большинстве своем те самые "колхозные казаки", кем ощущали себя.

Пасха 44-го

Весной предпоследнего года войны мне привелось воевать на территории Румынии... На восходе солнца въехали в небольшую румынскую деревню. Для каждого отделения выделили отдельный двор. Привели в порядок лошадей. Теперь надо умыть себя самому...

В доме ни одного человека. Кругом чисто прибрано, все опрятно, празднично. Стол накрыт белой скатертью, а на ней красуются крашенные яйца, куличи. Как в сказке! Где это видано, чтобы на переднем крае войны появились такие лакомства? Как дома...

Всем отделениям сели за стол. Каждому казаку - так называли нас, кавалеристов, в Пятом Донском казачьем кавалерийском корпусе, - досталось и яйцо, и кулич. Стали вспоминать, кто как встречал Пасху дома в Ивановской, Рязанской, Ростовской, Горьковской областях. А я из Удмуртии. За последние тринадцать лет я впервые так торжественно встречал Пасху, и не на родной, а на чужой земле.

В 1931 году наша семья была раскулачена и выселена, бабушка, дед, мать, три брата умерли. Отца с нами не было. Приходилось ночевать в таких местах, что язык не повернется сказать.

За столом я сидел и молчал. Мне было обидно. Слушал других, думал, какие они счастливые, имеют родителей, дом, где их ждут. А вот сегодня в день Пасхи мы - все равны, все мы сидели за одним столом, для всех нас одинаковое угощение. Я был благодарен за такое радушие хозяйину дома, хотя и в глаза его не видел...

Н. Яковлев ("Тюменские известия", 14 апреля 2001 г.)

"Казак" 5-го Донского корпуса

Башлык

В распоряжении Управления Президента РФ по вопросам казачества (от 5.01.1999 г.), в описаниях предметов казачьего обмундирования указано: "**Башлык** состоит из остроконечного колпака и двух длинных концов. Обшивается и оторачивается нитяной тесьмой. Обшивка тесьмой делается по краям, по швам и по кругу". И всё! А из какого материала он делается? Каковы его размеры? Ничего этого не указано. Так же по этой теме ничего конкретного найти не удалось и в современной печати по униформистике.

Пришлось на себя взять функцию по розыску в архивах и библиотеках материалов о башлыках - этой важной детали казачьей форменной одежды.

Представляя некоторые из найденных документов, заметим: ничего не надо выдумывать - все придумано до нас!

Башлык был введён в армии в 1862 году, цвет "мокрого песка" (светло-жёлтого), на флоте - чёрного. Одевался при морозе свыше 5 градусов, летом защищал спину от солнца.

В строю его носили следующим образом: 1) при одетом боевом ремне на плечах, поверх пальто или шинели. Колпак кладётся на спину, а концы, пропущенные под погоны, укладываются на груди накрест (правый конец под левый погон) и затыкаются перегнутыми за боевой ремень. 2) без боевого ремня: концы завязываются спереди плоским узлом и затыкаются за борт пальто или шинели между 3-й и 4-й пуговицей или пропускаются вторично спереди назад, накрест и под погоны.

3) при одевании на голову: колпак одевается на головной убор, а концы обвязываются вокруг поднятого воротника. 4) при одевании на шею: перегнутый надвое колпак прикрывает затылок, и концы обматываются вокруг шеи, а воротник не поднимается.

По краям обшивался защитной, жёлтой тесьмой или по цвету войска для нижних чинов, золотым или серебряным галуном, офицерам. В 17-м Донском генерала Бакланова полку башлык для шика шили чёрный, с белой ("серебряной") тесьмой.

А. Азаренков

PS: 1 вершок = 4,445 см; 1 аршин = 16 вершков = 28 дюймов = 71,12 см.

аб - 10 вершков, ав - 7,5 вершка, бв - 11 вершков, бг - 27,5 вершков, де - 3,5 вершка

Правильное построение

1876 г. Апрель 15. Военный Совет постановил для устранения недоразумений, возникающих при приёме войсками башлыков, а также для единообразного раскроя башлыков, как в войсках, так и в интендантских мастерских отменил приказ 1862 №180.

Башлык шьётся по выкройке из двух кусков верблюжьего сукна, собственно на колпак, и двух, подшиваемых к концам. Башлык состоит из остроконечного колпака (а, б, г) и двух длинных концов (б, в, г), которые, в случае надобности, обвёртываются вокруг шеи. Длина заднего шва (а, б) $11\frac{3}{4}$ вершка; длина переднего (а, г) $6\frac{1}{2}$ вершка, и длина концов (б, в) 1 аршин $9\frac{1}{2}$ вершка. Ширина колпака (б, г) 11 вершков.

Башлык для нижних чинов оторачивается нитяною тесьмой, шириною в $\frac{2}{8}$ вершка под цвет башлыка, по швам колпака и по краям (рис. 1).

Нижним чином всех войск к Великой войне

Длина заднего шва колпака $9\frac{3}{4}$ - 10 вершков, длина переднего шва $7\frac{1}{4}$ - $7\frac{1}{2}$ вершка, ширина колпака 11 вершков. Длина концов 1 аршин $11\frac{1}{2}$ вершка, ширина концов у выреза колпака $3\frac{1}{8}$ - $3\frac{1}{4}$ вершка, затем ширина эта постепенно уменьшается и у свободных концов краёв равняется s - 1 вершок.

Ширина тесьмы $9/32$ вершка. Обшивка башлыка тесьмой делается: а) по краям и по швам (переднему и заднему), а радиус равен $3\frac{7}{8}$ вершка; б) и по диаметру этого круга, перпендикулярно к швам колпака (рис. 2).

Согласно приказу РВС СССР № 302 "личному составу 11-й кавалерийской дивизии" от 4 июня 1926 г., башлык изготавливается из двух кусков тёмно-серого (кавказского) сукна с подгибом обрезных краёв и обшивкой их чёрным шнуром. Башлык состоит из остроконечного колпака и двух длинных концов, которые, в случае надобности, обвёртывались вокруг шеи. Длина концов от верхушки 1,45 м, ширина концов у выреза колпака 70-73 см. и внизу 20 см. На каждом конце башлыка делались петли для придержания его на шею. На вершине колпака пришивалась кисточка из кручёного чёрного шнура в 30 концов, длиной 15 см.

По приказу НКО СССР № 67 от 23 апреля 1936 г., башлык изготавливался из сукна: для терских казачьих частей - светло-синего цвета, кубанских - красного, донских - серо-стального. Покрой - аналогично кавказскому башлыку, но несколько меньше по размерам. Оторочка краёв чёрной тесьмой.

Во вторую Гражданскую войну казаки носили башлыки "из военной добычи" (см. рис. радиста 15 ККК Олафа Йордана), шили и сами из подручного материала (рис. 3-4).

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 115569,
Каширское ш., 86 - 3 - 586

тел.\факс (095) 390 4202. E-mail:
stanitsa@rambler.ru; shukov_v@mail.ru
архив - www.stanitsa.nm.ru

Главный редактор -

- Валерий Шуков

Редактор -

- Георгий Кокунько

Редколлегия :

Александр Азаренков

Игорь Борисов, Виктор Карпов

Олег Мраморнов

Андрей Серба

Павел Стрелянов (Кулабухов)

Юрий Сухарев

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько